

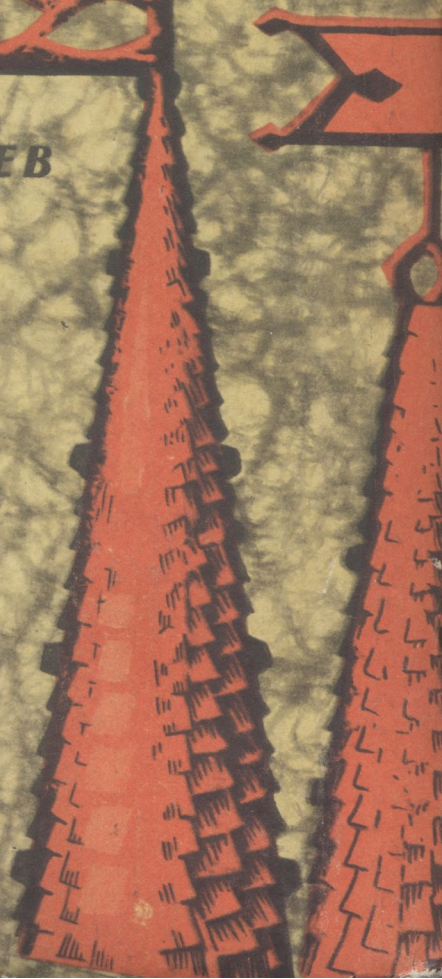
Юрий Яковлев • Письмо с вулканического острова

Юрий Яковлев

Письмо с вулкани- ческого острова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Joseph Nicolai

Юрий Яковлев

Письмо с вулканического острова

Рассказы

Издательство «Детская литература»
Москва 1965

Право на счастливый конец дается писателю не легко. Как и в жизни, в правдивых рассказах герои идут не гладкой, накапанной дорогой, а сами прокладывают себе путь. Им приходится бороться, переживать, пересматривать свою жизнь. Но если даже герой рассказа не успеет достичь того, о чем он мечтает, не успеет одержать победы, то перед ним раскрывается горизонт будущего и огонек надежды не гаснет.

В правдивых и поэтических рассказах этой книги не всегда все кончается хорошо. И порой рассказы навевают чувство грусти. Но сквозь эту грусть, как сквозь пелену тумана, пробиваются негасимые лучи веры в победу справедливости, в победу хороших людей.

Не отступать от своих идеалов, не изменять дружбе, не искать легкой дороги и, если тебе приходится туго, не падать духом, а быть готовым постоять за свои идеалы — вот что объединяет героев рассказов Юрия Яковлева.

Мы будем очень рады, если они найдут путь к твоему сердцу, читатель.

Напиши нам, понравилась ли тебе эта книга, по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Scan AAW

ВСАДНИК, СКАЧУЩИЙ НАД ГОРОДОМ

Завтра об этом случае заговорит весь город. А сегодня о нем знают лишь несколько любопытных прохожих, пожарные добровольной дружины и четвертое отделение милиции. Но даже им неизвестно, ради чего Киру решился на такой отчаянный поступок.

Поздней осенью город похож на корабль, выходящий в открытое море. Сырой туман обволакивает дома. Мостовая мокрая, как палуба, по которой только что прокатился соленый морской вал. Провода поют, как снасти. И Киру кажется, что город даже слегка покачивает.

Киру поднимает голову. Он видит, как обрывки серых облаков быстро проносятся над самыми крышами. А может быть, они-то как раз и неподвижны, а это город торопливо плывет в открытое море.

Киру смотрит на шпили — чем не мачты! — на антенны, на трубы и на флюгера.

В городе много флюгеров. В былые времена город моряков часто обращал взор к железным помощникам — флюгерам: они первыми приносили весть о попутном ветре. Теперь на флюгера никто не обращает внимания. Но их не предупредили, что они больше не нужны людям, и флюгера продолжают нести свою трудную службу. Там, высоко над городом, между небом и землей, скрипя ржавыми петлями, они тяжело поворачиваются на своих штырях. Как живые суще-

ства, они разговаривают с ветром и дождем, а первые снежинки, прежде чем опуститься на землю, тихо шуршат рядом с ними.

Случается, что у одного из городских флюгеров так крепко заклинит ржавые петли, что он уже не может пошевелиться. Флюгер погибает, как боец, на посту. Люди же не замечают смерти старого флюгера. Стоит на крыше — и ладно.

Киру и его друзья идут по городу и рассматривают флюгера. И кто-то кричит:

- Смотрите, рыба из моря на крышу прыгнула!
- Все задирают головы. Все смотрят на рыбу.
- Подумаешь, рыба! А ты видел флюгер-русалку?
- А я знаю трех петухов.
- Петухи ерунда!
- Петухи приносят счастье!
- Ничего подобного! Они берегут дом от пожара.
- Бабушкины сказки!

Киру идет молча. Он не принимает участия в этом беспорядочном споре. С некоторых пор он стал молчаливым. Особенно если рядом Айна.

Ему кажется, что Айна появилась совсем недавно. Приехала издалека и пришла в класс, как новенькая. На самом деле Айна ниоткуда не приезжала, а учится в одном классе с Киру уже пять лет. С третьего класса. Может быть, «старую» Айну подменили?

В «новой» Айне его интересует все. Он знает, что Айна худенькая, стройная, как тростинка. И что волосы у нее не золотые и не желтые — соломенные. И хотя глаза у девочки так глубоко посажены, что сразу не определишь их цвет, Киру знает: они зеленые. Осенью Айна носит серое пальто с черными черточками. А шапка на ней красная.

Сейчас Айна идет со всеми неподалеку от Киру и внимательно следит за спором о флюгерах. И ее вздернутый носик сам, как флюгер, поворачивается от одного спорщика к

другому. Она ждет, когда ребята все выговорят, и только тогда вступает в разговор.

— А я знаю дом, на котором флюгер не петух, не рыба, не стрела, — говорит Айна, посматривая, какое впечатление произведет ее рассказ на ребят. — Это какое-то странное существо. Он очень высоко, поэтому не разберешь.

— Где этот дом?

— Показать?

— Покажи.

И вся компания сворачивает за Айной в переулок.

Киру тоже сворачивает в переулок. Он вообще ходит за Айной как тень. А она, как на тень, не обращает на него внимания. Потому что Киру никто не подменил и он для Айны все тот же, что был пять лет назад.

Обычно, когда Айна возвращается домой, Киру идет за ней. Его от Айны отделяют каких-нибудь десять шагов. Но эти десять шагов стоят десяти километров. Десять километров Киру прошел бы запросто, а этот десяток шагов никак не может преодолеть. Он идет по улице, никого не замечая. Он видит только серое пальто с черными черточками и красную шапочку.

Айна знает, что Киру идет за ней. Ее это злит. Что за глупый парень! Если бы он шел рядом, можно было с ним поболтать. А так получается, что он выслеживает ее. Айна неожиданно останавливается и резко поворачивается. Тогда Киру, застигнутый врасплох, тоже останавливается и опускает глаза. Он смотрит себе под ноги. А когда снова поднимает глаза, Айна уже далеко. Иногда она совсем убегает. И Киру остается один.

Сейчас кругом ребята, и Киру чувствует себя уверенней. Его робость перед Айной не так заметна. Правда, ему все время кажется, что Айна относится ко всем лучше, чем к нему, хотя только он один готов сделать для Айны что угодно.

— Далеко еще? — спрашивает кто-то из ребят Айну.

— А ты уже устал? — откликается девочка. — Свернем за угол, а там рядом.

Киру никогда бы не спросил Айну: «Далеко или нет?» Он может идти за ней хоть на край света. И он немного завидует друзьям, которые могут тянуть Айну за руку, спорить с ней и задавать ей вопросы.

Когда ребята подошли к дому с загадочным флюгером, повалил снег. Не белый морозный снег, а серый, вперемежку с дождем. Ребята подняли воротники. Айна поглубже натянула красную шапочку: только нос выглядывает. Киру поежился, но воротник поднимать не стал. Он решил, что с опущенным воротником у него более мужественный вид. Но о каком мужественном виде могла идти речь, если Киру худой и узкоплечий. Подбородок у него заострен, а нос маленький и ровный. Брови и ресницы такие белесые, будто их подпалили и мальчик остался совсем безбровым. Руки у Киру белые, без мозолей. А на носу у него очки.

— Вот таинственный флюгер, — сказала Айна, — смотрите.

Вся компания задрала головы. Ребята увидели высокую черепичную крышу. Черепица похожа на красные перышки, а вся крыша — на большое алое крыло. На самом краю конька возвышался штырь. На нем был флюгер. Даже с земли видно, что этот флюгер не чета своим собратьям. В его формах было что-то стремительное и непонятное. Что хотел изобразить древний флюгерных дел мастер?

— Да это петух! — воскликнул кто-то из друзей Киру.

Одного слова было достаточно, чтобы вспыхнул спор.

— Петух? Ты, наверное, никогда петухов не видал. Хорош петух, без хвоста!

— Откуда ты взял, что без хвоста? Надо быть слепым, чтобы не видеть хвост.

— Киру, ты в очках, ты должен видеть лучше всех. Скажи, есть хвост или нету?

Краска ударила в лицо Киру. Ему показалось, что, напоминая об очках, товарищ хотел уронить его в глазах Айны. Он покосился на Айну, ожидая прочесть в ее глазах насмешку. Но Айна даже не повернулась в его сторону. Она рассматривала флюгер.

Тогда Киру успокоился и стал тоже рассматривать железное существо, которое взмыло над городом и завело дружбу с ветром. Киру прищурил глаза. Он напрягал их. Есть у флюгера хвост или нет? Ребята ждали ответа. Но что мог им сказать Киру? Мокрые снежинки падали на очки, и стекла становились мутными. Сквозь них ничего не возможно было разглядеть на земле, не то что в небе..

— Ничего не вижу, — признался Киру.

— Эх ты, «не вижу»! — передразнила его Айна и уничтожающим взглядом смерила мальчика.

Киру стало стыдно, что он не видит хвоста. В эту минуту он ненавидел самого себя. Ни на что он не годен. И правильно делает Айна, что презирает его. Он был жесток к себе.

Не говоря ни слова, Киру повернулся и побрел куда глаза глядят.

Долго ходил он по городу, одинокий и потерянный. Холодный влажный ветер пронизывал его, а снежинки норовили непременно попасть за шиворот. Киру поднял воротник. Теперь ему уже было все равно.

Наконец он снова попал на улицу, по которой шел за Айной. Он остановился перед домом с таинственным флюгером. Ребят уже не было. Неизвестно, чем кончился их спор. Так или иначе, они давно разошлись по домам. Киру потоптался на месте. Он задрал голову и мучительно стал вглядываться в мутную высь. Он протирает стекла очков, закрывал глаза и снова открывал их. Вот если бы завтра, придя в школу, он смог бы рассказать Айне о странном флюгере! Какой-то горячий огонек вспыхнул в мальчике. Он разгорался все сильнее, наполняя сердце решимостью. Невозможное стало казаться

ся вполне осуществимым. Еще полностью не отдавая себе отчета, что он собирается делать, Киру медленно направился к подъезду дома с таинственным флюгером.

На лестнице стоял полумрак: лампочки еще не зажгли, а хмурый день давал мало света. Киру стал подниматься. Он шел мимо квартир с кнопками звонков, с ящиками для писем и газет, с почти невидимыми номерками. Он спешил, словно боялся, что огонек,двигающий сейчас его поступками, может погаснуть.

Дверь на чердак оказалась открытой. Киру подошел к слуховому окну и выглянул наружу. Ветер дохнул ему в лицо холодной сыростью. Снежинка зацепилась за его ресницу и тут же растаяла. Мальчик смотрел в окно и видел одни крыши. Они расходились во все стороны, как тяжелые застывшие волны, и вдалеке сливались с мутным морским небом.

Киру увидел сразу десятки флюгеров. Как стрелки компаса, они смотрели в одну сторону. Киру почудилось, что все флюгера города нацелили свои клювы и стрелы на него и ждут, что он будет делать дальше.

Мальчик высунулся до пояса и посмотрел на крышу. Крупные дольки черепицы уже не были похожи на легкие перышки. Тяжелые, горбатые, кое-где пробитые градом, они напоминали панцирь окаменевшего чудовища. А флюгера не было видно. Он был скрыт за высокими трубами.

На мгновение Киру охватила робость. Но свистящий упругий ветер, казалось, донес до него голос холодной, равнодушной Айны. Этот голос шепнул: «Иди!» И страх еще ниже упасть в глазах Айны оказался сильнее страха упасть с высокой, скользкой крыши.

Киру вылез из тесного слухового окна и, цепко хватаясь за выступы, стал карабкаться по крыше. Холодная черепица обжигала руки. Ноги скользили. Но Киру медленно продвигался вперед. Он не оглядывался, старался не думать о высоте. По крутой каменной горе он лез к перевалу — к коньку

крыши. Он не думал о том, каким будет его обратный путь. Он смотрел вперед.

Так Киру добрался до цели.

Вот он, таинственный флюгер, которого никто не мог разглядеть с земли. Никакой это не петух! Это конь и всадник. С земли флюгер казался маленьким и летучим. Вблизи он был большим и грузным. От времени он покрылся шершавой ржавчиной, а дым измазал его жирной сажей. Дул сильный ветер, и конь с пронзительным скрипом шарахался то влево, то вправо. Может быть, он хотел сбросить своего седока, а может быть, ему хотелось прыгнуть со штыря и растоптать тяжелыми копытами дерзкого мальчишку.

Киру сидел верхом на гребне крыши и внимательно следил за конем и всадником. В это время ветер ударил с новой силой. Конь мелко задрожал. Киру подумал, что сейчас конь сделает отчаянный прыжок и помчится со своим всадником по черепичным крышам города. Вот здорово!

Ветер ревел все сильнее. Низкие облака мчались над самой головой. Но Киру не было страшно. Его сердце пело. Все старые флюгера сорвались со своих насестов и летели над городом. Плыли рыбы, били крыльями петухи, на ветру спутались волосы русалок. Они спешили в сторону моря. И железный конь скакал туда же. И Киру почувствовал себя всадником, скачущим над городом вместе со взбунтовавшимися флюгерами. Он спешил вдаль, чтобы совершить подвиг во имя Айны.

Ветер раскачивал черный штырь флюгера. Все вокруг гудело, скрипело, гнулось. Ветер мешал дышать, и Киру отвернулся, чтобы набрать воздуха, и взгляд его упал на крышу. Он заметил, что дольки черепицы стали блестящими, покрылись прозрачным леденцом. Мальчик попробовал опереться ногой на выступ — нога соскользнула. Он еле удержал равновесие. Тогда, вместо того чтобы возвращаться к слуховому окну, мальчик еще ближе подвинулся к железному коню и обхватил штырь руками. Он прижался к нему, и от этого скрип петель

стал еще громче и пронзительней. Будто вместе с всадником и конем суставы Киру при каждом движении издавали скрип.

Киру закрыл глаза и стал ждать. Руки его коченели, а тело на ледяном ветру утрачивало гибкость.

Что будет дальше?

Постовой милиционер поднял голову и увидел маленькую фигурку на высокой черепичной крыше. Может быть, это монтер исправляет антенну? Постовой сделал еще несколько шагов и снова посмотрел наверх. Фигурка сидела неподвижно. Она лепилась у самого края конька крыши. Дальше шел обрыв.

Постовой перешел на другую сторону и стал внимательно следить за фигуркой. Она была неподвижна. Как это человек забрался туда в такой гололед? И почему он не шевелится? И как он оттуда слезет?

Некоторое время милиционер раздумывал, что ему предпринять. Потом он торопливыми шагами направился к телефону.

Пожарная машина прибыла через пять минут. Она промчалась по городу, тревожная, ревущая, красная, будто охваченная пламенем. Автомобили уступали ей дорогу, а люди провожали ее тревожными глазами и думали: «Где-то горит...» Они не знали, что пожарная машина спешила не в бой с огнем, а по другому, необычному делу.

Возле дома с флюгером машина резко затормозила. С подножки соскочил лейтенант, а к нему уже спешил постовой.

— Ну, где ваш альпинист? — спросил лейтенант.

Он был недоволен, что его дружину потревожили по такому непожарному делу.

— Вон у флюгера, — сказал постовой и кивнул в сторону крыши.

Лейтенант ничего не сказал милиционеру, а стал быстро отдавать свои понятные одним пожарным распоряжения.

Заработал мотор, и пожарная лестница стала медленно подниматься. Она была похожа на ствол огромной пушки перед выстрелом. Встав почти на дыбы, лестница стала вытягиваться. Она росла все выше и выше. Не останови ее — и она дотянется хоть до Луны. Но когда ее край коснулся крыши, лестница перестала расти. Тогда по ней стал взбираться молодой парень в брезентовой одежде и зеленой каске. Пожарный взбирался так ловко, что прохожие диву давались. Наконец он достиг края крыши.

Он увидел мальчика, обнявшего штырь флюгера. Большой флюгер мотало во все стороны. Вероятно, флюгер разделял тревогу тех, кто снизу следил за маленькой фигуркой мальчика на гребне крыши.

Пожарный тихонько позвал:

— Эй, парень!

Киру открыл глаза. Заметив человека, появившегося со стены дома, он заморгал глазами.

— Как вы сюда попали?—спросил Киру хриплым голосом.

— По лестнице,— ответил пожарный.— А вот как ты сюда вскарабкался? — в свою очередь спросил он. И добавил: — Не пойму, как ты не свалился. Ведь вся крыша обледенела.

Киру молчал. Он еще как следует не пришел в себя.

Пожарный сказал сочувственно:

— Нагорит тебе, наверное!.. Пошли.

Киру задвигал руками, завертел шеей. Он хотел убедиться в том, что еще не совсем окаменел. Пожарный сильной рукой обхватил мальчика, но тот запротестовал:

— Я сам.

— Ладно, — сказал пожарный. — Я полезу первый, буду тебя подстраховывать. А ты крепче держись и, главное, не смотри вниз.

И они начали сползать с крыши на первую перекладину лестницы: сперва пожарный, потом Киру. Когда мальчик ухватился за лестницу, он задержался. Еще раз посмотрел

на коня и всадника — на двух безмолвных виновников происшествия.

Внизу собралась толпа. Большинство прохожих интересовало, что происходит на крыше большого дома. А лейтенант пожарных стоял в стороне и молчал. Ему было неловко, что его боевая красная машина с лестницей не борется с пожаром, а снимает с крыши какого-то чудака.

Когда Киру очутился на земле, он почувствовал себя совсем хорошо. Самое трудное было позади. Он поблагодарил пожарного, который помог ему спуститься с крыши, и собрался было уходить, но постовой сказал ему:

— Придется проехаться в отделение. Дашь там объяснения, товарищ верхолаз.

Киру удивленно посмотрел на него: ведь он не сделал ничего плохого. Но постовой неумолимо сказал:

— Пройдемте!

Он пригласил Киру в пожарную машину и сказал лейтенанту пожарных:

— Довезите нас до четвертого.

Лейтенант кивнул головой, и машина помчалась по городу.

На другой день по пути в школу Киру встретил Айну. Обычно в таких случаях Киру замедлял шаги и безмолвно шел на почтительном расстоянии. Но после того как он карабкался по ледяной крыше, мчался по городу на пожарной машине и имел неприятный разговор в четвертом отделении милиции, ему уже ничего не было страшно. Поэтому он решился подойти к Айне.

Он поднял на нее глаза и сказал:

— Айна, я видел флюгер. Это не петух и не рыба. Это всадник, скачущий над городом.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Айна.

— Я... я был там...

— На крыше?

— Ну да, на крыше.

Киру ответил так спокойно, будто для него ничего не стоило залезть на крышу. Девчонка недоверчиво посмотрела на него.

— Врешь! — сказала она.

— Нет, не вру! — отрубил Киру и сам удивился, что может так смело разговаривать с Айной. — А не веришь, — продолжал он, — не надо!.. Только я специально для тебя лазил.

И тогда холодная Айна улыбнулась. Она впервые посмотрела на Киру, как на равного. Она не могла смотреть свысока на человека, который побывал на такой головокружительной высоте, на какую не поднимался еще ни один знакомый мальчишка.

Киру почувствовал, как что-то звонкое и горячее забилося у него в груди. Он подошел ближе к Айне и сказал:

— Хочешь, я облазаю все флюгера и расскажу тебе, какие они вблизи?

— Не надо, не надо! — испуганно сказала Айна. — Еще свалишься.

Киру было приятно, что Айне не безразлично, свалится он с крыши или нет.

Девочка неотрывно смотрела на Киру. Старый школьный товарищ вырос в ее глазах, и ей показалось, будто его подменили. И перед ней стоит совсем другой Киру. Новый, приехавший откуда-то издалека.

Они шли рядом. И упругий ветер с моря дул им в спину, словно поторапливал их. А высоко на крышах несли свою трудную службу флюгера: летели железные петухи, плыли рыбы и всадник на коне скакал над городом.

ОН УБИЛ МОЮ СОБАКУ

— М

ожно войти?

— Войди... Как твоя фамилия?

— Я Таборка.

— А как тебя зовут?

— Табором.

— Имя у тебя есть?

— Есть... Саша. Но зовут меня Табором.

Он стоял на пороге директорского кабинета, и руку ему оттягивал большой черный портфель в белых трещинках. Кожаная ручка оторвана, держится на одном ушке, и портфель достает почти до полу. Если не считать старого, облезлого портфеля, то в наружности Таборки не было ничего примечательного. Круглое лицо. Круглые глаза. Небольшой круглый рот. Не за что зацепиться взгляду.

Директор школы оглядывал мальчика и мучительно пытался вспомнить, за какие грехи вызван к нему этот очередной посетитель. Разбил лампочку или заехал кому-нибудь в нос? Разве все запомнишь.

— Подойди сюда и сядь... Не на кончик стула, а как следует. И не грызи ногти... Что у тебя за история?

Мальчик перестал грызть ногти, и его круглые глаза посмотрели на директора. Директор длинный и худой. Он занимает полкресла. А вторая половина свободна. Руки, тоже длинные и худые, лежат на столе. Когда директор сгибает руку в локте, она становится похожей на большой циркуль, которым

рисуют на доске окружности. Таборка посмотрел на директора и спросил:

— Это вы про собаку?

— Про собаку.

Мальчик уставился в одну точку: в угол, где висели плащ и коричневая шляпа.

— Я боялся, что с ней что-нибудь случится, и привел ее в школу. В живой уголок. Туда берут ужей и золотых рыбок. А собаку не взяли. Что она, глупее этих ужей?

Он проглотил слюну и с укором сказал:

— А собака — млекопитающее.

Директор откинулся на спинку кресла и пятерней, как гребенкой, провел по темным густым волосам.

— И ты привел ее в класс?

Теперь директор вспомнил, за что приглашен к нему этот возмутитель спокойствия. И ждал только подходящего момента, чтобы обрушить свои громы на эту круглую, давно не стриженную голову.

Мальчик снова проглотил слюну и, не отрывая глаз от плаща и коричневой шляпы, сказал:

— Она сидела тихо. Под партой. Не повизгивала и не чесала лапой за ухом. Нина Петровна не замечала ее. И ребята забыли, что у меня под партой собака, и не прыскали от смеха... Но потом она напустила лужу.

— И Нине Петровне это не понравилось?

— Не понравилось... Она наступила в лужу и подпрыгнула как ужаленная. Она долго кричала. На меня и на собаку. Потом она велела мне взять тряпку и вытереть лужу. А сама встала в дальний угол. Она думала, что собака кусается. Ребята гудели и подпрыгивали. Я взял тряпку, которой стирают с доски, и вытер лужу. Нина Петровна стала кричать, что я не той тряпкой вытираю. И велела мне и моей собаке убираться вон. Но она ничего... Она не убивала мою собаку.

Таборка по-прежнему смотрел в одну точку, и со стороны

казалось, что он рассказывает не директору, а его плащу и шляпе.

— Все? — спросил директор.

Таборка был у него пятый за этот день, и у директора не было никакого желания продолжать разговор. И если бы мальчик сказал «все», директор отпустил бы его. Но Таборка не сказал «все» и не кивнул головой.

— Нет, — сказал он, — мы еще были в милиции.

Час от часу не легче! Директор с шумом придвинул кресло к столу. Он чувствовал себя в этом большом кресле, как в костюме, который велик. Наверное, его предшественник — старый директор — был толстым, раз завел такое кресло. А он новый. Директора тоже бывают новичками.

— Как ты очутился в милиции?

Таборка не вспыхнул и не заволновался. Он заговорил сразу, без заминки:

— Моя собака не кусалась. Не то что собаки, которые живут за большими заборами и вечно скалят зубы. Их черные носы смотрят из-под ворот, как дустволки. А моя собака махала хвостиком. Она была белой, и над глазами у нее два рыжих треугольника. Вместо бровей...

Мальчик говорил спокойно, почти монотонно. Слова, как круглые ровные шарики, катились одно за другим.

— И женщину она не кусала. Она играла и ухватила ее за пальто. Но женщина рванулась в сторону, и пальто порвалось. Она думала, что моя собака кусается, и закричала. Меня повели в милицию, а собака бежала рядом.

Мальчик поднял глаза на директора: рассказывать дальше? Директор сидел на кончике своего кресла и грудью навалился на стол. Глаза его прищурились, как будто он целился. Они не видели ничего, кроме Таборки.

— Давай дальше.

— В милиции нас продержали два часа. Мы стояли у стенки и все чего-то ждали. Но в милиции не убили собаку. Там

один, с усами, даже погладил ее и дал ей сахару... Оказывается, собаке полагается номер и намордник. По правилам. Но когда я нашел мою собаку, у нее не было ни номера, ни намордника. У нее вообще ничего не было.

— Где ты нашел ее?

— В поселке. Хозяева переехали в город, а собаку бросили. Она бегала по улицам, все искала хозяев.

— Заведут собаку, а потом бросят!

Эти слова вырвались у директора, и он вдруг почувствовал, что после них уже не сможет ударить кулаком по столу.

Мальчик не ухватился за его слова.

Он неожиданно возразил:

— Они бросили собаку, но не убили. А я наткнулся на нее. Отдал ей свой завтрак, и с тех пор она не отходила от меня.

— Как звали твою собаку?

— Не знаю. Ведь хозяева уехали.

— И ты никак не назвал ее?

Мальчик непонимающе посмотрел на директора.

— Ты не дал ей имени?

— А зачем?

Он наконец выпустил из рук тяжелый портфель, и тот глухо плюхнулся на пол.

— У нее было имя. Я просто не знал его. Спрашивал у ребят. Никто не помнил, как ее звали.

— Вот и назвал бы ее как-нибудь.

Мальчик покачал головой:

— Раз у собаки есть имя, зачем давать ей новое. У собаки должно быть одно имя.

Теперь Таборка смотрел на медную пепельницу, которая стояла на краю стола. Пепельница была чистой и блестящей. Вероятно, новый директор не курил.

Таборка поднял руку и почесал затылок. И директор заметил на рукаве крупную штопку. Она была похожа на решетку, которая не выпускала локоть наружу.

Мальчик неожиданно умолкал и так же неожиданно начинал говорить, словно часть мыслей оставлял при себе, а часть высказывал вслух.

— Когда я в первый раз привел собаку домой, *он* был в отъезде. Мама сказала: «От собаки одна только грязь!» Какая грязь может быть от собаки? От собаки одна радость. Потом мама сказала: «Я твоей собакой заниматься не буду. Занимайся сам!» Так я для того и взял собаку, чтобы заниматься самому. Моя собака была очень умной. Когда я учил наизусть стихи, она смотрела мне в глаза и слушала. А когда у меня не выходила задача, собака терлась о мою ногу. Это она подбадривала меня. А потом приехал *он* и выгнал собаку.

Таборка не отрывал глаз от пепельницы, а директор скрестил пальцы и положил их под щеку и не спускал с мальчика прищуренных глаз.

— Чем *ему* помешала собака?.. Я не мог выгнать собаку. Ее один раз уже выгоняли. Я поселил ее в сарае. Там было темно и скучно. Я все время думал о своей собаке. Даже ночью просыпался: может быть, ей холодно и она не спит? А может быть, она боится темноты?.. Это, конечно, ерунда: собака ничего не боится! В школе я тоже думал о ней. Ждал, когда кончатся уроки: ее завтрак лежал у меня в портфеле... Потом *он* заплатил штраф за порванное пальто и выгнал собаку из сарая. Я привел ее в школу. Мне некуда было ее деть.

Теперь слова мальчика уже не были круглыми шариками. Они стали шершавыми и угловатыми и с трудом вырывались наружу.

— Я не знал, что *он* задумал убить мою собаку. Меня тогда не было. *Он* подозвал ее и выстрелил ей в ухо.

В комнате стало тихо. Как после выстрела. И долгое время ни мальчик, ни директор не решались прервать молчание.

Неожиданно директор сказал:

— Слушай, Табор! Хочешь, я подарю тебе собаку? Немецкую овчарку с черной полосой на хребте.

Мальчик покачал головой:

— Мне нужна моя собака. Я бы ее научил спасать утопающих. У меня книжка такая есть, как учить собак.

Директор встал со стула. Он стал еще выше, чем казался вначале. Пиджак висел на его худых плечах, как на вешалке. Может быть, его костюм тоже принадлежал когда-то старому директору. Как большое кресло.

Он подошел к мальчику и наклонился к нему:

— Ты можешь помириться с отцом?

— Я с ним не ссорился.

— Но ты с ним не разговариваешь?

— Я отвечаю на *его* вопросы.

— Он тебя когда-нибудь бил?

— Не помню.

— Обещай мне, что ты помиришься с отцом.

— Я буду отвечать на *его* вопросы... Пока не вырасту.

— А что ты будешь делать, когда вырастешь?

— Я буду защищать собак.

Директор молча прошелся по кабинету и вернулся в свое неуютное кресло. А мальчик взял портфель за ручку, которая держалась на одном ушке, и пошел к двери. Когда он уходил, директор заметил, что штопка на рукаве порвалась и острый локоть вырвался сквозь решетку наружу.

ПИСЬМО С ВУЛКАНИЧЕСКОГО ОСТРОВА

В приходе почтальона всегда есть что-то тревожное, даже если не ждешь от него ничего, кроме свежей газеты. Нетерпеливый протяжный звонок пробуждает надежду и опасение. Распахнув двери, ты смотришь в лицо почтальону вопросительно и даже немного заискивающе. Это чувство осталось со времен войны, когда в сумке почтальона рядом с весточками от живых лежали «похоронные» — извещения о смерти.

Когда в один из майских дней в семнадцатой квартире задребезжал длинный звонок, к дверям побежал мальчик в белой майке, худенький, с острыми локтями, похожий на кузнечика. Он привстал на носочки, решительно повернул защелку замка и, навалившись всем телом, открыл дверь. Перед ним на лестничной площадке стояла девушка-почтальон в огромных тупоносых сапогах. На дворе шел дождь, и к сапогам пристали комья рыжей глины. Большая почтальонская сумка блестела, как лакированная, и с нее капала вода. На девушке была короткая куртка, подол платья вымок и прилип к коленкам. Темная прядь волос, пересекающая щеку, тоже промокла от дождя.

— Выборнова дома? — спросила девушка мальчика, который разглядывал ее большими коричневатыми глазами.

— У нас нет Выборновой, — ответил он.

— А здесь написано «квартира 17», — сказала девушка,

рассматривая серый конверт. — Может быть, она раньше жила?

— Нет, здесь мы всегда жили и еще Кураевы.

— Мне нужна Выборнова, — повторила девушка, не торопясь уходить: то ли решала, что ей делать с письмом, то ли не хотела возвращаться под дождь.

А мальчик все разглядывал ее и ждал, что будет дальше. В это время за его спиной показалась женщина в сером халате, затянутом пояском. Рукава халата были закатаны. В розовых, распаренных руках она держала таз с бельем, и от рубашек, скрученных жгутом, шел пар.

— Что там? — спросила она мальчика.

— Письмо принесли, — отозвался он, — только не нам.

Тут в разговор вступила девушка-почтальон:

— Вы не знаете Выборнову? Ей тут письмо.

— Выборнову? — Женщина торопливо поставила на пол таз и быстро вытерла руки о халат. — Разрешите мне посмотреть.

Почтальон охотно протянула ей конверт. Женщина растерянно повертела его в руке и сказала:

— Выборнова Евдокия Васильевна умерла восемь лет тому назад.

— А родных у нее не осталось?

— Родных?.. — Женщина поправила волосы и ответила не сразу. — Родных у нее не осталось. Но я ее знала много лет.

— Тогда возьмите письмо, — с готовностью сказала девушка, — только распишитесь в получении.

Она стала рыться в своей сумке, а женщина разорвала конверт и достала оттуда листок. Письмо было написано ровным почерком, без наклона.

Уважаемая Евдокия Васильевна! На днях я перебирала бумаги мужа, и среди них оказалось письмо, которое он вез с фронта для передачи Вам. Выполнить поручение он не смог.

Самолет, на котором он летел, был поврежден осколком и при посадке разбился. Муж получил тяжелое ранение и по дороге в госпиталь умер. Его сумка с бумагами попала ко мне через полгода. Мне было тяжело ее разбирать, и я спрятала ее подальше. И только недавно, спустя столько лет, я обнаружила сумку и нашла в ней письмо, адресованное Вам. Не знаю, имеет ли для Вас значение письмо, которое шло двадцать лет, но считаю своим долгом переслать его Вам. Извините за опоздание.

Крылова.

Женщина прочитала этот листок и торопливо достала из конверта второе письмо. Оно было сложено по-солдатски, треугольником. Адрес был написан плохо отточенным карандашом. Обратного адреса не было. Она осторожно развернула солдатский треугольник, разгладила его ладонью и стала читать.

Девушка-почтальон давно нашла книжку, где надо было расписаться, но терпеливо ждала, пока женщина закончит чтение. И мальчик-кузнечик стоял тут же в дверях и следил, как она читает.

В старом фронтовом письме было написано:

Дорогая мама! Сегодня с нашего «острова» улетает последний самолет. Спешу написать Вам эти строки. Военный корреспондент Крылов дал мне слово доставить Вам письмо. «Остров» — это клочок земли, на котором мы окопались. А вокруг нашего «острова» смертельное море — фашисты. Это звучит красиво, но по существу довольно-таки скверно. Наш «остров» с каждым днем становится меньше, и «жителей» на нем убавляется. Надежд пробиться к своим мало. Но мы не улетаем с «острова», потому что самолет не может забрать всех.

У нас все время идут дожди. И грязь по колено.

Наш «остров» вулканического происхождения: он возник в

огне, в огне и исчезнет. Но это случится не сегодня и не завтра. Мы еще повоюем.

Передайте привет ребятам: Вовке, Грише и Жорику. Большой привет Жене. Пусть никто не обижает Женю.

Берегите себя. А за меня не волнуйтесь. Со мной все в порядке. Целую. Ваш сын Алексей. 4 мая 1942 года.

Женщина в сером халате долго не могла оторвать глаз от смятой странички письма. Письмо было двадцать лет в пути, и за это время оно угасло для нее, выбилось из сил, как солдат после долгого мучительного перехода. Она медленно опустила руку с письмом и увидела девушку-почтальона — мокрую, окоченевшую, в больших сапогах, измазанных рыжей глиной. Ей показалось, что эта хрупкая черноволосая девушка принесла письмо не с почты, а оттуда, с вулканического острова, где идут дожди и грязь по колено и фашисты со всех четырех сторон. Она смотрела на девушку и, сама не зная почему, протянула ей письмо. Девушка робко взяла листок и стала читать, держа его на расстоянии, чтобы с мокрых волос на него не капнула вода.

Она прочитала письмо и заплакала.

— Почему вы плачете? — спросила женщина и положила руку на мокрое плечо почтальона.

— Жалко... его...

Мальчик, похожий на кузнечика, зашмыгал носом, но не заплакал. Он не знал, что написано в письме, но переживал за почтальона: ведь плакала-то она.

— Сколько вам лет? — спросила женщина почтальона.

— Девятнадцать, — отозвалась девушка, размазывая слезы по щеке. — А что?

— Когда он писал это письмо, ему тоже было девятнадцать.

— Скажите, — спросила девушка-почтальон, — а кто эта Женя?

— Женья? — Женщина отвела от своей собеседницы глаза, словно силилась вспомнить, кто это Женья. — Она с ним в школе училась. Он ушел на фронт, а она еще училась.

— А где она теперь?

— Теперь ее нет. Уехала куда-то далеко.

— Как же ей сообщить про письмо? Вдруг он найдется?!

— Это через двадцать-то лет?

— Находятся! У нас на почте рассказывали — находятся.

Надо разыскать Женю... передать ей привет...

— Не надо, — тихо сказала женщина.

— Как же так! Как же так! — лепетала девушка, не зная, что делать, на что решиться.

А мальчик смотрел своими пристальными коричневатыми глазами, не зная, чем помочь расстроенному почтальону. И женщина тоже думала, как помочь этой молоденькой девушке, до которой старое фронтовое письмо дошло не приглушенным и не ослабленным годами, а таким, словно его только что написали на вулканическом острове и в нем билась тревога. И промокшая девушка в огромных сапогах откликалась на эту тревогу.

Женщина легонько потрясла почтальона за худое плечо и сказала:

— А знаете, я вспомнила. Женья была похожа на вас. Такая же худенькая, черноволосая.

Она это все придумала, но девушка просветлела и спросила:

— Серьезно?

— Серьезно, — сказала женщина, и мальчик, похожий на кузнечика, выкрикнул:

— Конечно!

— Слушайте, — неожиданно сказала девушка, — подарите мне это письмо. Ведь меня тоже зовут Женей. И адресат был...

Эта просьба прозвучала так неожиданно, что женщина ма-

шинально потянулась к письму и взяла его из рук девушки. Она прижала к себе письмо с вулканического острова и некоторое время стояла молча. И тут она подумала, что эта молоденькая девушка никогда не получала писем с фронта и у нее никогда не было человека, который бы приказал всему миру: пусть никто не обижает Женю! Девушке это письмо нужнее, чем ей...

— Возьмите, — сказала она и протянула почтальону письмо, сложенное треугольником.

Девушка с благодарностью посмотрела на женщину и молча взяла письмо. Нет, она не положила его в почтальонскую сумку, а спрятала отдельно, во внутренний карман куртки, чтобы не спутать с сотнями чужих писем.

— Спасибо! — сказала она и застучала большими сапогами по ступенькам лестницы.

Когда дверь за почтальоном закрылась, мальчик-кузнечик спросил:

— Тетя Женя, почему она взяла письмо обратно?

Женщина подняла таз с остывшим бельем и сказала:

— Потому что адресат выбыл. Вот и все.

ВРЕМЕННЫЙ ЖИЛЕЦ

Лелька сидит на крыльце и штопает чулок. Она поленилась разыскать грибок и штопает прямо на коленке. Осторожно, чтобы не уколоться, она то опускает, то поднимает блестящее острое иглы. Розовая коленка постепенно скрывается под штопкой, похожей на листок тетради в клеточку.

В степи жарко. Ничего не хочется делать. А сидеть совсем без дела скучно. Вот Лелька и придумала себе занятие.

Когда она наклоняется вперед, одна из косичек соскальзывает с плеча и ложится на ключицу. Лелька недовольно водворяет косичку на место — за спину. Она делает это резко, будто хочет забросить ее подальше, раз и навсегда.

Коленка почти упирается в подбородок. Иголлка тянет за собой рыжую нитку. Лелька так увлеклась работой, что не замечает, как отворяется калитка и кто-то входит в палисадник. Когда девочка поднимает глаза, перед ней стоят Федор Федорович, председатель поселкового Совета, и незнакомый военный. Лицо Федора Федоровича коричневое, испеченное на солнце. А военный белолицый. Он еще не загорел на степном солнышке. В одной руке он держит зеленый чемодан, в другой, согнутой в локте, — шинель.

— Здравствуй, хозяйка, — говорит Федор Федорович.

— Здравсте, — отзывается Лелька и встает со ступеньки.

Она не выпускает из рук иглу, и короткая нитка не дает

ей выпрямиться. Одна нога в чулке, а другая безо всего, голая. Қосичка снова соскользнула с плеча. Вид у Лельки, вероятно, смешной, потому что военный отворачивается в сторону, чтобы скрыть улыбку.

— Где мать? — спрашивает Федор Федорович.

Он спрашивает, а военный молчит. Стоит за Федором Федоровичем и из-за его плеча смотрит на Лельку. Девочке кажется, что он разглядывает ее заштопанную коленку. Ей хочется прикрыть коленку, но сарафан короткий.

— Мама пошла в селпо, — отвечает Лелька и краснеет.

Иголка выскальзывает из рук и, поблескивая, раскачивается на нитке.

— Ну вот что, — говорит Федор Федорович, — ты, конечно, слыхала про снаряды?

Лелька мотнула головой. Она слышала, что в степи, неподалеку от поселка, обнаружили завалившуюся землянку со снарядами — артпогребок. Артпогребок был брошен немцами много лет назад. А теперь нашелся. Говорят, что он заминирован.

— Так вот, — продолжает председатель поселкового Совета, — прибыли саперы обезвреживать. Солдат мы поместили в школе, а командира... — Федор Федорович кивает на военного и слегка подталкивает его вперед, — а командира мы хотим определить к вам.

Лелька снова кивает.

— Места у вас много. Думаю, мать возражать не будет?

— Ага, — соглашается Лелька, будто она заранее знает, что мама не будет возражать.

— Тогда знакомьтесь. Лейтенант... — Федор Федорович вопросительно смотрит на военного.

— Шура, — подсказывает он.

— Лейтенант Шура... А это Лелька.

— Очень приятно, — говорит лейтенант, а Лелька снова краснеет.

Она ничего не может с собой поделаться. Краска стыда по малейшему поводу заливает ее лицо, обдает его жаром и отравляет Лельке жизнь.

Девочка покраснела, будущий жилец отвернул лицо, чтобы скрыть улыбку, а Федор Федорович почесал седую щетину, которая проступает, как соль, на его запеченной, коричневой щеке.

— Сейчас мы пойдем в степь, — распоряжается председатель. — Вещи лейтенант оставит здесь. А придет мать, ты предупреди ее.

Лейтенант Шура подходит к крыльцу и вопросительно смотрит на Лельку.

— Можно здесь поставить?

— Ага! — кивает Лелька и закусывает губу, будто губа — виновница ее смятения.

Лейтенант поставил на крыльцо зеленый чемодан, положил на него шинель.

— Пошли! — почти скомандовал Федор Федорович.

И они зашагали к калитке.

Когда неожиданные гости ушли, Лелька облегченно вздохнула и опустилась на ступеньку, согретую солнцем. Первым делом она поджала ноги и прикрыла подолом сарафана заштопанную коленку.

Рядом, на ступеньке, стоял чемодан, а на нем лежала сложенная пополам шинель. Шинель была серой и шершавой. От нее пахло валенком. На погонах весело поблескивали звездочки: по две на каждом.

Лелька покосилась на чужие вещи и быстро стянула с ноги заштопанный чулок. Будто вместе с чемоданом и шинелью в доме остался жилец и его насмешливые глаза продолжали рассматривать Лельку, отыскивая, над чем бы посмеяться.

Лелькин дом маленький, но двухэтажный. Вернее, на чер-

даке папа при жизни сделал небольшую комнатку «для гостей». Когда приезжал дядя Митя, его помещали на втором этаже. С тех пор гостей не было. Но за комнатой сохранилось название — «для гостей». Вот туда-то Лелька и решила определить жильца.

По крутой лестнице она полезла наверх с чужими вещами. Зеленый чемодан ударялся о верхние ступеньки, а шинель волочилась по нижним.

В комнате «для гостей» не было почти никакой мебели. Стол, топчан и табуретка составляли все ее убранство. Зато из маленького окошка была видна степь.

Лелька поставила вещи лейтенанта Шуры в угол, чтобы он не подумал, что они кого-нибудь интересуют, и, хлопнув дверью, сбежала вниз.

Лейтенант Шура вернулся домой поздно.

Солнце докатилось до края степи и растеклось по небу вишневым заревом. Откуда-то появился прохладный ветерок, который днем, в присутствии солнца, не решался высунуть на улицу носа. Но земля продолжала дышать жаром, как печь, в которой недавно погасли последние угольки.

Лейтенант Шура отворил калитку и нерешительно вошел в палисадник. Он был один, без Федора Федоровича. Лелька увидела его из окна. Она ждала его возвращения и, хотя во дворе стояла жара, надела новое платье с длинными рукавами и целые чулки. Пусть он знает, что у нее есть чулки без заштопанных коленок!

Ольга Ивановна тоже готовилась к приходу жильца. Сначала, узнав от дочки о неожиданном госте, она вспылила: «Терпеть не могу, когда в доме чужие люди!» Но потом стала сама себя убеждать, что места в доме достаточно, что сама она все равно целыми днями пропадает в своей больнице. И вообще жилец — временный. Ольга Ивановна отошла и весь

остаток дня приводила дом в порядок: ей не хотелось ударить лицом в грязь перед незнакомым человеком.

Услышав, как хлопнула калитка, Лелька подбежала к окну. Лейтенант Шура стоял в палисаднике и оглядывался. Лицо его было усталым и серым от земли. И только в том месте, где текли струйки пота, остались светлые бороздки. Гимнастерка тоже была в пыли, и веселые звездочки на погонах погасли. На высоких сапогах налипли комья засохшей глины. Фуражку лейтенант держал в руке.

Усталый, с пересохшими губами, он совсем был не похож на того веселого чистенького лейтенанта, который стоял за спиной Федора Федоровича и отворачивал лицо, чтобы скрыть улыбку. Его глаза перестали быть насмешливыми. Они беспомощно смотрели по сторонам, отыскивая хозяев дома.

Лельке вдруг стало жалко лейтенанта Шуру. Она быстро вышла из комнаты и очутилась на крылечке.

— Здравствуйте,— говорит Лелька.

Лейтенант улыбается и почему-то надевает фуражку. Он говорит:

— Вот я пришел.

— Заходите, — приглашает Лелька. — Мама дома.

Лельке очень хочется, чтобы лейтенант обратил внимание на ее новое платье, а главное — на целые чулки. Но лейтенант рассматривает не Лельку, а самого себя. Он смотрит на грязные сапоги, на пропыленную гимнастерку и говорит:

— В таком виде и в дом входить страшно. Мне бы почиститься. А то весь день в земле копались.

— Сейчас, — говорит Лелька и скрывается в дверях.

Лейтенант Шура не торопясь доходит до крыльца и опускается на ступеньку. Он еле стоит на ногах.

На другой день Лелька проснулась рано. Она приподнялась на локте и выглянула в окно. Из палисадника на нее смотрели

сиреневые цветы мальвы. Они были круглыми, как блюдечки. По одному блюдечку ползала оса.

Лелька услышала над головой шаги. Шаги были тихие, босые. Потом один за другим раздались два притопа — кто-то надевал сапоги.

Лелька вспомнила о временном жилье. Это он пробудился в комнате «для гостей» и встал, чтобы отправиться к заминированному артпогребку.

Лелька крепко зажмурила глаза. Пусть мама думает, что она спит. Звуки рассказывали ей обо всем, что происходит в доме. Тук-тук-тук!.. Жилец спускается по лестнице. Тук-тук!.. Идет по сеням. Потом хлопнула дверь, и шаги замерли. Лелька уж подумала, что жилец ушел, но шаги зазвучали в соседней комнате.

— Зарядку делаете? — тихо спрашивала мама.

— Привычка, — шепотом отвечал жилец.

Он говорил шепотом, чтобы не разбудить Лельку. А его сапоги так гремели, что могли разбудить кого угодно.

Лелька слышала, как урчала, наливаясь в стакан, крученая струйка кипятка, как, помешивая сахар, звенела ложечка.

Мамин голос говорил:

— Ешьте, не стесняйтесь.

А голос жильца отвечал:

— Спасибо... Спасибо...

Потом жилец в последний раз сказал: «Спасибо. Мне пора», — и сапоги рассказали, что он уходит из дому.

Лелька тихо сползла с постели и, ступая босыми ногами по чистым половицам, подошла к окну. Она спряталась за тюлевую занавеску и стала смотреть.

Лейтенант Шура бодрыми шагами шел по палисаднику. Вчера вечером, грязный и усталый, он еле держался на ногах. А сегодня жильца словно подменили. Будто ночью он искупался в «мертвой» и «живой воде» и снова превратился в доброго молодца. Сапоги блестели, как новые. Звездочки на пого-

нах зажглись. Лейтенант шел мимо куста шиповника, и ему было невдомек, что с невидимого наблюдательного пункта за ним следят два больших внимательных глаза.

Когда временный жилец скрылся из виду, Лелька села на постель и впервые за много дней занялась своими косичками.

Лелька относилась к своим косичкам с черствостью мачехи. По утрам она заплетала их небрежно, и со стороны казалось, что в косы вплетены клочки сена. Она не украшала косы шелковыми лентами, как это делали ее подруги, а самые кончики крепко перетягивала тряпочками, скрученными в жгуты.

Этим утром, сидя на постели, Лелька долго и неторопливо расчесывала волосы. Волосы были шелковистыми и очень светлыми. Они слегка вились у висков. Солнечные блики играли и переливались в тонких, ласковых прядях.

Неожиданно Лелька подошла к комоду и с трудом выдвинула огромный тяжелый ящик. Она долго рылась, пока не извлекла из его недр две гладкие голубые ленточки. Их Лелька вплела в косички и завязала бантами.

Когда в доме живет чужой человек, чувствуешь неловкость, даже если его целыми днями не бывает дома. И Лелька не скачет через две ступеньки, а ходит плавно и, когда садится, поправляет платье. Ей кажется, что лейтенант Шура не спускает с нее глаз, хотя на самом деле он далеко в степи.

Лелька на цыпочках подходит к зеркалу и рассматривает себя. Ей хочется быть высокой и черноволосой, как библиотекарша Клавдия. А она маленькая и белесая. И кончики ушей у нее малиновые, а это, должно быть, некрасиво. Лелька смотрит на себя и сердится, будто она сама виновата, что не похожа на Клавдию.

Лелька долго стоит перед зеркалом. И вдруг, спохватив-

шись, торопливо отходит. Она опускает глаза, словно боится встретиться взглядом с насмешливыми глазами лейтенанта Шуры.

Вечером временный жилец возвращается со своей военной работы. Он проходит через палисадник и садится на ступеньку крыльца. Солнце и степной сухой ветер запекли его белое лицо, и оно стало коричневым, почти таким же, как у Федора Федоровича.

Несколько минут лейтенант Шура сидит неподвижно. Потом упирается носком одного сапога в задник другого и, помогая рукой, медленно стаскивает его с ноги. Сапог упирается, не хочет разлучаться со своим хозяином.

Потом он снимает гимнастерку, майку и, подхватив за дужку пустое ведро, идет к колодцу. Лейтенант Шура не любит мыться под умывальником. И, вернувшись с полным ведром, он зовет Лельку:

— Леля, а Леля! Полей, пожалуйста!

Лелька тут же оказывается рядом с Шурой. Она берет в руки эмалированную кружку и начинает лить: сначала в ладони, сложенные «тарелочкой», а потом прямо на шею, на плечи, на лопатки. От жаркого тела идет пар.

— Побольше лей! Не жалея воды! — командует лейтенант.

Временный жилец моется, как папа. А Лелька поливает ему, как это делала мама. И, как мама, она подает ему свежее полотенце.

Смыв с себя пыль и глину, лейтенант Шура надевает чистую невоенную рубашку и отправляется ужинать.

А потом садится на скамейку перед палисадником. Он отдыхает.

Лелька не решается сесть рядом с ним. Тогда он сам подзывает ее и начинает рассказывать о своей жизни и о своей службе.

— Вот послужу еще годок-другой, — задумчиво говорит

Шура, — и женюсь. Пора. Правда? — спрашивает он серьезно Лельку.

Лелька заливается краской и молчит. Откуда она знает, пора ему жениться или нет? И почему лейтенант Шура советуется с ней о своей женитьбе?

— А впрочем, что загадывать, — продолжает он. — Еще дожить надо. В нашем деле всякое бывает...

Лелька вопросительно смотрит на собеседника. И он говорит:

— Сапер ошибается только раз в жизни. Какой-нибудь крохотный проводок задел — и в небо! Что ты думаешь! Вот ваш арtpогребок такая штучка, что, того и гляди, ошибешься... Когда мы разминировали Брянские леса, легче было. А здесь — головоломка.

Лельке вдруг становится страшно за лейтенанта Шуру. Он все время шутит, а такие люди чаще всего совершают ошибки. Девочка с беспокойством смотрит на него. А он перехватывает ее взгляд и улыбается. Ему приятно, что Лелька переживает. И еще ему приятно делать вид, что для него опасность — ничто, сущий пустяк.

Иногда лейтенант обнимал Лельку и трепал ее по плечу. Лелька краснела и боялась шелохнуться. А лейтенант Шура говорил:

— Пора, брат, спать! А то завтра рано подъем.

И он отправлялся к себе на второй этаж, в комнату «для гостей». А Лелька еще долго сидела на скамейке.

Каждое утро лейтенант Шура уходил со своим войском в степь. Войско было небольшое — десять солдат. Солдаты шли цепочкой по обочине, чтобы не поднимать пыли. Они несли на плечах лопаты и еще какие-то непонятные военные инструменты. А командир шел по дороге.

Временный жилец не знал, что Лелька крадучись выскальзывала из калитки и долго смотрела вслед ему и его войску. Он был уверен, что Лелька в это время крепко спит.

А она никогда не просыпала. Ее глаза провожали саперов. Солдаты шли, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Потом они спускались в балку и пропадали из виду, но вскоре появлялись вновь на другой стороне. Их фигурки становились все меньше и меньше и, наконец, терялись в голубой дымке степного марева, оставив после себя чуть заметное облачко пыли.

Лелька знала, что лейтенант Шура и его товарищи шли не просто работать, хотя на плечах они несли лопаты. Они шли туда, откуда можно было уже никогда не вернуться. Война давным-давно кончилась, но в старом артогребке, куда каждое утро направлялись саперы, был уцелевший островок войны с опасностью, со смертью, которая притаилась в ржавых немецких снарядах и только ждала удобного случая, чтобы нанести людям запоздалый удар.

Каждый раз, тайком провожая лейтенанта Шуру в степь, Лелька испытывала такое чувство, будто провожает его в бой. Ей казалось, что происходит величайшая несправедливость: тысячи людей вокруг живут спокойной, мирной жизнью и только одиннадцать каждый день ходят на войну.

Лелька стоит у калитки и смотрит в степь до тех пор, пока из окошка не выглядывает мама.

— Ольга, завтракать, — зовет она.

Мама называла Лельку Ольгой.

В этот день лейтенант Шура, как обычно, сбежал со ступенек и, хлопнув калиткой, пошел в школу за своим войском. И потом они шли степной дорогой: солдаты по обочине, командир посередине дороги. Обычно солдаты шли молча, а на этот раз они запели. Может быть, им командир приказал петь?

Лелька глядит им вслед и старается различить слова незнакомой солдатской песни. Но слова остаются в степи, а до Лельки долетает только мелодия. Так Лельке и не удастся узнать, о чем поют солдаты. Но ей становится грустно. Ей

кажется, что маленькое войско лейтенанта Шуры пересечет степь, перевалит через горы и выйдет к морю. И больше никогда не вернется в поселок. И Лельке хочется кинуться им вслед. Догнать, пока не поздно, и тоже идти к морю по обочине с солдатами. Или лучше по дороге — рядом с Шурой.

Но Лелька продолжает стоять на месте, а потом опускается на скамейку.

В степи цветет лаванда. Ее бархатные лиловые цветы залили степь широким разливом. Она издает тонкий аромат. И утренний свежий ветер пахнет лавандой.

Лелька закрывает глаза. Она слышит, как рядом на своей зеленой машинке заработал кузнечик... Скрипнула дверь... Курица заговорила скороговоркой на курином языке... Потом пробудился репродуктор, и совсем близко зазвучали позывные Москвы. Казалось, их принесли сюда не провода, а донес из степи ветер, пахнувший лавандой.

Постепенно к Лельке возвращается покой. Солнце касается ее лица. Оно пригревает чуть припухшую нижнюю губу, и коленки, и цветы на сарафане, которые не вянут, будто их стебельки опущены в воду. Никто не зовет Лельку. Никто не тревожит ее.

И она засыпает.

И вдруг раздался взрыв. Он ударил как гром среди ясного неба. И сразу все звуки исчезли, будто грохот взрыва подмял их под себя, перечеркнул крест-накрест.

Лелька открыла глаза.

Чугунное эхо тяжело катилось по степи. А за пригорком выросло большое черное дерево. Оно шевелило своими косматыми ветвями. Потом дерево стало оседать, будто кто-то подпил его.

И тут Лелька проснулась окончательно. Она поняла все: лейтенант Шура ошибся в первый и последний раз... Это артогребок взлетел в воздух.

У Лельки заколотилось сердце. Она вскочила с места и

бросилась бежать. Она бежала в степь, туда, где оседало и разваливалось дерево смерти — земля, поднятая взрывом.

Лелька бежала до тех пор, пока не наступила на что-то острое. Она остановилась от боли. Подняла ногу. На дорожной пыли алело пятнышко крови. Пятка горела. Лелька сорвала подорожник и приложила его к ранке. Сердце колотилось. Оно ударяло то в грудь, то в спину, будто искало выхода, чтобы вырваться наружу.

Лелька вдруг представила себе лейтенанта Шуру лежащего на спине с раскинутыми руками, с усталым лицом, в пропыленной гимнастерке, с комьями глины на сапогах. Таким он возвращался из степи вечером. А ведь сейчас было еще утро.

Лелька сделала несколько осторожных шагов и побежала. Подорожник отстал от ранки. Он так и остался лежать в теплой мягкой пыли.

До места взрыва было уже недалеко.

Лелька стоит на краю балки и никак не может отдышаться. В нескольких шагах от нее сидит лейтенант Шура и курит. Он без фуражки, ворот гимнастерки расстегнут. Вокруг валяются свежие комья земли, выброшенные взрывом. Рядом с лейтенантом на тонкой шершавой ножке растет алый мак. Как это он уцелел от взрыва?

Шура берет котелок и, запрокинув голову, пьет. Вода течет по подбородку. Остаток воды он выливает на мак. Потом он ставит котелок на землю, оглядывается и видит Лельку.

— Ты что здесь? — удивленно спрашивает он.

— Я... я... ничего, — отвечает Лелька.

Она недоверчиво смотрит на живого лейтенанта Шуру. Правда ли это? Значит, он не ошибся? Почему же тогда был взрыв? А может быть, взрыв приснился Лельке? Ее большие серые глаза еще лихорадочно горят: еще не прошла тревога за человека, который сидит перед ней цел и невредим.

— Ты что, испугалась? — спрашивает лейтенант Шура. — Взрыва испугалась?

Глаза его смеются. Они замечают в Лелькиных глазах испуг, который не сразу проходит.

— Я думала, вы ошиблись, — признается Лелька, не сводя глаз с Шуры.

Теперь лейтенант Шура уже смеется вслух:

— Ошибся? Если бы ошибся, мы бы уже с тобой не разговаривали...

Шура никогда не обращает на Лельку особого внимания, а тут он пристально смотрит на нее. Смотрит и замечает на ее ноге кровь.

— Что это у тебя с ногой? — спрашивает он.

— На стекло наступила, — отвечает Лелька и прячет раненую ногу за здоровую.

— Ну-ка покажи! — почти командует Шура.

Он усаживает девочку рядом с собой и разглядывает раненую пятку. Ранка кровоточит. Шура кричит через плечо:

— Кузьмин, принеси-ка мне котелок воды и индивидуальный пакет!

Он берет Лельку за руку и заглядывает ей в глаза.

— Что же ты босиком по степи бегаешь? — спрашивает он.

Лелька молчит. Разве может она рассказать, как, забыв обо всем на свете, бежала туда, где грянул взрыв?

Кузьмин молча принес воду и бинт. Лейтенант Шура прямо из котелка льет воду на ранку. Он держит Лелькину ногу за лодыжку. Лельке неловко.

— Сама! — говорит она.

— Сиди! — командует Шура.

И Лелька сидит неподвижно. Она подчиняется приказу, но чувствует, что вот-вот покраснеет.

Потом лейтенант Шура с треском разрывает бумажный пакет и достает оттуда прохладный бинт. Белые плотные витки пеленают ногу. Лелька не чувствует боли. Она смотрит в сто-

рону и теребит травинку. С каждым витком бинта ее глаза становятся все теплее и теплее.

— Кузьмин! — зовет лейтенант, закончив перевязку. — Строй людей. Пойдем домой. Сегодня можно и отдохнуть.

— Слушаюсь, — сдержанно отвечает Кузьмин.

Кузьмин большой и молчаливый. Кажется, будто ему знакомо только одно слово «слушаюсь». Лицо у Кузьмина все в рыжих веснушках. Но Кузьмина веснушки не расстраивают. Так, по крайней мере, кажется Лельке.

И вот они идут через степь. Солдаты — по обочине, а Лелька с лейтенантом Шурой — по дороге.

Может быть, они идут не домой, а к морю, как мечтала Лелька?

Лельке трудно идти. На пятку наступать больно, а на носке далеко не уйдешь. Она ступает медленно, припадая на забинтованную ногу, и лейтенант со своим войском тоже идут не торопясь. Как Лелька.

Лейтенант Шура сегодня разговорчив.

— Ты думаешь, это наш погребок шарахнуло? — спрашивает он и громко смеется. — Слышишь, Кузьмин? — обращается он к своему помощнику. — Она думала, что это мы в небо взлетели.

Кузьмин улыбается вежливо, но, верный себе, не произносит ни слова.

— Нет, Лелька, — говорит лейтенант Шура, — это мы половину богатств погребка оттащили в сторону и взорвали. А ты испугалась.

Лейтенант Шура все говорит, говорит... А Лелька идет молча и лишь изредка посматривает на своего временного жильца. Она думает о том, что все настоящие мужчины должны делать что-то трудное и опасное. Папа воевал, и Федор Федорович был на войне. Вот и Шура тоже... Ей вдруг хочется взять его под руку. Но от одной этой мысли лицо заливают краска стыда.

А солдаты вдруг запели. Они запели сами, без приказа командира. Они поют рядом, и теперь Лелька может слышать слова их песни:

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.

И Лельке кажется, что солдаты идут с войны и она с ними тоже идет с войны. И лейтенант Шура возвращается домой героем.

Как это случилось, что после взрыва в степи временный жилец окончательно завладел Лелькиными мыслями? Она забыла обо всех своих подружках и целые дни проводила дома.

Напрасно, проходя мимо Лелькиного дома, ее одноклассники кричали:

— Лель, а Лель, пошли в степь маки собирать!

— Лель, пошли купаться в Сырую балку!

Лелька качала головой:

— Мне некогда!

А какие у нее дела, если вторую неделю идут каникулы?

Сидя на ступеньке крыльца, Лелька тревожно прислушивалась к каждому звуку, который доносился из степи. «Вдруг он оступится, вдруг заденет проводок...» — так думала Лелька, и сердце ее холодело. Ей на память приходила картинка к стихотворению Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Там был изображен Олег у праха своего верного коня. Вот-вот подползет змея и ужалит князя... Вот-вот невидимый проводок хрустнет под ногой Шуры...

А в это время лейтенант лежал на земле и, задержав дыхание, колонковой кисточкой очищал тонкий, как волос, проводок, от которого зависела его жизнь и жизнь десяти солдат. Взгляд его был сосредоточен, а по скуле ползла тяжелая капелька пота.

Временами он останавливался, переводил дыхание, закрывал глаза. И снова начинал свой рискованный солдатский труд. На то он и был военным.

А Лелька ждала временного жильца. Ей нужно было, чтобы он не ошибся и, если можно, пораньше вернулся домой. Вот и все.

Лейтенант Шура все реже и реже бывал дома. Утром Лелька видела его в окно. А вечером помогала ему умыться. Потом он наспех ужинал и тут же уходил. Усталость уже не валила его с ног.

Куда он спешил? К своим солдатам, в школу?..

У лейтенанта Шуры было две пары сапог. Одни тяжелые, кожаные, боевые сапоги. В них он уходил в степь раскапывать немецкий арtpогребок. Другие сапоги защитного цвета, легкие, сшитые из старой брезентовой плащ-палатки.

Вечером, по возвращении домой, временный жилец сбрасывал боевые сапоги и надевал брезентовые. После тяжелых кожаных легкие брезентовые сапоги вообще не чувствовались на ноге.

Однажды вечером, вернувшись из степи, лейтенант Шура торопился больше обычного. Он умчался, даже не почистив свои боевые сапоги. Они так и остались стоять у крыльца — пыльные, тупоносые, с комьями засохшей глины. Вид у них был усталый и обиженный. Сапоги ни разу не подвели своего хозяина: не оступились, не задели невидимых смертоносных проводков. Они преданно служили ему, а он бросил их на произвол судьбы.

Лелька подошла к сиротливым сапогам и остановилась перед ними. Она взяла один из них за ушко, торчавшее из голенища, и подняла над землей. Сапог был тяжелым. От него шел жар. Лелька опустила ушко, сапог грузно плюхнулся на землю. Казалось, он сердито притопнул.

И тогда Лелька решила привести сапоги в порядок. Она принесла ведро воды, тряпку и стала их мыть. Она поливала

сапоги водой и терла их тряпкой. Глина отваливалась. Мутные ручейки стекали с голенищ. Сапоги остыли, кожа стала прохладной.

Лелька поставила их в траву и пошла за щеткой. Она намазала их черным жирным гуталином, а потом терла щеткой. Она терла так долго, что сапоги не выдержали: перестали дуться и наконец улыбнулись Лельке.

Боевые сапоги были довольны, они сияли. А Лельке почему-то стало грустно. Она поставила сапоги на крылечке и села рядом с ними. Она поджала коленки и закрыла их подолом сарафана. И так они долго сидели втроем: два сапога и Лелька.

В летние вечера поселок засыпает поздно. За день навоевавшись с жарой, люди подставляют лицо прохладному дыханию степи. Они сидят на лавочках и не торопятся уйти домой.

Фосфорятся белые цветы табака. Верещат невидимые цикады. Где-то навзрыд кричит ослик: жалуется на свою судьбу.

Но вот уже последняя гармонь отправилась на покой. Зажмурились лампочки в окнах клуба: им тоже настала пора отдохнуть. А лейтенант Шура все не возвращался домой.

Лелька не может уснуть. Она ворочается с боку на бок. Закрывает глаза. Сон не приходит.

«Спи!» — приказывает себе Лелька.

Но как выполнишь приказ, если тревожные мысли не покидают тебя ни на минуту.

«Идет один верблюд... Идет второй верблюд... Идет третий верблюд...»

«Спи!»

Не помогают верблюды. Даже самый большой караван не может усыпить Лельку.

Где он? У своих солдат? Но солдаты давно спят: им вставать ни свет ни заря.

Лелька лежит с открытыми глазами. Она уже не старается заснуть.

И вдруг в тишине Лелька слышит шаги. Дорожки в поселке посыпаны галькой. Ее привезли с моря. На гальке шаги звучат отчетливо и ясно.

«Он!»

Лелька вздрагивает и прислушивается.

«Конечно, он!»

Она соскальзывает с постели и на цыпочках идет к окну.

Было темно.

Луна еще не взошла, а у дальних звезд не хватало сил осветить узенькие улочки степного поселка.

Лелька затаила дыхание и прислушалась. Морская галька рассказала ей, что по дорожке шагал не один человек, а двое. Рядом со спокойными мужскими шагами звучали другие — плавные женские шаги.

Лелька болезненно поморщилась.

У палисадника шаги затихли. И тут Лелька услышала голоса.

— Давай посидим на скамеечке, — говорил Шурин голос.

Лелька сразу узнала его.

— Уже поздно, — отвечал женский голос.

— Ну, прошу тебя.

— Неловко.

— Ничего. Все спят.

Лелька вслушивалась. Она хотела узнать, кому принадлежит женский голос. И она узнала. Это была Клавдия — клубная библиотечарша. Лелька увидела ее — высокую, черноволосую, с ровными, будто нарисованными угольком бровями. Лелька увидела ее не глазами, а памятью.

За окном так тихо, что можно было различить шорох каждой травинки. Лелька слушала, как зашуршало платье. Тонко скрипнула доска. Это лейтенант Шура и Клавдия сели рядом на скамейку.

Лельку от них отделяли невысокая глиняная ограда, куст шиповника и тонкие стебли мальвы. Но ей казалось, что, если протянуть руку, можно коснуться Шурино плеча. Лелька спрятала руки за спину и попятилась.

Лелька слышала, как, болтая ногой, Шура задевал камушки гальки.

Потом она услышала их дыхание. И Клавдин шепот:

— Шура, ведь ты меня не любишь.

Лелька закусил губу. Она понимала, что подслушивать гадко и даже подло. Но сейчас она не могла отойти от окна. Маленькая надежда удерживала ее. «Шура, ведь ты меня не любишь». Что ответит Шура?.. Может быть, он скажет Клавдии: «Нет»? Ладно, пусть он ничего не ответит. Пусть он только молчит.

Но Шура ответил:

— Люблю.

Лелька стояла у открытого окна в одной рубашке. И сердце ее стучало так громко, как тогда в степи, во время взрыва. Но ни Шура, ни Клавдия не слышали ударов Лелькиного сердца.

И вдруг Лельке стало очень холодно. Холодно рукам, плечам, коленкам. И Лелька поняла, что никакое даже самое теплое одеяло не согреет ее. Этот холод веял не из степи, а шел откуда-то изнутри, от сердца.

Лелька бросилась в постель. Она натянула одеяло на голову. Она закрыла уши, чтобы не слышать ни одного слова.

Она почему-то вспомнила, как неделю назад на этой же скамейке временный жилец говорил ей: «Вот послужу еще годок-другой и женюсь».

«Так ведь не прошел еще годок! Что же это он!..»

Слезы текли по Лелькиным щекам. Лелька плакала молча. Про себя. Сейчас она навсегда прощалась с лейтенантом Шурой, хотя он еще никуда не уезжал. Она прощалась с его маленьким войском, и с молчаливым Кузьминым, и с алым

маком, который устоял во время взрыва... Лельке было жалко себя и всего, что уже никогда не вернется. И слезы становились все горше.

В какое-то мгновение девочке захотелось вскочить с постели и прогнать со своей, Лелькиной скамейки временного жильца и черноволосую библиотекарку. Но она не пошевелилась.

Утром Лелька поднялась поздно. Лейтенант Шура давно уже ушел в степь со своим маленьким бесстрашным войском. Мама не вернулась с ночного дежурства. Солнце заполнило комнату. От его желтых лучей пахло лавандой. По сиреневым блюдечкам мальвы ползали тощие осы.

Лелька села на постель. Косичка соскользнула с голого плеча. Лелька взяла ее в руку, враждебно посмотрела на нее, но не отбросила. Не выпуская из руки, она подошла к комоду и взяла большие темные ножницы. Она широко раскрыла их и начала резать косичку.

Ножницы были не очень острыми, а Лелька торопилась, словно боялась, что изменит свое намерение. И резать было трудно.

Когда одна отрезанная косичка упала на пол к босым ногам, Лелька принялась за другую и вторую косичку тоже отрезала. Потом она отложила ножницы и подняла с пола две отрезанные косички. Она посмотрела на них равнодушно, как на чужие, и без сожаления отложила в сторону. Они были уже не нужны.

Несколько дней Лелька не виделась с временным жильцом. Утром она вставала уже после его ухода, а вечером, чтобы не попадаться ему на глаза, уходила к подругам. И лейтенанту Шуре приходилось умываться под бренчащим умывальником. И если он не успевал почистить сапоги, то они так и оставались пыльными, с присохшими комьями глины.

В субботний вечер Лелька и временный жилец случайно

встретились в клубе. Лейтенант Шура как ни в чем не бывало улыбнулся своей маленькой хозяйке. Лелька опустила глаза и залилась краской. Но, совладав с собой, посмотрела на лейтенанта и сказала:

— Здравсте!

Она произнесла приветствие сухо и даже немного насмешливо. Лейтенант Шура пожал плечами, помахал ей рукой и пошел дальше. Наверно, он спешил к своей библиотекарше Клавдии.

Он даже не заметил, что Лелька отрезала косички...

РЫЦАРЬ ВАСЯ

Приятели называли его тюфяком. За его медлительность, неповоротливость и неловкость. Если в классе писали контрольную работу, то ему всегда не хватало времени — он раскачивался только к концу урока. Если он пил чай, то на столе вокруг его блюдца образовывалась большая чайная лужа. Он ходил вразвалку и обязательно задевал за край стола или сбивал стул. И новые ботинки за неделю стаптывал так, словно вместе с Суворовым совершал в них переход через Альпы. Вид у него был сонный, будто он только что проснулся или собирался уснуть. У него все валилось из рук, все не ладилось. Одним словом, тюфяк. Куртка в обтяжку, штаны плотно облегли ноги. На толстом лице выделялись три бугорка: два — над глазами, у начала бровей, а третий — между носом и верхней губой. Когда он напрягался или приходил с мороза, эти бугорки краснели в первую очередь.

Он был беззлобным человеком. Пропускал мимо ушей колкости и улыбался вместе со своими насмешниками. На переменках в общей свалке его вечно толкали, таскали по коридорам и обращались с ним, как с большим мячом. Разозлить его стоило большого труда, но, когда его выводили из себя, обидчикам доставалось крепко. Тюфяк был очень сильным, хотя казался вялым и расхлябанным.

Все считали, что причина его полноты — обжорство: с чего еще он такой толстый? Но на самом деле ел он мало. Не любил есть. Терпеть не мог это занятие.

То, что он тюфяк, было написано у него на лице, угадывалось в его медленных, вялых движениях, звучало в глуховатом голосе, растягивающем слова. Никто не догадывался, что скрывается под этой некрасивой толстой оболочкой.

А в его груди билось благородное сердце рыцаря. В заветных мечтах он видел себя закованным в блестящие стальные доспехи, в пернатом шлеме с опущенным забралом, на белом коне с раздувающимися ноздрями. В таком виде он мчался по свету и совершал множество подвигов, защищая слабых и обиженных. Он был безымянным рыцарем. Потому что у рыцарей обычно были звучные иностранные имена — Ричард, или Родриго, или Айвенго. Его же звали просто Вася, и это имя не подходило для рыцаря.

В мечтах из толстого и косолапого он становился стройным и гибким, а в движениях появлялась ловкость и сноровка. Все его недостатки мгновенно пропадали под блистательными доспехами.

Но стоило ему подойти к зеркалу, как все возвращалось на место. И перед ним вместо прекрасного рыцаря снова возникал мешковатый мальчишка с круглым толстым лицом, на котором краснели три бугорка. В эти минуты он ненавидел себя за неподходящую для рыцаря внешность.

Кроме насмешливого зеркала, к действительности его возвращала мама. Услышав из кухни его шаги, от которых жалобно звенели стаканы, мама кричала:

— Осторожно! Слон в фарфоровой лавке!

Разве так обращаются с благородным рыцарем?

Он пробовал было поделиться мечтами с другом, но не встретил у него поддержки.

Услышав о доспехах, друг покривился и сказал:

— На такого толстого никакие доспехи не влезут.

Друг и не подозревал, что ранил Васю в самое сердце.

В свободное время он бегал в музей. Здесь в просторных залах висели большие картины в тяжелых золотых рамах, а

по углам стояли статуи из пожелтевшего мрамора. Он хладнокровно проходил мимо полотен великих мастеров, словно это были примелькавшиеся плакаты, и направлялся к заветному залу. В этом зале не было никаких картин. Здесь на стенах висели мечи и копья, а на полу стояли рыцари, закованные в латы.

Тайком от дежурной старушки он трогал холодную сталь доспехов и пробовал на палец, хорошо ли заточены мечи. Он медленно переходил от черного рыцаря к золотому, от золотого к серебряному. К одним рыцарям он относился по-дружески, к другим — со сдержанным холодком. Он кивал им головой и мысленно справлялся, как прошел очередной турнир. Ему казалось, что рыцари следят за ним сквозь смотровые щели опущенных забрал и никто из них не смеется и не называет его тюфяком.

Почему природа перепутала и вложила гордое сердце Дон-Кихота в толстую, неуклюжую оболочку Санчо Панса?

Он мечтал о подвигах, а жизнь его проходила однообразно и буднично. Каждое утро он нехотя свешивал ноги с постели и, подгоняемый маминым окриком: «Поторапливайся, а то опоздаешь!» — натягивал на себя штаны и рубаху. Потом он плелся к умывальнику, мочил нос — «и это называется вымылся?!» — и нехотя садился к столу. Поковыряв ложкой кашу — «не усни над тарелкой!» — он вставал и шел в школу. Он с грохотом скатывался с одной ступеньки на другую, и во всех квартирах знали, кто спускается по лестнице. В классе он появлялся после второго звонка. Бросал тяжелый портфель и протискивался на скамью, сдвигая с места парту.

Все это он проделывал с невозмутимым спокойствием человека, привыкшего к однообразному ходу жизни и не ждущего никаких неожиданностей.

На уроках он не болтал, так как вообще не отличался разговорчивостью, но это не мешало учителям постоянно делать ему замечания:

- Рыбаков, о чем ты мечтаешь?
- Рыбаков, повтори, что я сказала.
- Рыбаков, выйди к доске и объясни решение задачи.

Он плелся к доске, задевая ногой парты, и долго сжимал в пальцах мел, словно хотел из него что-то выжать. Решая задачу, он так сопел, словно в руке у него был не мелок, а тяжелый камень, который он без конца поднимал и опускал. Он думал так медленно и тяжело, что у учительницы лопалось терпение и она отправляла его на место.

Он садился, и парта мгновенно превращалась в боевого коня, а пухлые короткие пальцы сами начинали рисовать мечи и доспехи.

На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек. Когда ему предлагали пройти по буму, ребята уже заранее начинали хихикать. Он делал несколько трудных шагов, потом вдруг терял равновесие, беспомощно хватался руками за воздух и, наконец, с грохотом спрыгивал на пол. Через «коня» ему тоже не удавалось перепрыгнуть. Он застревал на черной кожаной спине и некоторое время восседал, как всадник в седле. Ребята смеялись, а он неуклюже сползал на животе на пол и шел в строй.

Ему не везло буквально во всем. Даже на школьном утреннике, где он читал стихотворение «Человек сказал Днепру», тоже вышло недоразумение. Он готовился целую неделю. Особенно хорошо у него получались заключительные строки. Он набирал побольше воздуха и с выражением произносил:

Чтоб на улице и дома
Было вечером светло!

Когда он вышел на сцену, все «выражение» сразу пропало. Он заторопился, чтобы поскорее добраться до конца. Но именно в конце его подстерегала неприятность. Он вдруг заволновался, задержал плечом и прочитал:

Чтоб на улице и дома
Было вечером т е м н о.

Зал засмеялся. Он вздохнул и тяжело спрыгнул со сцены. Он привык к судьбе неудачника. Обычно неудачники сердятся на других, а он сердился на самого себя. Он давал себе слово измениться и начать новую жизнь. Старался быстрее двигаться, говорить почти криком и ни в чем не отставать от ребят. Но из этого ничего хорошего не выходило. Дома со стола летели чашки, в классе проливались чернила, а от резких движений его куртка лопалась где-нибудь под мышкой.

Трудно провести границу между осенью и зимой. Бывает так, что еще не опали листья, а на землю ложится первый слабый снег. А иногда ночью подморозит, и река к утру покроется льдом. Этот лед, зеркальный и тонкий, манит к себе ребят, и тогда радио предупреждает, что ходить по льду опасно. Но не все слушаются радио. И вот на льду появляются первые смельчаки. Лед прогибается и предупреждающе трещит, но они верят, что родились под счастливой звездой. А счастливая звезда иногда подводит.

Его внимание привлекли крики, которые долетали с реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег.

Там он увидел Димку Ковалева, который размахивал руками и кричал:

— Тонет! Тонет!

— Кто тонет? — не спеша спросил тюфяк.

— Не видишь, что ли? — огрызнулся Димка. — Пацан тонет. Под лед провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалева: чего же ты не поможешь ему? Но он был тюфяком и не догадался этого сделать. Он посмотрел на лед и заметил маленького первоклашку, который был по пояс в воде и только руками цеплялся за край полыньи.

Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лед. Лед слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче.

Димка Ковалев оживился. Он снова стал махать руками и кричать:

— Заходи справа! Осторожно. Не топай ножищами, а то сам....

Он кричал, для того чтобы заглушить свой страх.

А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, у которого от испуга отнялся язык.

Около полыньи образовалась большая лужа. Он дошел до края и не раздумывая выставил одну ногу вперед. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лед может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном. Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу и очутился по щиколотку в воде.

Теперь Ковалев уже не кричал и не размахивал руками, а напряженно выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как по краям полыньи стал обламываться лед.

Наконец первоклассник очутился на льду. Он шел, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы стучали. А по лицу текли слезы.

Когда они вышли на берег, Ковалев оживился.

— Ты ноги промочил, — сказал он товарищу, — беги домой, а пацана я сам доведу.

Тюфяк посмотрел на спасенного им мальчика, потом перевел взгляд на мокрые ботинки и сказал:

— Валяй!

Ковалев схватил за руку мокрого перепуганного мальчишку и куда-то потащил его.

Тюфяк поплелся домой. Его переживания быстро затянулись пленкой. И теперь оставались только промокшие ноги и легкий озноб.

Дома он с трудом стянул с себя ботинки. Из них полилась вода.

— Что это? — спросила мама, недовольно глядя на перепачканный паркет.

— Промочил ноги, — растягивая слова, ответил мальчик.

— Ты даже зимой найдешь лужу! — Мама пожала плечами и пошла за тряпкой.

Он хотел было рассказать маме, как было дело, но его начало клонить ко сну и одолевала зевота, и даже в теплой комнате не проходил озноб. Он не стал ничего объяснять, лег на диван и зажмурил глаза.

Неожиданно он подумал, что если бы на нем были тяжелые рыцарские доспехи, то лед сразу бы проломился и он не сумел бы спасти пацана.

Он быстро уснул.

На другой день, когда после второго звонка он вошел в класс, там никого не было. Оказывается, все ушли наверх, в актовый зал, на общую линейку. Он бросил портфель на парту и поплелся на четвертый этаж.

Когда он вошел в зал, все уже построились большой буквой «П». Он протиснулся между ребятами и стал в заднем ряду.

В это время заговорил директор школы. Он сказал, что вчера на реке ученик Дима Ковалев спас первоклассника, провалившегося под лед, и что он, директор, восторгается смелым поступком ученика.

Потом выступала старшая вожатая. Она говорила о пионерском долге, о чести красного галстука и, наконец, зачитала письмо матери провалившегося пацана, в котором Димка назывался спасителем ее сына.

Стиснутый со всех сторон ребятами, тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалева. В какую-то минуту ему хотелось сказать, что Димка врет — никого он не спасал, а просто махал руками и кричал. Но от одной мысли

привлечь к себе внимание ему стало стыдно, и все три бугорка покраснели.

В конце концов он и сам поверил, что Димка — герой вчерашнего происшествия: ведь он первым заметил тонущего. И когда все захлопали Димке, тюфяк захлопал тоже.

Линейка кончилась. Ребятам велели расходиться по классам. И тюфяк, подталкиваемый товарищами, поплелся обратно на второй этаж.

Он с трудом протиснулся за парту — сдвинул ее с места, — а когда начался урок, взял в короткие пухлые пальцы тоненькую ручку и в тетрадке по арифметике стал рисовать рыцаря. Этот рыцарь был фиолетового цвета, как школьные чернила.

ПИСЬМО МАРИНЕ

Он стукнул перышком в невидимое дно чернильницы и вывел первое слово: «Марина». Он долго думал, прежде чем написать это слово. Оно должно было быть не первым, а вторым. А перед ним ему хотелось написать «дорогая», или «милая», или «самая лучшая». В его голове пронеслась целая вереница слов. Они были скрыты в дымке стыдливости и звучали вполголоса, словно кто-то произносил их шепотом.

Он испугался этих слов. И поэтому, когда написал «Марина», ему сразу полегчало.

Он грыз кончик тонкой оранжевой ручки и раскачивался на стуле, словно хотел научить стул стоять на двух ножках.

Оказывается, писать письма трудное дело. Потруднее алгебры.

Он перестал качаться и уставился в одну точку. И увидел перед собой Марину.

Он увидел ее так отчетливо, словно сидел за партой и скашивал глаза. Он видел ее профиль: каштановые волосы, белый лоб, ровный нос. Румянец не на щеке, а повыше — на скуле. Он так хорошо изучил Марину, что мог бы ее нарисовать по памяти.

Когда на уроке он смотрел в сторону Марины, из оцепенения его выводил голос учительницы:

— Почему ты смотришь в сторону?

Он вздрагивал и невпопад отвечал:

— Я смотрю в тетрадку.

— А надо смотреть на доску, когда я объясняю.

Хорошо, он будет смотреть на доску. Доска скрипела. Мел крошился. Цифры казались ему какими-то непонятными знаками, лишенными всякого смысла. Он смотрел на доску, а видел Марину, словно учительница рисовала ее портрет на доске.

Потом началась зима. Шел снег. Это спускались с неба миллионы маленьких раскрытых парашютов. Целый десант.

После урока играли в снежки. Марина была самой красивой девочкой, и поэтому ей доставалось больше всех. В некрасивых никто не бросает снежки. Каждому хочется бросить в красивую. Марина защищалась. Она закрыла лицо портфелем, как маленьким боевым щитом. Но ребята кидали со всех сторон. Сперва Марина смеялась. Потом в ее глазах появился испуг. Когда снежок попал за воротник ее серой меховой шубки, ему захотелось кинуться на ребят, защитить Марину, пусть даже попадет по уху. Но вместо этого он слепил свежий сырой снежок и тоже кинул в Марину. Он ненавидел себя за это, но ничего тогда не мог с собой поделать.

Сейчас надо написать о том снежке. Пусть Марина не думает, что он такой бесчувственный чурбан. Он не хотел...

Он уперся локтями в стол и стал смотреть в окно. Стены домов, каменные ограды, стволы деревьев были старательно побелены. Вероятно, людям, живущим на юге, белый цвет напоминает свежий морозный снег.

Он подумал о том, как в феврале встретил Марину в коридоре и, заикаясь от смущения, сказал:

— Приходи на каток.

Он был почти уверен, что Марина скажет какую-нибудь дерзость. Но она почему-то сразу согласилась.

— Если хочешь, приду, — сказала она и посмотрела на него серьезными карими глазами. — Жди меня у входа в семь.

Он пришел на каток в половине седьмого. У него не было часов, и он боялся опоздать. Он стоял на противоположной стороне и внимательно следил за входом. Шел крупный, бесшумный снег. Горели десятки лампочек. Из этих лампочек было составлено слово «Каток». А веселая музыка наполняла его сердце тревогой. Несколько раз ему чудилось, что идет Марина. А это оказывались другие, незнакомые девочки. И каждый раз, когда он ошибался, ему становилось неловко.

Он ждал долго, и ему уже начинало казаться, что Марина не придет. Наконец он увидел, как она подошла к ярко освещенному входу. Он не бросился к ней навстречу, а спрятался за уступ дома и стал смотреть на нее. Она поворачивала голову то влево, то вправо: искала его глазами. А он все медлил, все не решался выйти из своего укрытия. «Еще минутку! Еще минутку!» — шептал он сам себе. И все тянул время.

Марина отвернула краешек мехового рукава своей шубки и посмотрела на часы. Потом она еще немного потопталась на месте и пошла на каток. А он все стоял и смотрел. Когда Марина ушла, сердце его сжалось и ему неудержимо захотелось догнать ее. Но он не мог пошевелинуться. Так и стоял в своем укрытии.

Он презирает себя за малодушие. И ему хочется написать Марине, что он был у входа на каток. Пусть она не думает, что он забыл или у него появились более важные дела.

Он вдруг почувствовал, что у него замерзли босые ноги. Самому было жарко, а ноги замерзли. Он встал со стула. Дверь была приоткрыта. В широкую щель вошел солнечный луч и расстелил на полу светлую желтую дорожку. Весь пол был прохладным, а солнечная дорожка теплая. Он стал ходить по ней и греть ноги. Ему хотелось уйти по этой солнечной дорожке от своих тяжелых дум и от недописанного письма.

Но он заставил себя вернуться к столу.

После случая с катком Марина перестала его замечать. Он решил, что она никогда в жизни не простит ему обмана и не заговорит с ним. И от этого он чувствовал себя несчастным. Но однажды Марина подошла к нему и как ни в чем не бывало сказала:

— Завтра все идут в кино, ты пойдешь?

— Пойду, — пробурчал он, краснея от неожиданности.

— Давай сядем рядом?

Он поднял глаза на Марину, и у него перехватило дыхание. Ее карие глаза светились. Они все прощали. Они были заполнены тихой, необъяснимой радостью. Он смотрел в них и от неожиданности не мог произнести слова.

— Сядем рядом? — повторила Марина.

— Да, — выпалил он.

Он ничего не мог понять.

В эти дни в городе начала хозяйничать весна. Она, видимо, не любила белый цвет и решительно перекрашивала город на свой лад. Снег беспомощно жался к домам, но весна наступала его и тут. Разлились лужи. Сырые ветры носились по улицам. И казалось, что за каждым углом — море.

Он шел в кино, не разбирая луж. Он вообще ничего не замечал. И если бы на пути в самом деле встретилось море, он зашагал бы по морю: море было ему по колено.

У кино стояла учительница. Она держала в руке длинную синюю бумажную ленту и раздавала билеты. Когда он пришел, у большинства ребят уже синели в руках билетки. А у Марины не было билета. Она ждала его.

Завидев его, Марина подошла к учительнице и сказала:

— Дайте мне билетик.

И пока учительница отрывала от синей ленты билет, Марина глазами звала его. А он стоял как пень.

— Кому еще? — спросила учительница.

Марина звала его глазами: «Ну что же ты медлишь? Бери скорее следующий, и мы будем сидеть рядом!» Но он топтался на месте, пока билет не взял Ленька Клочков.

В кино он сидел не с Мариной, а рядом с Ленькой Клочковым. Ленька весь сеанс грыз леденцы и кричал:

— Законно! Законно!..

А он весь сеанс ерзал и все старался взглянуть на Марину. Но ему мешал Ленька Клочков.

Как жарко здесь, на юге! Конечно, здесь море. Но невозможно весь день просидеть в море. А когда без моря — жарко. Можно вылить на себя ведро воды, чтобы не топать к морю. Но ведра хватит на пять минут, потом снова будет жарко. А почему он, собственно, должен писать письмо?

Он уперся большими пальцами ног в пол и стал стучать пяткой о пятку.

А потом рука снова потянулась к оранжевой ручке. Надо писать письмо, раз обещал.

Он обещал Марине написать письмо с юга. Они шли вдвоем по набережной. На Марине было цветастое платье, без рукавов и без воротника. А в глазах ее играло солнце. Марина держала руки за спиной, а ветер все время сбрасывал волосы на глаза. Ему хотелось осторожно коснуться ее волос и положить их на место. А он шел поодаль от Марины, чтобы не подумали, что он ее провожает. Ему казалось, что весь город знает, что он ее провожает.

Когда они дошли до Марининого дома, он быстро протянул руку и сказал:

— Пока!

Ему очень не хотелось делать этого. Ему хотелось побыть с Мариной. Но он всегда поступал против своей воли, когда был с ней.

— Уезжаешь? — спросила его Марина.

Он посмотрел ей в глаза. И вдруг почувствовал, что сейчас должен рассказать ей, что не хотел кидать в нее снежок,

и что на каток он приходил, просто не решился подойти к ней, и что в кино ему очень хотелось сидеть с ней рядом и он почти не смотрел на экран. Но он не знал, как решиться на этот разговор.

И тут Марина сказала:

— Напиши мне письмо.

Он сразу просиял. Он обо всем напишет в письме! Сказать трудно, а в письме все можно. Сел и написал. И он воскликнул:

— Обязательно! Я напишу тебе письмо. Длинное-длинное!.. Хорошо?

— Ага!

Марина качнула головой, и волосы снова съехали на глаза. И он уже протянул руку, чтобы осторожно убрать прядку... но рука вернулась с полдороги. И он снова сказал:

— Я напишу тебе длинное письмо!

Уже много раз перышко окуналось в чернильницу и высыхало. Пальцы стали фиолетовыми. Если судить по пальцам, то он исписал целую тетрадку. Но на белом листке было только одно слово: «Марина». Он смотрел в одну точку. Видел Марину в коричневом платье с фартуком, в серой меховой шубке, в платье без рукавов и воротника. Марина смотрела на него, и ее глаза спрашивали: «Ну что же ты не пишешь? Ты же обещал!»

Наконец он взял себя в руки, в сотый раз ударил перышком о невидимое дно чернильницы и стал писать. Он рассчитывал, что письмо будет большим, но оно все уместилось на одном листке, да и тот был исписан всего лишь на три четверти.

Когда письмо было написано, он быстро пробежал его глазами: проверил, нет ли ошибок. А то Марина будет смеяться. Потом положил листок в конверт, запечатал и облегченно вздохнул.

И письмо полетело с жаркого юга на север, где шли дож-

ди и где вместо вечнозеленого самшита росли обычные березки. На листке почтовой бумаги, вложенном в конверт, было написано:

Марина!

Вот уже две недели, как я в Крыму. Здесь жарко. Море рядом. Купайся сколько хочешь. Только дно плохое.

Я купаюсь. Загораю. Играю в волейбол. Вчера я ловил рыбу. Два часа простоял между скал на одной ноге. И ничего не поймал. Это потому, что я ловил бычков на хлеб. А бычков ловят на самого бычка. Важно только поймать первого. Вот и все.

Ну, пока.

К о с т я.

СЫН ЛЕТЧИКА

Я могу поручиться, что никогда не слышал о летчике Преснякове. Но его лицо на фотографии показалось мне удивительно знакомым. Он снят после полета, в гермошлеме, в котором можно дышать там, где нет воздуха. В этом одеянии он скорее похож на водолаза, чем на летчика.

Капитан Пресняков небольшого роста. Но это сразу не заметишь на фотографии, потому что он снят до пояса. Зато отчетливо видны широкие скулы, и глаза щелочками, и неровные брови, и канавка над верхней губой, и шрам на лбу. А может быть, это не шрам, а прядка волос, прилипшая ко лбу в трудном полете.

Эта фотография принадлежит Володьке Преснякову. Висит у него над постелью. Когда в дом приходит новый человек, Володька подводит его к фотографии и говорит:

— Мой отец.

Он говорит это так, будто и в самом деле знакомит гостя со своим отцом.

Живет Володька в Москве, в проезде Соломенной Сторожки. Конечно, на Володькиной улице нет никакой сторожки, да еще соломенной. Кругом стоят большие новые дома. Это при Петре Первом здесь была сторожка. Интересно, в каком месте она стояла? Около «Гастронома» или на углу у сберкассы? И как звали стражника, который в ненастную, вьюжную ночь забегал в теплую сторожку, чтобы перевести дух и по-

греть у огонька деревянные от мороза руки? Только на минутку! Стражнику не положено торчать в теплой сторожке при исполнении служебных обязанностей...

Под окнами Володькиного дома днем и ночью грохочут самосвалы: рядом идет стройка. Но Володька привык к их грохоту и не обращает на него внимания. Зато ни один самолет не пролетит над его головой незамеченным. Услышав звук мотора, он вздрагивает, настораживается. Его тревожные глаза спешат отыскать в небе маленькие серебристые крылышки машины. Впрочем, он, даже не глядя на небо, может по звуку определить, какой летит самолет: простой или реактивный, и сколько у него «движков». Это потому, что с детства привык к самолетам.

Когда Володька был маленьким, он жил далеко-далеко от Москвы. В военном городке. Ведь города, как и люди, бывают военными.

Володька родился в этом городке и прожил в нем добрую половину своей жизни. Человек не может запомнить, как он учился ходить и как произнес первое слово. Вот если он упал и разбил коленку, это он помнит. Но Володька не падал и не разбивал коленку, и над бровью у него нет шрама, потому что и бровь он тоже никогда не разбивал. И вообще он ничего не помнит.

Не помнит, как, заслышав шум мотора, он что-то искал в небе выпуклыми голубыми глазами. И как протягивал руку: хотел поймать самолет. Рука была пухлая, со складкой у запястья, будто в этом месте кто-то обвел ее чернильным карандашом.

Когда Володька был совсем маленьким, он умел только просить. А когда стал постарше — годика в три-четыре — стал спрашивать. Он задавал маме самые неожиданные вопросы. И были такие, на которые мама не могла ответить.

— Почему самолет не падает с неба? Почему у нас звездочки, а у фашистов крестики с хвостиками?

Володька жил с мамой. Папы у него не было. И вначале он считал, что так и должно быть. И его вовсе не беспокоило, что нет папы. Он и не спрашивал о нем, потому что не знал, что ему полагается папа. Но однажды он спросил у мамы:

— Где мой папа?

Он думал, что маме очень легко и просто ответить на этот вопрос. Но мама молчала. «Пусть подумает», — решил Володька и стал ждать. Но мама так и не ответила на вопрос сына.

Володьку это не очень огорчило, потому что мама многие его вопросы оставляла без ответа.

Больше Володька не задавал маме этого вопроса. Какой смысл спрашивать, если мама не может ответить? Но сам он не забыл о своем вопросе с той легкостью, с какой забывал о других. Ему понадобился папа, и он стал ждать, когда папа появится.

Как ни странно, Володька умел ждать. Он не искал папу на каждом шагу и не требовал от мамы, чтобы она нашла ему недостающего папу. Он стал ждать. Если мальчику полагается папа, то рано или поздно он найдется.

«Интересно, как появится папа? — думал Володька. — Придет пешком или приедет на автобусе? Нет, папа прилетит на самолете — ведь он летчик». В военном городке у всех ребят папы были летчиками.

Отправляясь с мамой гулять, он посматривал на встречаемых мужчин. Он старался угадать, на кого из них похож его папа.

«Этот очень длинный, — думал он, оглядываясь на высокого лейтенанта, — такому папе и на спину не заберешься. И почему у него нет усов? У папы должны быть усы. Только не такие, как у продавца в булочной. У того усы рыжие. А у папы усы будут черные...»

С каждым днем Володька все нетерпеливей ждал приезда папы. Но папа ниоткуда не приезжал...

— Мама, сделай мне кораблик, — сказал однажды Володька и протянул маме дощечку.

Мама посмотрела на сына беспомощно, будто он задал ей один из тех вопросов, на которые она не могла ответить. Но потом вдруг в ее глазах появилась решимость. Она взяла из рук сына дощечку, достала большой кухонный нож и начала стругать. Нож не слушался маму: он резал не как хотела мама, а как ему вздумается — вкривь и вкось. Потом нож соскользнул и порезал маме палец. Пошла кровь. Мама отбросила недоструганную деревяшку в сторону и сказала:

— Я лучше куплю тебе кораблик.

Но Володька покачал головой.

— Не хочу купленный, — сказал он и поднял с пола дощечку.

У его друзей-приятелей были красивые корабли, с трубами и парусами. А у Володьки была шершавая недоструганная колобашка.

Но именно эта невзрачная дощечка, именуемая пароходом, сыграла в Володькиной судьбе очень важную роль.

Однажды Володька прогуливался по коридору квартиры с дощечкой-кораблем в руках и лицом к лицу столкнулся с соседом Сергеем Ивановичем. Сосед был летчиком. Целыми днями он пропадал на аэродроме. А Володька «пропадал» в детском садике. Так что они почти не встречались и совсем не знали друг друга.

— Здравствуй, брат! — сказал Сергей Иванович, встретив Володьку в коридоре.

Володька задрал голову и стал рассматривать соседа. До пояса он был одет в белую обыкновенную рубаху, а брюки и сапоги были военными. На плече висело полотенце.

— Здравствуй! — отозвался Володька.

Он всех, больших и маленьких, называл на «ты».

— Почему ты один шагаешь по коридору? — спросил сосед.

— Гуляю.

— А на улицу что не идешь?

— Не пускают. Кашляю.

— Небось по лужам без галош бегал?

— Нет. Я снег ел.

— Понятно...

В конце разговора, который происходил в полутемном коридоре, сосед заметил в руках Володьки дощечку.

— Что это у тебя?

— Кораблик.

— Какой же это кораблик? Это доска, а не кораблик, — сказал сосед и предложил: — Давай я тебе кораблик сделаю?

— Только не сломай, — предупредил его Володька и протянул дощечку.

— А как тебя зовут? — между прочим, спросил сосед, разглядывая деревяшку.

— Володя.

— Володька, значит?

Володька. Это хорошо. Мама называла его Володенька, а тут Володька. Очень красиво!

Пока Володька раздумывал над новым именем, сосед достал из кармана складной перочинный ножик и ловко начал обстругивать дощечку.

Что это получился за кораблик! Ровный, гладкий, с трубой посередине, с пушкой на носу. На полу кораблик не стоял, заваливался набок. Зато в лужах он чувствовал себя отлично. Никакие волны не могли его опрокинуть. Присев на корточки, Володькины приятели с любопытством рассматривали корабль. Каждому хотелось потрогать его, потянуть за веревочку. Володька торжествовал.

— Не забрызгай! — кричал он одному из приятелей, буд-то кораблю была страшна вода.

— Не тyani, опрокинешь! — грозно предупреждал он другого, хотя его корабль был самым устойчивым кораблем дворового флота.

— Кто это тебе такой корабль сделал? — спросил Володьку кто-то из ребят.

Володька запнулся. Потом набрал побольше воздуха и смело выпалил:

— Папа!

— Врешь, — сказал приятель. — У тебя нет папы.

— Нет, есть! Нет, есть! — решительно ответил Володька. — Он мне еще не то сделает!

Вечером мама заметила Володькину обновку. Она подняла с пола корабль, внимательно осмотрела его и спросила:

— Откуда это у тебя?

— Папа сделал, — отозвался Володька.

— Папа? — Мама удивленно подняла брови. — Какой папа? У тебя нет папы...

Последние слова мама с трудом выдавила из себя. Но Володьку несколько не смутило мамино возражение. Он сказал:

— Как же нет папы? Есть! Ведь даже у девочек есть папы, а я мальчик.

Мама вдруг перестала спорить. На нее смотрели два больших упрямых глаза. В них было столько решимости и отчаяния, что мама промолчала. Она поняла, что в маленьком сыне прорезается характер, что он так просто не отступится от того, что ему полагается, что определено самой природой.

Мама опустила глаза и отошла. А он все не двигается с места — маленький человек, готовый постоять за себя. Он прижимал к груди своей кораблик, как будто кто-то хотел отнять у него этот драгоценный предмет.

...Сергей Иванович не догадывался о том, что сделал корабль с маленьким соседом. И, уж конечно, ему и в голову не могло прийти, что Володька в поисках папы остановил свой выбор на нем.

Возвращаясь из детского сада, Володька спрашивал:
— Папа дома?

Мама ничего не отвечала. Тогда он, улучив минутку, выскальзывал в коридор и направлялся к соседней двери. Он толкал дверь плечом. Она не подавалась: папы не было дома.

Володька не падал духом. Эка беда, что папы нет дома! Важно, что он *есть*.

Постепенно у Володьки сложилось свое представление о папе. Его папа жил в другой комнате, обедал в столовой и сам ставил себе чайник. И если у него отрывалась пуговица, то он сам пришивал ее. И он никому не докладывал, куда уходит и когда вернется. Володька решил, что именно таким и должен быть папа.

Случилось, что Володька заболел не на шутку. На этот раз он съел слишком много снега, и у него начался жар. Он лежал в постели и горел. Ему казалось, что постель стоит на огне и огонь раскаляет подушку, одеяло, рубашку. И градусник ему ставят часто, потому что боятся, как бы он совсем не сгорел. Володька не стонал, не вздыхал, не звал маму. Он мужественно переносил болезнь. Он сопел. А временами кашлял, и тогда в его груди перекачивался шершавый, булькающий шарик.

Целый день с Володькой сидела бабушка из соседней квартиры. Бабушке хотелось, чтобы Володька уснул, и она рассказывала ему сказки. В конце концов от сказок уснул не Володька, а сама бабушка.

Когда вечером вернулась с работы мама, бабушка беззвучно поднялась и ушла к себе в соседнюю квартиру.

С мамой было веселее. Она ходила взад-вперед, что-то приносила, уносила, роняла на пол. Она тормозила Володьку, давала ему то лекарство, то кислый морс. Она прикладывала прохладную руку ко лбу — это было приятно. Переворачивала подушку на «холодную сторону» — это тоже было хорошо. Только жаль, что подушка быстро нагревалась.

Мама все время спрашивала:

— Не болит головка? Что тебе дать? Что ты хочешь?

Но Володька ничего не хотел. Он не знал, что от холодного снега будет так жарко. И так тошно. Он молчал.

И вдруг мальчик сказал:

— Мама, позови папу.

Мама повернулась к окну. Она сделала вид, что не слышала просьбу сына. Она надеялась, что он тут же забудет о ней.

Но, выждав немного, Володька повторил:

— Позови папу.

Мама не двигалась. Она стояла спиной к сыну, и он не видел, как лицо ее стало беспомощным, а глаза наполнились слезами. Она могла многое сделать для сына. Подарить ему дорогую игрушку, купить вкусенького. Могла работать для него с утра до вечера. Могла отдать ему свою кровь, свою жизнь. Но где она могла взять ему папу?..

А Володька ждал, когда она пойдет за папой. И она пошла. Она вышла в коридор и медленно направилась к соседней двери. Она шла к чужому человеку, чтобы попросить его на несколько минут побыть папой.

Преодолевая чувство стыда и унижения, мама постучала в соседнюю дверь.

— Да! — слышалось изнутри.

Голос показался маме резким и не приветливым. И от этого ей стало еще труднее. Но она все же отворила дверь.

Сосед сидел за столом и пил чай. Вероятно, он только что вернулся домой, потому что на нем были сапоги и рубашка

защитного цвета с черным галстуком. Он пил чай и читал газету. Когда мама отворила дверь, он поднял на нее удивленные глаза и встал, не выпуская из рук стакана и газеты. Он не подал ей стул и даже не предложил войти в комнату. Она так и стояла на пороге.

— Сергей Иванович, — сказала мама, и голос ее дрогнул, будто что-то в нем обломилось. — Сергей Иванович, он зовет вас отцом. Я не знаю, почему ему это взбрело в голову... Он маленький и глупый.

Мама говорила, а сосед растерянно смотрел на нее и кивал головой. Казалось, речь идет не о нем, а о другом человеке. Он все не понимал, что же от него нужно.

— А сейчас, — продолжала мама, — он болен. И он зовет вас.

Мама замолчала. Опустив голову, она ждала, что ей скажет сосед. А сосед ничего не сказал. Он вдруг засуетился: поставил на стол стакан с чаем, бросил газету на кушетку и почему-то стал натягивать на плечи форменную куртку.

— Сейчас иду, — пробормотал он.

Зачем ему понадобилась куртка с погонами и знаками отличия? Ведь не начальство вызвало его.

Он пошел за мамой.

Осторожно, словно боясь разбудить, подошел он к Володькиной постельке и, наклонясь к нему, спросил:

— Болеешь, брат?

Володька кивнул головой. Его больные глаза радостно загорелись. Он приподнялся на локте и спросил:

— Ты высоко летаешь?

— Высоко, брат, — ответил летчик.

— Выше Сапунова?

Сосед усмехнулся:

— Э-э, да ты, оказывается, знаешь Сапунова? Знаком с ним?

Володька затряс головой. Он не знаком с прославленным летчиком военного городка. Он слышал о нем.

— Выше Сапрунова пока не летаю, — произнес сосед, — но царапаю небо потихоньку.

Володька почему-то представил себе папу, царапающего небо ногтем. И мальчик покосился на его руку. Ногти на руке летчика были коротко подстрижены. «Трудно такими царапать небо», — подумал Володька.

С приходом Сергея Ивановича он оживился. Вероятно, когда рядом с тобой папа, то никакая болезнь не страшна. Мама вышла в кухню. И они остались одни: сын и папа.

Сергей Иванович был одиноким человеком. У него никогда не было ни семьи, ни детей. И к детям он относился не то чтобы с неприязнью завязанного холостяка, а как относятся к чужой, очень хрупкой вещи: стараются не брать в руки, чтобы случайно не уронить. Но с Володькой он обращался смело. Он клал ему руку на лоб, и переворачивал его на «другой бочок», и даже попытался рассказать ему сказку. Сказка получилась похожей на быль: про самолет, механика и генерала...

Новое, незнакомое чувство робко прорезалось в сердце человека, привыкшего иметь дело с солдатами и ревущими машинами.

Глядя на маленького горящего Володьку, он вдруг поймал себя на мысли, что с удовольствием сам переболел бы за него гриппом: ему — что, а малышу — тяжело.

Было уже поздно, когда сосед собрался уходить. Но Володька ухватил его за руку:

— Папа, не уходи!

Он держал руку Сергея Ивановича, как будто эта сильная мужская рука была его жизнью и без нее все вокруг теряло всякий смысл.

— Да я не уйду, — виновато говорил Сергей Иванович. — А ты спи.

Но Володька боялся уснуть, хотя его сильно клонило ко сну. «Вот усну, а он уйдет», — думал мальчик и изо всех сил старался удерживать глаза открытыми. А губы его тихо шептали:

— Ты не уходи... А я больше не буду есть снег. И лазить по заборам не буду... И суп буду доедать... Не уйдешь? А?

И сквозь сон слышал спокойный голос Сергея Ивановича:

— Не уйду, не уйду.

В конце концов Володька уснул. Так и уснул, не выпуская из своих рук папину руку.

В те редкие дни, когда Володька заставлял папу дома, он старался как можно дольше побыть с ним. И Сергей Иванович с завидным терпением выполнял все желания своего новоявленного сына.

— Слушай, — говорил Володька (он всегда обращался к Сергею Ивановичу «слушай»). — Слушай, покатай меня на кликушках.

— Что-что? — переспрашивал Сергей Иванович.

— На кликушках, — невозмутимо повторял Володька и начинал карабкаться на плечи Сергея Ивановича.

И тот послушно подставлял мальчику плечи. А потом, почувствовав на себе всадника, начинал ходить по комнате.

— Быстрей! — командовал наездник и крепко обвивал руками шею своего коня.

Потом Володька просил:

— Зайди за мной в детский садик. За всеми в субботу заходят папы.

Сергей Иванович почесал затылок, однако пообещал зайти за Володькой. И слово свое сдержал.

Как-то под вечер в комнату, где Володька играл с товарищами, вошла нянечка и громко сказала:

— Пресняков, за тобой пришел отец.

Володька покраснел от удовольствия и пулей вылетел в прихожую. Там на диване сидел папа. Он был в шинели, а фуражка с золотой «капустой» лежала у него на коленях. Вид у него был строгий и торжественный. Казалось, папа боится пошевелиться, чтобы не сделать что-нибудь не так. Володька подбежал к нему и стал тянуть его за руку, а папа упирался. Он чувствовал себя неловко среди маленьких столиков, стульчиков и вешалок с коротенькими пальто.

А потом они шли вдвоем по военному городку, и Володька крепко держался за папину руку. Он старался делать большие шаги, чтобы не отставать от него. И все время посматривал по сторонам. Ему хотелось, чтобы его друзья и знакомые видели: он идет с папой. Пусть хоть один человек осмелится после этого сказать: «Врешь, у тебя нет отца!»

Сергея Ивановича многие знали и при встрече с ним кивали ему и отдавали честь. Володьке это тоже нравилось.

Один знакомый летчик, поздоровавшись с Сергеем Ивановичем, спросил:

— Сынишка?

Сергей Иванович помолчал, а потом, посмотрев сверху вниз на Володьку, сказал:

— Сын.

Он произнес это слово с вызовом. Будто знакомый хотел задеть его этим вопросом, а он давал ему отпор.

Но Володька не обратил внимания на то, как ответил папа. Они зашагали дальше. И Володька был счастлив.

Детский садик стоит на самом краю военного городка. За низким разноцветным заборчиком начинается степь. Зимой заборчик заносит снегом и его вообще не видно. Летом степные травы поднимаются вровень с островерхими колышками.

А в степи аэродром. Бессонный, тревожный, живущий своей заманчивой, но опасной жизнью.

Оттуда в небо поднимаются серебристые машины с крыльями, отведенными назад, как руки перед прыжком. Кажется, на земле им нечем дышать, и они с радостным ревом рвутся в синюю глубину неба, где можно вздохнуть полной грудью. А когда смелые руки летчика поднимут машину очень высоко, в небе остается след: белый, морозный, видный всей земле.

Случается, что высоко над головой вдруг раздается резкий грохот. Новичок вздрагивает, ищет в небе след взрыва... Но жители военного городка остаются спокойными. Они знают, что никакого взрыва нет. Просто в недоступной глазу вышине одна из серебряных машин прорвалась сквозь звуковой барьер и полетела быстрее звука. И это не взрыв, а удар сильных крыльев.

Самолеты улетают и возвращаются. Аэродром провожает и встречает. И так каждый день.

Когда это произошло, в детском садике был «тихий час». И дети спали. И Володька тоже преспокойно спал, потому что гул моторов не мешает спать сыну летчика.

Володька спал, а он был в небе.

Он поднялся на такую высоту, где небо уже не голубое, а темное и, говорят, звезды видны даже днем. Это небо не принадлежит земле, и в нем нечем дышать жителю земли. Он дышит кислородом, захваченным с собой в полет. Да и машина здесь нелегко, ей тоже не хватает воздуха: крылья теряют опору.

Когда он начинал выполнять фигуры пилотажа, его тело становилось тяжелым. Трудно поднять руку. Веки наливались свинцом. Казалось, самолет подчинил себе пилота и решил вообще не возвращаться на землю.

Но голос земли командовал:

«Снижайтесь!»

И небо ответило земле:

«Вас понял».

Черта с два, самолет командует пилотом! Неторопливым движением летчик отдал от себя ручку управления, убавил обороты двигателей, и машина, как обузданная, повернула от звезд к земле.

Капля пота потекла по его лбу. И он никак не мог стереть ее ладонью, потому что лицо было под прозрачной маской гермошлема. И он подумал, что, как только приземлится, обязательно сотрет эту зудящую каплю. Стрелки приборов слегка дрожали, желая подчеркнуть, что они не спят. Земля приближалась.

И вот тут-то вспыхнула тревожная красная лампочка — сигнал пожара.

Он сразу забыл о капле пота. Он стал проверять, не врет ли «паникер» (так летчики в шутку называют сигнал пожара, зачастую поднимающий ложную тревогу). Но на этот раз «паникер» не ошибся. Летчик выключил горящий двигатель и доложил земле:

«Горит правый двигатель».

«Попробуйте сбить пламя», — приказала земля.

Теперь самолет стремительно снижался. Казалось, он падал. Он тушил свой пожар. Он хотел оторвать от себя пламя, которое, как липкий красный лоскут, трепалось у правого сопла. Но ни встречный поток воздуха, ни автоматический огне-тушитель не могли справиться с пламенем — так крепко вцепилось оно в машину. Огню было мало мотора, и он перебрался на фюзеляж.

Горящий самолет терял высоту.

И вдруг летчик почувствовал, что ручка управления утратила свою упругость. Она беспомощно болтается, и самолет не выполняет ее приказы.

Он понял, что произошло самое страшное: перегорели рулевые тяги. Рули вышли из повиновения. А самолет падал на военный городок.

Когда он доложил обстановку земле, с командного пункта пришел приказ:

«Сапунов! Покидай машину. Катапультируйся».

Но он ответил:

«Не могу».

«Какого черта! Сапунов!..»

Голос командира гремел в наушниках. Но летчик молчал. Ему некогда было разговаривать. Самолет падал на маленькие ровные квадратики жилых домов. Эти квадратики с неумолимой силой приближались к нему, становились все крупнее, все отчетливей. Они, как магнит, притягивали к себе машину с уснувшими рулями.

«Сапунов! — ревела земля. — Сапунов!..»

Он молчал. Он не откликался. И земля решила, что он погиб. Но Сапунов боролся.

А Володька в это время спал.

Никто не знает, о чем думает человек, когда глядит в глаза смерти, на какие мысли он тратит последние скупые мгновения, которые отпустила ему жизнь. И никто не может поручиться, что Володькин папа в горящем самолете думал о своем сыне. Но есть движение человеческого сердца, которое сильнее мыслей и горячее чувств. В этих движениях любовь и разум, привязанность и ласка вдруг превращаются в силу, перед которой бессильны страх, сомнения, себялюбие.

Ему все же удалось отвернуть горящую машину от жилых домов. Это произошло уже у самой земли. Кажется, он отвернул машину не отказавшими рулями, а своей грудью, руками, последними толчками сердца.

Катапультироваться он не успел: не хватило времени.

...Человеческая память не похожа на старую бабку, которая кидает в свое лукошко все, что ей попадется под руку. Она разборчивый мудрец, который, прежде чем захватить с собой что-нибудь из твоей жизни, долго разглядывает, взвешивает на ладони, думает: брать или не брать?

Поэтому Володька Пресняков, живущий в проезде Соломенной Сторожки, мало знает о Володьке из далекого военного городка. Будто они не одно и то же лицо, а разные люди.

Только один раз смастерил папа маленькому Володьке кораблик, а большой Володька уверен, что он ему сделал целую флотилию кораблей. Только один раз заснул Володька, не выпуская из рук большой отцовской руки, а память утверждает, что он чуть ли не каждый день засыпал с рукой отца. Только один раз зашел летчик за своим сынишкой в детский сад, а память нашептывает, что это случалось часто.

Может быть, человеческая память немного привирает? А может быть, она отбирает самое главное и увеличивает его так, чтобы было видно всю жизнь.

Когда он погиб, Володька был еще маленьким. Он даже не сразу узнал о его гибели. Какой-то самолет разбился. Какой-то летчик погиб. Военный городок был в трауре. Здесь в каждом доме жили летчики, и с каждым из них могло такое случиться... Но в детском садике жизнь шла своим обычным чередом, как будто ничего и не произошло.

Возвращаясь домой, Володька стучался в папину дверь. Но никто не откликался. Володька этому не удивлялся. Папы часто не бывало дома: служба такая.

Наконец долгое отсутствие папы начало тревожить мальчика. И однажды он спросил маму:

— А где папа?

Обычно мама не отвечала на этот вопрос. Она или отворачивалась, или уходила в кухню. Но на этот раз мама не отвернулась и не ушла. Она взяла Володьку за плечи, притянула его к себе и внимательно посмотрела ему в глаза. Потом она крепко прижала к себе сына и сказала:

— Твой папа погиб при исполнении служебных обязанностей.

Володька не понял, что значит «погиб» и при чем здесь «обязанности». Он спросил:

— А когда папа придет?

— Никогда, — сказала мама и еще крепче прижала сына к себе.

Володька высвободился из маминых рук и недоверчиво взглянул маме в глаза. Что это значит «никогда»?

— Он уехал или улетел? — спросил Володька.

— Он погиб, — повторила мама. — Умер. Понимаешь? Его никогда больше не будет.

— А как же я?.. — пролепетал Володька и уже собирался было заплакать, но тут мама сказала:

— Твой папа — герой.

Слово «герой» успокоило мальчика. Это слово не вязалось со слезами. И Володька не заплакал.

Вероятно, тогда он так и не понял маму.

Папа больше не появлялся. В его комнату въехали другие жильцы. А потом мама и Володька уехали из военного городка в Москву, к бабушке.

Теперь Володька большой, самостоятельный парень. Он все понимает — и что такое «погиб», и что такое «при исполнении служебных обязанностей». И он любит своего отца, хотя знал его очень недолго. И он скучает по нему и часто смотрит на фотографию, что висит над постелью. Он рассматривает неровные брови, и канавку над верхней губой, и шрам на лбу. А может быть, это не шрам, а прядка волос, прилипшая ко лбу в трудном полете?

Правда, Володька совсем не похож на отца. И скулы у него не широкие, и глаза не щелочками. Глаза у Володьки большие. Но ведь их можно прищурить. А скулы могут появиться с годами. Вырастут. Ведь человек растет до двадцати лет.

Впрочем, совсем не обязательно, чтобы сын был похож на отца лицом. Он, может быть, вышел в маму. Главное, чтобы характер был отцовский.

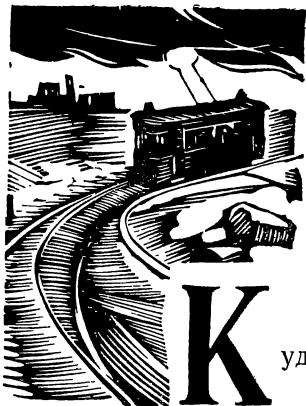
...Нет, недаром фотография над Володькиной постелью показалась мне знакомой. Это был летчик Сапрунов. В этом не могло быть сомнений. Тот самый прославленный летчик Сапрунов, который долетел до черного неба и погиб при исполнении служебных обязанностей. Это он спас жизнь сотне людей ценой своей жизни.

Я перевожу взгляд с фотографии на Володьку и спрашиваю:

— А как фамилия твоего отца?

Володька смотрит на меня непонимающими глазами.

— Пресняков, — говорит он, и в голосе его звучит уверенность. — Капитан Пресняков. Ведь у отца с сыном всегда одна фамилия.

«ПОДКИДЫШ»

Куда пропал этот старый трамвай? Все его товарищи давно вернулись в трамвайный парк и преспокойно спят. Они зажмурили фонари. Включили тормоза. Не ворочаются. Не звенят во сне. А этот...

Где он сейчас? Для него не существует порядка, и расписание его тоже не касается. Какой-то «дикий трамвай»! Очень похож на своего вагоновожатого. Оба старика стоят друг друга.

Третьего дня ночью в степи поднялся буран. Он засыпал рельсы, и старому трамваю так и не удалось пробиться в город. Ночевал в степи. Его всего завалило снегом. Утром с трудом откопали. Вагоновожатый чуть не замерз. А сегодня их снова нет.

Два часа ночи, а их нет. Пропали без вести. Позавчерашний буран ничему их не научил.

Так рассуждал диспетчер трамвайного парка, поглядывая на часы и прислушиваясь, не возвращается ли на ночлег самый беспокойный жилец трамвайного парка.

А трамвай тревожно бьет в свой маленький медный набат. Гудит ветер. Огромным чертовым колесом, не разбирая дороги, катится метель.

Трамвай идет по степи. Кажется, он обиделся на город, взбунтовался и пошел куда глаза глядят. Вокруг ни домов, ни перекрестков, ни улиц, ни площадей. Только сугробы. Рельсов не видно. Их закидало снегом. Провода растаяли во тьме. Так и получается: пошел без рельсов и проводов.

Действительно, дикий трамвай. С головы до ног завален снегом. Крыша, подножки, окна — все в белых клочьях. При свете редких фонарей он похож на старуху с седыми взлохмаченными космами. А в голове торчит большая шпилька.

Хлопья снега совсем закрыли переднее стекло. Оно стало молочным, и сквозь него видны только силуэты покачивающихся на ветру фонарей. Но вагоновожатый не замечает ни молочного стекла, ни фонарей. И хотя он прямо сидит на своей круглой вращающейся табуретке и держит левую руку на рукоятке контроллера, глаза его закрыты.

Сперва водителю казалось, что снежинки залепляют не стекло, а его глаза, и он долго тер глаза квадратной рукавицей и моргал, чтобы задержать снежинки и чтобы глаза были открытыми. Но они, помимо его воли, становились все уже и уже и, наконец, превратились в две щелочки. Старый вагоновожатый уронил голову на плечо и уснул.

Трамвай почувствовал, что никто его не поторапливает на подъеме и никто не придерживает его бег на поворотах. Он насторожился.

Трамвай никогда в жизни не видел, чтобы его вагоновожатый спал на ходу, и решил немедленно растолкать его, но в последнюю минуту пожалел. Пусть поспит. Пусть отдохнет немного.

И трамвай покатил самостоятельно.

Может быть, получив полную свободу, он махнул из города в степь? Нет. Два рельса, скрытые снегом, соединяют окраину большого города с двухэтажным рабочим поселком, который еще до войны вырос в степи. Много лет трамвай, как челнок, снует по степи. Взад-вперед. От заставы к Соцгородку.

От одной конечной остановки до другой конечной остановки. С утра до поздней ночи он в пути, словно внутри у него не обычный мотор, а вечный двигатель.

Люди называют его ласковым словом «подкидыш», потому что он их подкидывает куда надо. А в трамвайном парке его величают «степным вагоном». Он и действительно не похож на щеголеватые городские трамваи с мягким, бесшумным ходом и самооткрывающимися дверями. Старый вагон весь дребезжит и трясется. В таком виде его даже неудобно пускать в город. Ну и не надо! Что хорошего в городе? На каждом шагу светофоры: только и успевай следить, каким глазом тебе подмигнули — красным или зеленым. В городе больше стоишь, чем едешь. То ли дело степь!

Дон... Дон... Дон...

Для чего трамвай бьет в набат? В такой поздний час в степи никто не перебежит ему дорогу, а шальное колесо метели все равно не откатится в сторону и не перестанет кувыркаться перед носом. Метель не слышит сигнала — она глухонемая.

Когда трамвай звонит, педаль легонько толкает большой стоптанный валенок спящего вагоновожатого. А когда прибавляет ходу — ручка контроллера бережно передвигает руку в квадратной рукавице. И кажется, трамвай управляет вагоновожатым.

Трамвай идет не спеша. Он развез всех пассажиров и теперь возвращается домой.

Трамвай железный, но за многие годы службы и дружбы вагоновожатый поделился с ним своей любовью к людям и своим пониманием жизни. И трамвайное железо потеплело.

Сейчас в трамвае нет пассажиров. Минут десять назад они сошли на конечной остановке — в Соцгородке. Их было трое: мужчина средних лет, девушка и старая женщина.

Всю дорогу мужчина проспал. Трамвай покачивал спящего жоатого, а заодно убаюкал и пассажира. Внушительный пассажирский нос, торчащий из-за поднятого воротника, стал

медленно опускаться. Он опускался до тех пор, пока подбородок не уперся в грудь. Мужчина ехал из гостей. Его большое расслабленное тело охотно подчинялось благоприятным обстоятельствам судьбы. Трамваю не пришлось долго раскачиваться, а колесам не пришлось долго петь свою колыбельную песню.

Напротив мужчины сидела девушка. Она бодрствовала и беспокойно поглядывала по сторонам: боялась проехать свою остановку. Она была приезжей и поэтому не знала, что на ее остановке кончались рельсы. Рядом с девушкой стоял большой коричневый чемодан. Он стоял послушно, как пес у ноги хозяина. Но девушка почему-то придерживала его рукой, словно боялась, что чемодан убежит. В другой руке она держала розовый билетик. Она держала его так бережно, как будто это был не трамвайный, а лотерейный билет и на него пал выигрыш.

На крайнем месте, около двери, ехала старая женщина в большом темном платке. Она не замечала ни пассажира, ехавшего из гостей, ни приезжей девушки с розовым билетиком в руке. Она была занята своими трудными, тревожными мыслями. Рот ее был крепко сжат, а у переносицы запали две глубокие складки. Белая прядь волос выбилась из-под платка.

Когда трамвай с трудом докатил до Соцгородка, пассажиры повставали с мест. Первой вышла старая женщина. Она глазами поблагодарила трамвай и ушла. Она очень спешила.

Потом с подножки соскочила девушка с чемоданом.

— Спасибо! — крикнула она вагоновожатому и, не дождавшись ответа, пожала плечами.

Последним из вагона выбрался засидевшийся гость. Видимо, засиживаться было в его характере, потому что трамвай он тоже покинул очень нехотя. Пробуждение он воспринял как новый сон и теперь шел покачиваясь, с закрытыми глазами, как лунатик.

Трамвай знал, что ему делать. Он легонько ударил в медный звонок, который был спрятан где-то под полом, и, сделав круг, покатиł обратно.

И вот теперь трамвай ползет по степи. Снег залепляет его фонари. И они превращаются в щелочки. Трамвай не видит рельсов. Зато колеса на ощупь находят под снегом свои стальные тропинки. Двоим спать нельзя. Кто-то один должен бодрствовать, кто-то должен нести трудную трамвайную службу.

Позвонить на всякий случай? А может быть, сигнал разбудит вагоновожатого. Нет, трамвайные звуки не нарушат его сна. Так под грохот пушек спят артиллеристы.

Трамвай дикий, и вагоновожатый тоже дикий. Когда вы, два беспокойных старика, наконец уйдете на пенсию?..

Так думал диспетчер, уронив голову на стол, уставленный телефонами. Ему хотелось спать, но мысль о том, что в трамвайном парке во время его дежурства не хватает одного трамвая, нарушала его покой и не давала уснуть. И от этого диспетчер еще больше сердился на дерзкого «подкидыша».

А «подкидыш» в это время полз по степи. Да, он мог бы давно уже быть дома. Мог бы, как и прочие трамваи, зажмурить огни и до утра включить тормоза. Но тогда бы три пассажира, которых он на свой страх и риск отвез в Соцгородок, ночевали бы вне дома. Особенно его тревожила старая женщина в большом шерстяном платке.

Когда до этого трамвай прибыл из последнего рейса на конечную остановку «Застава», все трое стояли на кольце и ждали его. Он хотел было проскочить мимо, но потом подумал, что вагоновожатый наверняка бы велел ему остановиться.

И хотя колеса взяли хороший разгон, трамвай изо всех сил сжал их колодками, и они замерли на месте.

Все трое подошли к трамваю.

— Я с поезда, — заговорила девушка. — Понимаете, я не виновата, что поезд приходит так поздно.

Когда она говорила, то поднимала с земли большой коричневый чемодан, будто выставляла его свидетелем того, что она с поезда.

Приезжая девушка удивительно напомнила трамваю мойщицу трампарка Маришу. Это он у вагоновожатого научился всех пассажиров сравнивать со своими знакомыми. У того это здорово получалось.

Девушка, похожая на Маришу, говорила долго. А трамвай молча слушал ее. Потом она выговорила и поставила кожного свидетеля на снег. Тогда заговорил мужчина с поднятым воротником. Он был похож на бухгалтера Латунного. Трамвай сразу обратил на это внимание. Пассажир, когда говорил, как Латунный, размахивал руками.

— И что тебе стоит подвезти нас? Раз, два — и в дамках!

Трамвай рассудил так: загулявший «Латунный» мог заночевать в гостях, а «Мариша», прибывшая в город с ночным поездом, вполне могла провести ночь на вокзале. Она молодая. Ради этих двух не стоило ему выбиваться из сил.

Трамвай ждал, что скажет старая женщина. А она ни о чем не просила. Стояла молча, чуть отступив назад.

Трамваю очень захотелось, чтобы она заговорила. Старая женщина напомнила ему одну из многих матерей, каких он с вагоновожатым немало перевозили на своем веку и к которым относились особенно сердечно. В строгом лице, в грустных глубоких глазах было что-то материнское, жертвенное. Этой женщине наверняка больше, чем всем остальным, нужен был сейчас старенький трамвай, по имени «подкидыш». И только скромная гордость не позволяла ей обратиться с просьбой к усталому трамваю. Она чувствовала, что трамваю

за день здорово досталось, и ей было неловко за тех, кто так настойчиво просил его об одолжении.

И трамвай понял это. Если женщина скажет хоть одно слово, надо будет ехать. Ехать в любой конец света, куда только доходят два стальных рельса.

А старая женщина молчала.

И вдруг она повернулась и пошла. Она пошла в сторону Соцгородка по тропинке, идущей рядом с трамвайными путями. Она удалялась в степь, где ревел ветер и сплошная тьма окутывала мир.

Трамвай ударил в колокол. Он звал уходящую женщину. Но она то ли не услышала его голоса, то ли не пожелала оглянуться.

Фигурка ее быстро удалялась. Вот ее уже не стало видно, словно метель укатила ее на своем бесшабашном чертовом колесе.

«Что делать? Разбудить вагоновожатого!» — подумал трамвай.

Но, взглянув на своего усталого, спящего друга, не стал этого делать. Он решил поступить так, как наверняка поступил бы вагоновожатый.

Он сошел с рельсов. Но не с тех, которые надежно лежали у него под колесами. Он сошел с рельсов, которые звали его в теплый трамвайный парк, в то время как старая женщина удалялась в степь.

Старый трамвай рванулся, высек сиреневую искру и, повернувшись спиной к городу, побежал в степь.

— Что вы надумали? Или за день не набегались? Или вы думаете, что диспетчер вас по головке погладит за новый самовольный рейс? Разве расписание вас не касается?.. Вот уйду от вас — будете знать! Вас двое, а пассажиров много. Пассажиры найдутся даже глухой ночью. Всех не перевезешь. Поворачивайте обратно!..

Так говорила кондукторша Варвара, недовольно выпятив

нижнюю губу. Но вожатый не слышал ее слов, потому что он спал. А трамвай не обратил внимания на ее слова.

Напрасно кондукторша Варвара просила трамвай не ехать в степь, требовала, даже кричала. Трамвай не изменил своего решения. А старый вагоновожатый спал.

Тогда Варвара подошла к ночным пассажирам, которые уже сидели на лавках, и ледяным голосом сказала:

— Получайте билеты!

Она оторвала от билетной катушки один розовый билетик, который торчал, как язык. Но на его месте тотчас же вырос новый розовый язык. Варвара безжалостно оторвала и его. Билетная катушка, не унывая, в третий раз показала ей язык. Варвара пухлой рукой защелкнула свою кондукторскую сумку и вышла на заднюю площадку.

— Можешь ехать на все четыре стороны, — сказала она трамваю, — а я остаюсь. Прощай, дикий трамвай! Завтра же попрошусь на другой. На приличный, который ездит только по городу.

И Варвара, сердито сверкнув глазами, на ходу соскочила с подножки.

А «подкидыш» ускорял шаг. Он и так потерял много времени.

Старую женщину трамвай нагнал в степи. Он так спешил, что чуть не проскочил мимо: когда фонари забиты снегом, то плохо видно. Заметив фигуру женщины в платке, побелевшем от снега, он нажал на тормоза, и его подножка площадки гостеприимно замерла рядом с ночной путницей.

Старая женщина тоже остановилась и спокойными глазами посмотрела на «подкидыша». Она не удивилась и не обрадовалась, будто ей было безразлично, шагать ли семь километров по темной, завьюженной степи или ехать в вагоне.

Подножка была высокая, и старая женщина с трудом поднялась на площадку. Она перевела дух, провела ладонью по усталому лицу и сказала:

— Спасибо!

Это было ее первое слово. Трамвай услышал ее голос и обрадовался, как будто ему сейчас недоставало именно этого слова, чтобы пробиться сквозь снег и тьму. И еще он почувствовал, что ему не стыдно будет перед своим другом.

А вагоновожатый спал.

Сейчас вагон едет обратно. Один, без пассажиров, без кондукторши Варвары. Иногда он бьет в колокол, и тогда педаль тихонько толкает большой стоптанный валенок спящего вагоновожатого. Иногда он поет. Вы слышали, как поют трамваи? На поворотах у них песня одна, на прямой дороге — другая. Это поют колеса, а подпевают им рельсы, длинные, как струны.

Вот уже проехали второй пост. Хорошо, когда все вокруг колыхается, движется, бушует, а под колесами прочные рельсы.

«Крепись, старина, — сам себе поет трамвай, — сегодня у тебя день самостоятельности: вагоновожатый спит, а Варвара ушла. Ну и что из этого? Обойдусь без Варвары. Стану трамваем без кондуктора. Теперь все передовые трамваи работают без кондуктора. Правда, трамваев без вагоновожатого пока нет».

Трамвай пел. Он был очень доволен, что выручил своего друга.

Они всегда приходят на помощь друг другу, и, если одному из них трудно, другой говорит:

— Давай подсоблю.

И, может быть, трамвай бежит потому, что бьется сердце вагоновожатого, а вагоновожатый ходит по земле потому, что вертятся колеса трамвая. А что будет, если разлучить их?

Трамвай замедлил ход, и его слабые огни стали внимательно всматриваться в степь, раздвигая белые кружевные зана-

веси метели. Где это было? Здесь или немного подальше? Зашипели тормоза: кажется, здесь...

Да, да, много лет назад фашистский самолет нагнал его в степи именно здесь. А трамвай был переполнен пассажирами. Он вез людей в город: кого на работу, кого на войну... Вообще-то ни в каких правилах не сказано, что мирный трамвай должен принимать бой. У него нет ни пушки, ни пулемета. Скорее всего, трамвай должен остановиться и высадить пассажиров. А может быть, сойти с рельсов и бежать без оглядки.

Трамвай растерялся. И тут он почувствовал твердую руку вагонновожатого.

«Бежать? Этого еще неоставало!»

«Но что мы можем еще сделать?»

«Будем воевать! Только слушайся меня! Не хнычь и четко выполняй все приказы!»

Вагонновожатый ударил по педали, и трамвайный звонок зазвучал, как сигнал боевой тревоги.

Вагонновожатый пришпорил трамвай — повернул рычаг контроллера. И маленький «подкидыш» — он был тогда молодым — прибавил ходу. Он мчался так, как будто у него за спиной выросли крылья.

Неужели трамвай уйдет от самолета?

Фашистский самолет опускался все ниже, чтобы было удобнее целиться и стрелять. Его тень уже скользнула по рельсам. Что ты делаешь, трамвай? Сейчас от тебя ничего не останется!

Но теперь трамвай знал, что ему делать. Рука вожатого резко нажала на тормоз. Пассажиры попадали друг на друга, а трамвай неожиданно помчался... назад.

Фашистский самолет проскочил мимо. Он не смог так резко затормозить. Его пули беспорядочно затанцевали по шпалам далеко впереди трамвая.

Но поединок не кончился. Неудача только подогрела фашиста. И он, сделав круг, пошел на второй заход. Для верности он опустил еще ниже. Теперь пассажиры видели кресты на

его крыльях и дуло пулемета, которое торчало впереди, как железный клюв. Самолет мчался в атаку, а трамвай стоял на месте как вкопанный.

Нужно признаться, что трамвай трясло от страха.

«Что же мы не едем? Сейчас фашист...»

«Стой и не шевелись! Ясно?»

Трамвай не понимал замысла вагоновожатого. Но он доверился ему. А пассажиры доверились трамваю.

Нужно обладать большим хладнокровием, чтобы устоять на месте, когда на тебя надвигается смерть. Трамвай до боли сжал тормоза. А пассажиры затаили дыхание. Фашистский самолет с ревом пронесся мимо. Он снова ошибся.

Самолет метался по всему маршруту от заставы до Соцгородка. Он разворачивался над трамвайным кольцом, на конечных остановках. Казалось, что в небе у него появились невидимые рельсы, такие же, как у «подкидыша» на земле.

Когда фашистский самолет снова лег на боевой курс, трамвай спросил у жоатого:

«Убегаем?»

«Бежим навстречу, и как можно быстрее!»

И трамвай на полной скорости кинулся навстречу атакующему фашистскому самолету. Этого фашист уж никак не ожидал. Он совсем прижался к земле, словно хотел раздавить дерзкий трамвай своим желтым брюхом. Ударил пулемет. Огоньки трассирующих пуль, обгоняя друг друга, устремились к трамваю. Три пули попали в заднюю площадку. Кто-то из пассажиров упал.

И вдруг позади «подкидыша» раздался оглушительный взрыв. Это фашистский самолет не рассчитал высоты и врезался в землю.

Вагоновожатый вытер пот со лба. Трамвай прибавил ходу. И они заторопились в город, чтобы скорей доставить раненого пассажира в госпиталь.

Осенью в пробоины тек дождь. И пассажиры уходили с зад-

ней площадки, словно боялись, что здесь могут просвистеть пули. Потом вагоновожатый залатал крышу своего вагона. Но люди еще долго помнили о поединке «подкидыша» с фашистским штурмовиком. И вагоновожатый гордился своим трамваем, который в трудную минуту не сошел со своих главных рельсов.

Нет, этот дикий трамвай снова пропал без вести. Через несколько часов в трамвайном парке будет побудка и веселые трамвайные гонги затрезвонят, как звонки будильников, а «подкидыша» все нет. Он еще не ложился.

Диспетчеру не спалось. Он отругал Варвару, которая бросила своих товарищей ночью в степи, и теперь все еще не мог прийти в себя. Он ходил по комнате и все прислушивался, прислушивался...

А трамвай шел по степи. Снегу нанесло столько, что особенно не разбежишься. Жалко давить колесами тоненькие резные снежинки, а когда на рельсах целые заносы — то смело вперед!

Около заставы вагон как следует потряхнул своего друга, и тот проснулся. Город — не степь, здесь вожатый должен быть на посту.

Вагоновожатый открыл глаза, встряхнул головой. Ему показалось, что он только на минутку смежил веки. Большой квадратной рукавицей он потер глаза.

Вожатый невысокого роста, в черной шинели с длинными рукавами. Лицо у него круглое, и поэтому тесемочки ушанки еле сходятся под подбородком. Ушанка надвинута на глаза, и не видно, есть под ней брови или нет. И неизвестно, что скрыто под шапкой: редкие седые волосы или щетинистый бобр. Видны только чуть приплюснутый нос, потрескавшиеся губы и широко раскрытые воспаленные глаза.

Вожатый ударяет по педали — раздается звонок. Передвигает рукоятку контроллера — вагон ускоряет шаг. Трамвай чувствует сильную теплую руку, и ему становится легче.

Трамвайный парк спал, и «подкидыш» въехал в ворота тихо, как на цыпочках, чтобы не потревожить спящих товарищей.

Навстречу полуночнику вышел диспетчер.

— Опять вез? — спросил он вагоновожатого, и в голосе его звучал мягкий упрек.

— Никого не вез! — уверенно отозвался старик.

— Но-но-но! — сказал диспетчер с лукавой ноткой в голосе. — Мне Варвара все рассказала. Из-за трех пассажиров трамвай гонял.

И тут вагоновожатый что-то понял. Он улыбнулся. Диспетчер не разглядел улыбки на его старом, усталом лице. Зато трамвай сразу заметил ее.

Трамвай облегченно вздохнул, зажмурил все свои огни, включил тормоза и спокойно уснул.

ПОЛОСАТАЯ ПАЛКА

Ему все сходило с рук. Разбитые стекла, вывинченные лампочки, сорванные уроки, драки. К его матери вечно приходили учителя и милиционеры, родители обиженных ребят и возмущенные общественники. Мать молча выслушивала их и виновато опускала глаза. Можно было подумать, что она была участницей его проделок. А он стоял в стороне, словно его это не касалось.

— Что вы думаете с ним делать? — спрашивали у матери.

Она пожимала плечами. Потом дрогнувшим голосом говорила, что он отбилсЯ от рук, что она не в силах с ним совладать. И начинала тихо плакать. Он привык к этим сценам, заранее зная, чем они кончатся, и переносил их, как горькое, но необходимое лекарство. Когда к нему очень приставали, он давал обещание исправиться. Лишь бы отвязались.

В школе ему грозили исключением, в милиции — колонией. Но угрозы не пугали его: он хорошо знал им цену.

— Нет такого закона, чтобы человека выгоняли на улицу. Всеобуч! Обязательное восьмилетнее образование! — не моргнув глазом, отвечал он учителям.

— В колонию берут преступников. А я не преступник. Я разболтанный, — объяснял он в милиции.

И действительно, ни в какую колонию его не отправляли и в школе продолжали держать. Он удивительно точно нащупывал слабые места взрослых и пользовался этим с большой выгодой для себя.

В какой-то книге он прочел, что лучшая оборона — наступление. Эти слова пришлись ему по вкусу, стали его девизом. И будь у него герб, он написал бы на нем свой девиз золотыми буквами.

Когда дворник застал его за вывинчиванием пробок на лестнице и огрел пониже спины метлой, он не бросился бежать, а ринулся в наступление.

— У нас нет телесных наказаний! — крикнул он дворнику. — У нас за это — в тюрьму!

Дворник нерешительно опустил метлу, выкатил глаза, сплюнул и пошел прочь от греха подальше. А он стоял на месте и провожал дворника насмешливым взглядом.

Таким был этот Мишка из девятой квартиры.

Обычно он расхаживал по двору, засунув руки в карманы. Руки были сжаты в кулаки, и брюки топорщились, как будто в карманах у него лежало по камню или по яблоку. На этот раз он появился во дворе с палкой. Большая гладкая палка была раскрашена поочередно в белый и черный цвета. Она была похожа и на милицкий жезл, и на шлагбаум, и на шкуру зебры. И это приводило Мишку в восторг. Сперва он прошелся палкой по деревянному штакетнику сквера — и по всему двору рассыпался сухой треск. Потом поддал, как хоккейную шайбу, банку из-под килек — и она с жалобным звоном покатилась в подворотню. Потом он огрел зазевавшегося малыша, и гот разразился ревом. А Мишка шел дальше, помахивая палкой, как булавой.

На пути ему попалась старуха с внучкой. Не надо было останавливаться и вступать с ней в разговор. Тогда было бы все в порядке. Но Мишку подвело любопытство.

— У вас дома кто-нибудь ослеп? — спросила старуха, прикрывая собой внучку от свистящей в воздухе палки.

— Никто и не думал слепнуть! — пробурчал Мишка и стукнул себя палкой по ботинку. Но он уже попался на этот вопрос, как на крючок, и спросил: — При чем здесь слепые?

— С такими палками только слепые ходят.

— Ну да, слепые! — выпалил Мишка и хотел уйти прочь, но цепкий крючок не пустил его.

Напрасно он выпаливал слово за словом:

— Мне нравится, я и хожу! Кто мне запретит?

В глубине души его подмывало выяснить, при чем здесь слепые. И старуха, хотя ее никто об этом не просил, стала объяснять:

— Если человек видит на оба глаза, он с такой палкой не пойдет. Это слепой нащупывает палкой дорогу. Она для него как глаза. А черные и белые полосы для того, чтобы шоферы и вагоновожатые знали, что улицу переходит слепой.

Внучка закапризничала и стала тянуть бабушку. Она тянула ее, как маленький буксир тянет большую баржу. И бабушка поплыла за внучкой.

Старуха ушла, но ее слова не оставляли Мишку в покое. Как крючья, они вцепились в его мысли и тащили на шумный городской перекресток, где полчаса тому назад в шагающем потоке людей он увидел неподвижную фигуру человека. Человек стоял на углу, на пути потока, и смотрел в небо. Его острый подбородок был поднят, а козырек выгоревшей кепки целился в облака. Тонкая дужка очков зацепилась за желтоватое ухо. Человек что-то разглядывал в небе. Он мог бы отойти в сторонку, чтобы не мешать людям переходить улицу, но, видимо, боялся упустить что-то в небе. Мишка тут же заинтересовался небом. Он задрал голову и стал шарить глазами по облакам. Но, не обнаружив ничего интересного, опустил голову и увидел в руке человека необычную полосатую палку.

Мишка сразу забыл о небе. Палка манила его, звала, притягивала, дразнила своими резкими цветами. Он нетерпеливо повел плечами, а рука его сама по себе стала тянуться к черным и белым полосам. Вот она коснулась палки. Вцепилась в нее... Заевавший прохожий не успел сообразить, что про-

изошло, а Мишка уже мчался по улице, прижимая к себе полосатую палку.

Незнакомец не закричал, не кинулся вдогонку. Напротив, когда Мишка на бегу оглянулся, он увидел, что тот по-прежнему смотрит в небо, словно не заметил пропажи...

Человек был слепым! Об этом Мишка догадался только после слов старухи, а тогда он сам себе говорил: «Ничего страшного. Купит себе другую палку. Не будет в другой раз глазеть в небо и мешать людям переходить улицу!»

Палка, похожая и на милицкий жезл, и на шлагбаум, и на шкуру зебры, сейчас стала для Мишки обузой. Своими жирными черными полосами она перечеркнула все хорошее настроение. Мишка решил немедленно избавиться от палки. Пусть она не напоминает о случае на перекрестке. Надо забросить ее на соседний двор или спрятать под лестницей. Его изобретательный ум стал прикидывать, как избавиться от палки.

А если слепой все еще стоит на краю тротуара, подняв незрячие глаза к небу, и не может сделать шагу без своей полосатой палки?

Нет, он не забросил палку и не спрятал ее под лестницу. Он досадливо скривил нос и поплелся к воротам. Ему не хотелось возвращаться к перекрестку. И он ни за что бы не пошел, если бы его посылали. Но его никто не посылал, он сам себе велел вернуться на перекресток и отдать палку хозяину. Палка мешала ему. Она как бы сообщала всем встречным, что вырвана из рук слепого. Мишка попробовал засунуть ее в рукав. Но рукав был мал и узок для такой палки.

Чем ближе он подходил к перекрестку, тем противней становилось на душе. Если бы палку вырвал не он, а другой, можно было бы крепко всыпать тому. А самому себе не всыплешь. Несколько раз он порывался повернуть обратно. Он уговаривал себя не ходить, требовал, угрожал. Окончательно рассорился сам с собой. Но перед ним возникал человек, который

в ожидании стоит на углу и незрячими глазами смотрит в небо и не может сдвинуться с места.

На перекрестке слепого не оказалось. Он каким-то образом ушел без палки. Наверное, пионеры перевели его на другую сторону. Мишка остановился на том месте, где стоял слепой, и стал думать, что делать дальше. Он мешал потоку, и спешащие люди толкали его, задевали плечами. А может быть, прохожие принимают его за слепого и сейчас кто-нибудь вызовется перевести его на другую сторону? Он не стал дожидаться и перебежал дорогу сам. Под носом у машин. Он уже не размахивал палкой, а волочил ее за собой, словно она была неповоротливой и тяжелой.

Вспыхивали и гасли огни светофора. Люди спешили перебраться на нужную сторону. Это были счастливые люди: руки у них заняты сумками, портфелями, зонтами. Никто не держал полосатую палку. Мишка сердито поглядывал на людей и шел по перекрестку, от угла к углу, в надежде найти слепого. Но вокруг были только зрячие люди.

Женщина, переходившая рядом с Мишкой дорогу, торопливо делилась со своей спутницей новостями:

- Здесь, на перекрестке, только что человека задавили.
- Насмерть?
- Кто его знает.

Мишка похолодел. Он почувствовал, что у него слабеют руки и ноги. Это наверняка был его слепой. Если бы он шел с палкой, водители знали бы, что он слепой, и не рассчитывали на то, что человек видит. Он продолжал идти за женщинами. Ему хотелось спросить, был ли человек, попавший под машину, слепым. Но у него не хватало мужества подойти к ним.

Надо попытаться найти слепого. Может быть, это не он попал под машину. Если он жив, то наверняка блуждает по городу, беспомощно выставив вперед руки. Без полосатой палки он ни за что не найдет дорогу домой. Ведь палка — его глаза, его проводник, его неизменный друг.

Мишка шмыгал по улицам, заглядывал в лица прохожих. Он искал поднятый подбородок, козырек кепки, нацеленный в облака, серебристую дужку за желтоватым ухом. Палка оттягивала Мишке руку. Она не знала, что попала к зрячему человеку, и по привычке стучала о камень железным наконечником, подавала сигналы: шагай смелей, шагай смелей...

Один раз ему попался слепой человек, но это был *не его* слепой. У этого никто не вырывал палку, и она, как маятник, ритмично постукивала по тротуару: шагай смелей... Увидев слепого, Мишка покраснел. Словно слепой все знал о нем и осуждающе смотрел сквозь темные очки. Мишка спрятал похищенную палку за спину и, прижимаясь к стене, проскользнул мимо. Но тут же подумал, что какой-нибудь пацан вроде него может вырвать палку и у этого слепого. И он решил охранять его.

Мишка проводил слепого до дому и снова остался один на один с тяжелой полосатой палкой. Эта палка мешала ему жить. Если бы можно было разбежаться и перебросить ее через крыши домов, чтобы она улетела в другой город или, лучше, в другую страну. Но палка словно приросла к его руке.

Нет, полосатые палки выдают не слепым, а преступникам, чтобы весь город знал, что это идет преступник, а не просто разболтанный двоечник. Безжалостный буравчик сверлил его сознание, заставлял думать о человеке, для которого на земле всегда ночь и не помогают ни фонари, ни звезды... А Мишка видит все. И дома, которые, как в реке, отражаются в мокром асфальте. И бабочку, которая по ошибке залетела в город. И листья, и облака. И солнце бьет ему в глаза. Но какая от этого радость, если из-за тебя погиб человек?

Раз его нигде нет, значит, это он попал под машину. А может быть, он бредет по какому-нибудь далекому кривому переулку, заблудился и ждет, когда Мишка вернет ему полосатую палку?

Еще есть надежда, и надо спешить. Надо спешить.

ПОСЛЕДНИЙ ФЕЙЕРВЕРК

Послушайте, мальчики! Знаете ли вы, что я был знаком с самим Джузеппе Роджеро? Это был знаменитый мастер. Огненный композитор. Он исполнял свои произведения не на скрипке и не на тромбоне. Его музыка рассыпалась в небе разноцветными огнями...

Мальчишки с открытыми ртами сидели на пороге старого бастиона и слушали рассказ дяди Евгения. А он, худой, костистый, с двумя большими морщинами на впалых щеках, с редкими пепельными волосами, широко разводил руки, словно открывал перед маленькими слушателями всю свою жизнь.

— Джузеппе Роджеро был молод и красив. Его вороненые кудри развевались на ветру, а большие черные глаза горели неиссякаемым восторгом... Я был его учеником.

При слове «ученик» мальчики сразу представили себе дядю Евгения за школьной партой, а красавца Джузеппе Роджеро на месте учителя. Дети никогда не видели взрослых молодыми. Им трудно представить себе дядю Евгения мальчиком, и поэтому в воображении ребят дядя Евгений сидел за партой в своих стиранных-перестиранных полотняных брюках, в белой рубашке с неизменным галстуком-«бабочкой» на худой шее. А учитель Роджеро с развевающимися кудрями звал дядю Евгения к доске и велел ему взять мел и писать.

Старый бастион стоит на обрыве над самым морем. Когда разыгрывается шторм, море с грохотом идет на приступ ка-

менной башни. Волны лезут по скалам, но обрываются и падают вниз, разбиваясь о камни. Бастион неприступен. Когда-то здесь стояла крепость. Неизвестно, отчего больше пострадало это славное боевое сооружение — от турецких ядер или от времени. Над пористым потемневшим камнем выросла акация. Ее легкая, призрачная листва еще больше оттеняет тяжесть и угловатость бастиона.

В бастионе стоит пушечный дух. Но не потому, что в нем ухают старинные орудия, которые заряжают с дула и подпаливают смоляным факелом. Этот дух поддерживает «адская кухня» — пиротехническая мастерская дяди Евгения. «Адской кухней» дядя Евгений называет ее, когда у него плохое настроение. При хорошем же расположении духа пиротехник зовет свой бастион «мастерской праздника». Мальчишки не помнят, когда появилась эта необычная мастерская. Вероятно, дядя Евгений облюбывал башню бывшей крепости задолго до их появления на свет.

Дядя Евгений очень худ. Кости проступают на скулах, на подбородке, на острых плечах и на лодыжках ног. Кажется, он сделан из того же материала, что и бастион. Ежедневно он снимает с двери висячий замок, похожий на большой каблук, и входит под своды своей таинственной мастерской. Сюда не ступала нога ни одного мальчишки. Невысокий стертый порожек преграждал им путь, как строгая граница. И плохо приходилось тому, кто вопреки запрету дяди Евгения осмеливался нарушить эту границу.

Зато смотреть можно сколько угодно. Смотреть, спрашивать, интересоваться содержимым банок, выпытывать секреты составления огненных смесей — это может каждый. И поэтому любой мальчишка из соседнего детского дома в курсе дела, из чего делают римские свечи и бенгальские огни. И каждый на зубок знает всю огненную палитру дяди Евгения: красный цвет — соли стронция, зеленый — соли бария, синий — углекислая медь.

— Вот подрастете, — говорит дядя Евгений своим друзьям, — я научу вас искусству пиротехники.

Мальчишки клялись посвятить свою жизнь этому удивительному ремеслу. Но когда подрастали, их почему-то переставали интересовать бенгальские огни, и они находили интерес в других профессиях. Дядя Евгений оставался без учеников и последователей. Зато в друзьях у него никогда не было недостатка.

К дяде Евгению ребят привлекала не только его таинственная «адская кухня», от которой постоянно исходил жутковатый дух селитры — родной сестры пороха. Вся жизнь дяди Евгения была неиссякаемым источником самых необычных историй. И хотя мальчишки знали все истории старого пиротехника так же хорошо, как состав динамической смеси, приводящей в движение огненные фигуры, они снова и снова приставали к своему седому другу:

— Дядя Евгений, расскажи, как ты повернул танк.

И дядя Евгений охотно исполнял просьбу своих маленьких друзей.

— Послушайте, мальчишки!

Дядя Евгений переставал месить серебристое тесто, из которого делают бенгальские огни, и обводил царственным взглядом мальчишек, которые жались к запретному порогу.

— Знаете ли вы, что, когда немцы подходили к городу, у нас не хватало противотанковых пушек?

Мальчишки дружно кивали головами, будто жили в то время и своими глазами видели, что противотанковых пушек не хватало.

— Тогда я взял на себя один рубеж. Вы можете мне не верить...

Дядя Евгений делал паузу, словно хотел прочесть в глазах своих слушателей: верят они ему или не верят? И глаза отвечали: верим!

Тогда он продолжал:

— Вы можете мне не верить, но я вырыл себе окопчик... Чертовски крепкая у нас земля, сплошной камень... Я вырыл себе окопчик и принес в него весь запас своих римских свечей. Я сел на дно окопа и стал ждать. У меня не было никакого оружия. Даже перочинного ножа. Но со мной было мое искусство. И я надеялся на него, мальчики... Мне было очень неудобно в окопе. И я сложился пополам, как железный метр. Вы можете смеяться, но я сложился пополам. Колени уперлись в подбородок... У меня онемела поясница, и я не мог ее потереть, потому что рука не проходила. И когда пошли танки, я обрадовался. А? Что? Смешно?!

Рассказчик делал паузу. Он испытывал терпение своих слушателей и нагнетал в них любопытство.

— На меня шел танк. А я сидел неподвижно, как кролик, загипнотизированный удавом. Я забыл о пояснице. Я смог бы сложиться вчетверо, только бы танк не лез на меня. И тогда я поджег первую римскую свечу.

Слушатели облегченно вздохнули, словно речь шла не о безобидной римской свече, а о грозном оружии, способном уничтожить танк.

— Я поджег одну римскую свечу, потом вторую, третью. Потом... Вы можете мне не верить, но когда десяток римских свечей, рассыпаясь огненными искрами, загорелся вокруг танка, фашист не выдержал. Он повернул... Если вы мне не верите, то уходите и никогда больше не являйтесь ко мне.

Мальчишки молчали. Они боялись спугнуть вдохновение дяди Жени неловким движением или покашливанием. Он властвовал над их душами. А властелином он был своенравным и капризным.

— Он повернул, мальчики! Он испугался вот этого теста!

Дядя Евгений протягивал к ребятам изделие своей «адской кухни» и вдруг начинал хохотать. Его трясло от смеха. Хотали глаза, морщины на щеках, плечи, а старенький артистический бантик буквально подпрыгивал на его шее от смеха.

Некоторое время мальчишки сидели молча, не зная, что делать. Тогда дядя Евгений переставал смеяться и прикидывался сердитым.

— Что вы не смеетесь? Разве не смешно?

В такие минуты в старом бастионе разыгрывался маленький спектакль. Ребята делали вид, что впервые слушают историю с танком, а дядя Евгений старался изо всех сил, будто рассказывал ее в первый раз.

Потом он неожиданно начинал жаловаться своим друзьям на то, как трудно доставать химикаты, на невнимание со стороны властей на то, что «мастерская праздника» влачит жалкое существование.

— Моя профессия отмирающая, — сокрушенно говорил он. — Хотя пиротехника — младшая сестра ракет и космических кораблей.

И маленькие друзья всем сердцем хотели, чтобы его профессия не отмирала, а жила еще долго-долго.

Дядя Евгений относился к той редкой породе людей, для которых материальные блага не занимают в жизни главного места. Для него ничего не стоило на последние деньги купить по случаю бертолетову соль или алюминиевые опилки. За всю свою жизнь он ничего не нажил, ничем не обзавелся. Все, что у него было, было при нем. И, может быть, его единственной собственностью были старые полотняные штаны, белая рубашка с аккуратно заштопанным воротничком и галстук-«бабочка», который он надевал даже в самую жаркую погоду, как некий рыцарский знак артистов и художников.

В жаркие дни камни бастиона накалялись, а резные листья акации не могли остановить идущие напролом лучи солнца. Внизу, под бастионом, тяжело вздыхало море, словно проделало большой путь и никак не могло отдышаться. Дядя Евгений вешал на двери мастерской тяжелый замок и вместе со своими друзьями отправлялся купаться.

Худой и длиннорукий, он смешно балансировал на отвес-

ной каменистой тропке и был похож на большую старую птицу, которая, прежде чем взлететь, долго машет крыльями.

Очутившись на берегу, он долго расшнуровывал свои ботинки, потом, прыгая на одной ноге, стаскивал полотняные штаны. В последнюю очередь он снимал рубашку и галстук-«бабочку». Дойдя до края берега, он пробовал воду большим пальцем босой ноги и подавал команду:

— Вперед! В воду!

И ребята, как будто подброшенные трамплином, устремились в море.

Сам он входил в воду медленно, с достоинством. А плыл, громко фырча и манерно выбрасывая вперед руки.

В старом бастионе, превращенном дядей Евгением в «мастерскую праздника», шла своя маленькая, ни на что не похожая жизнь. В ней было что-то необычное и притягательное. И мальчишки сходились сюда, как на огонек.

Нормальный ход жизни старого бастиона нарушил вестник, который однажды появился на пороге мастерской.

— Дядя Евгений! Дядя Евгений! Лешка сжег себе руку. Его отвезли в больницу.

Чумазый широколицый паренек, принесший эту весть, стоял перед дядей Евгением и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, пока старый пиротехник перестанет рассматривать его изумленными глазами, в которых накапливалась тревога.

— Как сжег руку? — наконец спросил дядя Евгений.

— Ракетой. Хотел запустить ракету, а она загорелась...

— Какой ракетой? — спросил дядя Евгений и, не дожидаясь ответа, стал собираться.

В этот день он в первый раз не повесил замок на двери мастерской. Он механически поправил бантик на шее, провел рукой по остаткам волос и быстро зашагал в сторону города.

В больницу его пустили не сразу. Он никак не мог растолковать, кем он приходится пострадавшему. По его объяснениям выходило, что он посторонний человек.

— Кто вы, собственно, такой? — допытывалась дежурная сестра.

Человек в полотняных штанах, с бантиком на шее явно не внушал ей доверия.

— Я пиротехник Бурый. Евгений Сергеевич Бурый.

— Пиротехник? — настороженно переспросила сестра. — Это по вашей милости мальчик получил ожог второй степени?

— При чем здесь моя милость? — пробормотал дядя Евгений и опустил голову.

Он сел на скамью и стал ждать. Он был подавлен происшедшим.

«А может быть, я и в самом деле виноват?» — думал дядя Евгений, и эта мысль усугубляла его отчаяние.

В конце концов его все же пустили к больному Лешке. Ему дали белый халат. Халат оказался на толстого человека, а дядя Евгений был худ, и халат повис на нем, как парус на мачте при безветрии. Но пиротехника это мало интересовало. Он даже забыл поправить бантик, который съехал на сторону.

Очутившись в палате, дядя Евгений сел на краешек койки и некоторое время сидел молча. Он разглядывал своего маленького дружка, словно хотел убедиться, не произошла ли ошибка.

— Что же это ты? — спрашивал он Лешку и качал головой.

— Я хотел ракету сделать, чтоб летела метров на сто. Понимаете? — говорил Лешка.

— Ракету? — как бы про себя произносил дядя Евгений. — Что ты в нее заложил?

— Порох и... головки от спичек.

— Зачем же порох? — вспыхивал дядя Евгений и тут же спохватывался и начинал говорить тихо: — Не мог посоветоваться. Я бы тебе... Да что теперь говорить!..

— Я боялся, — сконфуженно бормотал больной.

— Кого ты боялся?

— Вас!

— Эх ты, рыба голова! Пороха не боялся, а меня испугался. Разве я такой страшный, чтобы меня бояться?

— Вы строгий.

— «Строгий»! — передразнивал мальчика старый пиротехник. — А разве в моем деле можно быть не строгим? Мой учитель Джузеппе Роджеро бил меня по рукам... за неосторожность. И я ему благодарен.

Дядя Евгений отворачивался. Он снова уходил в свои тяжелые мысли. Вид у него был такой расстроенный, что у Лешки сжималось сердце. Он никогда не предполагал, что веселый чудаковатый дядя Евгений может так сокрушаться. Мальчик привстал на постели и тянул дядю Евгения за халат.

— А? Что? Смешно? — Дядя Евгений подскакивал, словно его только что разбудили.

— Ничего не смешно, — говорил мальчишка. — А у меня рука почти не болит.

— Болит. Я знаю... У меня в детстве все руки были обожжены. Но-но-но! Это тебя не касается. Ясно?

Теперь уже не он утешал Лешку, а пострадавший говорил ему о том, что ожог ерундовый. Но дядя Евгений качал головой и сутулился. Где-то подспудно он начинал считать себя виноватым. И эта мысль сломила его, сложила, будто железный метр, на части, как тогда, в противотанковом окопчике...

На другой день дядю Евгения вызвали в милицию. К товарищу Шмелеву.

Старый пиротехник долго рассматривал маленькую повестку с лиловым расплывчатым штампом. Он несколько раз перечитал ее, словно хотел проникнуть в тайный смысл этой казенной бумажки. Но никакого иного смысла не было: бумажка просто уведомляла, что гражданину Бурому Е. С. надлежит

явиться такого-то числа в такое-то время к товарищу Шмелеву.

Он пришел в назначенный час. В своих полотняных штанах, которые от стирки так сели, что казалось, владелец вырос из них. В кабинете было двое: сам товарищ Шмелев и инспектор района.

Во время разговора товарищ Шмелев молчал. В разговоре не участвовал. Но своим присутствием как бы скреплял каждое слово лиловым расплывчатым штампом, таким же, как на повестке.

Товарищ Шмелев молчал, а говорил инспектор:

— Государство обеспечило вас хорошей пенсией, а вы тут приработок нашли...

— Приработок? — Дядя Евгений поднялся со стула. — Приработок?!

Его глаза расширились от удивления. Слово «приработок» звучало для него, как иностранное, чужое слово, и он не знал точного его перевода.

Но инспектор не отступал.

— А как же, — говорил он с нажимом. — Что, вы задаром целые дни корпите в своем бастионе?

— Задаром.

Инспектор недоверчиво посмотрел на пиротехника. А товарищ Шмелев отвернулся. Ему, видимо, был неприятен весь этот разговор.

— Задаром. Для души. Вы понимаете, что такое для души?

Инспектор выкатил свои черные блестящие глазки. Они, как два ртутных шарика, скользнули по серым полотняным штанам, по белой рубаше с аккуратно заштопанным воротничком и остановились на галстук-«бабочке». Он не мог решить, кто этот старик: ловкий лжец или чудака, свалившийся с другой планеты. И он сказал:

— Для души стихи пишут.

И тут же, на всякий случай, поправился:

— Раньше писали.

Дядя Евгений пропустил его слова мимо ушей. Он вдруг сказал:

— Вот товарищ Шмелев лет десять назад тоже проводил у меня целые дни. Спросите его. Он все знает.

Инспектор посмотрел на товарища Шмелева такими глазами, как будто сейчас на месте участкового уполномоченного уже сидел совершенно другой человек. Шмелев ерзал на стуле и был красный. Шея, уши, лицо — все залилось яркой краской стыда.

— Да, да, — скороговоркой сказал участковый, — я дядю Евгения... гм... товарища Бурого... знаю. Он бескорыстно действует. Так сказать, в интересах общества... Но, конечно, осторожность в таком деле...

Дядя Евгений не дал ему договорить.

— Мне все понятно, — сказал он и провел рукой по пепельным волосам. — Будем осторожны.

Больше он ничего не сказал. Он поднялся со стула и направился к двери.

Что случилось с мальчиками? Почему они не появляются на пороге старого бастиона? Разве они не понимают, что без них «мастерская праздника» теряет весь свой смысл? Может быть, они после случая с Лешкой перетрусили и так сразу изменили своему другу?

Теперь в ожидании своих маленьких друзей он терялся в догадках. Он не мог допустить, что они изменили ему. Он терпеливо ждал их, а они все не шли.

Спустя неделю на старый бастион забрел Лешка. Его только что отпустили из больницы, и он, пользуясь временной свободой, свернул к дяде Евгению.

Он застал пиротехника одиноко сидящим на пороге бастиона. Мальчик не узнал своего старого друга. Дядя Евгений зарос серебристо-рыжей щетиной. Он весь осунулся,

сгорбился, а глаза глубоко ввалились в глазницы. Гордый рыцарский знак сиротливо валялся на банке из-под бертолевой соли.

Заметив мальчика, дядя Евгений привстал, улыбнулся и сделал несколько неуверенных шагов навстречу.

— Здравствуй, друг!

Он сразу оживился и стал похожим на прежнего дядю Евгения.

— Как твоя рука? Зажила? На вашем брате все заживает. Все!

Лешка молчал. Он все старался понять, что же произошло со старым другом. А тот взял его, Лешку, за плечи, стал трясти, поворачивать в стороны, словно хотел получше рассмотреть. И вдруг он отпустил Лешку и спросил:

— Слушай, а где остальные мальчики?

Лешка запнулся, но потом ответил:

— Их сюда не пускают. Инспектор запретил. Сказал, чтобы на пушечный выстрел не подходили.

Мальчик произнес эти слова скороговоркой: хотел поскорее избавиться от них, как от чего-то очень неприятного.

А дядя Евгений отвернулся и стал смотреть на море.

— Говоришь, на пушечный выстрел? — спросил он, не поворачиваясь.

Да, так распорядился инспектор. Этому казенному человеку и в голову не приходило, что своим распоряжением он нанес удар прямо в сердце старого пиротехника. Он отнял у него главное: его мальчиков, его собеседников, его семью, его душу. Чтобы старое дерево засохло, его не обязательно спилить — достаточно подрубить главный корень...

Лешка сказал:

— Я побегу. А то нагорит... А ракету я все равно запущу. Как только рука заживет. Пусть знают наших!

И он нехотя побрел в сторону детского дома. А дядя Евгений остался у старого бастиона.

...Неожиданно темное южное небо ожило. Его разбудили стремительные огни фейерверка. Зеленые огни рассыпались электрическими искрами, красные разгорались костром, синие трепетали, как фосфорящиеся капли моря. Это начался фантастический звездопад. Разноцветные звезды летели с земли в небо.

Люди выбегали на улицу и, задрав головы, неотрывно следили за игрой ярких живых огней. Никто не понимал, что случилось. Все в городе привыкли, что фейерверк устраивается по праздникам и в честь выдающихся событий. И тут же на улице стали поговаривать, что в космос ушел новый корабль и это в честь него дается внеочередной фейерверк.

Все новые и новые снопы света возникали в небе. Испуганные голуби стаями носились над городом. При свете ракет они были красными, синими, желтыми, как райские птицы.

Небо переливалось огнями, а в это время у старого бастиона кипела работа. Это отсюда стартовали ракеты и римские свечи. Всю площадку заволокло едким дымом. Похоже было, что здесь трудится целая бригада огнепоклонников. Но в дыму виднелась только одна худая проворная фигура. Она металась из конца в конец. И там, где она появлялась, возникала вспышка и звучал оглушительный хлопок. Это был дядя Евгений. Он собрал все запасы «мастерской праздника» и превратил площадку перед бастионом в огневую позицию. От черного дыма его белая рубаха покрылась копотью, а прядь пепельных волос крепко прихватило огнем. Но старик — откуда только взялись силы! — бегал от одной римской свечи к другой. Сейчас он пустил в ход не только все запасы своей «адской кухни», но и неприкосновенный запас молодости, который сумел сохранить до седины.

Нет, это не праздничный салют будил сонное вечернее небо — это кипел прощальный фейерверк!

Этими огнями дядя Евгений звал своих мальчиков, тех, кому настрого было запрещено появляться на пороге старого

бастиона, и тех, кто давно вырос и сам забыл сюда дорогу. Он слал в небо красные, желтые, зеленые ракеты, и они сигнализировали, как таинственные позывные, которые были понятны только тем, кто многие часы провел рядом с дядей Евгением.

«Эй, мальчики, — сигнализировали ракеты, — я ухожу от вас! Прощайте, мальчики! Вы, мальчики, — соль земли, на вас свет сошелся клином. Мальчики всегда есть на земле: потому что на смену одним приходят другие. Я люблю вас, мальчики, мальчики, мальчики!..»

Небо кипело огнями. Но ему все казалось мало. И он стрелял и стрелял... А в глазах стояли слезы. Но это не были слезы обиды. Это были слезы прощания.

Есть жизни, похожие на коптилки: они долго теплятся, дают мало света и наполняют округу дымом и копотью. Но есть жизни-звезды, которые вспыхивают ненадолго, но своим горением делают мир удивительным.

Он жил, как звезда. И звезды фейерверка были его друзьями.

Еще! Еще! Еще!..

Огни уходили ввысь и не возвращались на землю, а падали из глаз в густой темноте южного неба. И сердца знакомых и незнакомых мальчишек летели следом за этими огнями.

...Когда последняя ракета растаяла в вышине, дядя Евгений перевел дыхание и устало опустился на каменный порожек. Он глубоко вдыхал в себя родной едкий запах «адской кухни», словно хотел надышаться им впрок. Потом он поднялся. Осторожно прикрыл дверь «мастерской праздника» и ушел.

Больше его никто не видел, словно он умчался с огнями своего последнего фейерверка. Но отблеск его фейерверков продолжает гореть в памяти людей и не погаснет до тех пор, пока в человеке жив человек.

НЕОТСТУПНЫЙ

Д

воровые сплетницы говорили: «Он ходит за ней как тень».

На то они и сплетницы, чтобы ничего не смыслить и попусту молотить языком. Разве может тень понимать с полуслова, говорить «брось, все обойдется» в горестные минуты и заступаться, если человека обижают! Тень волочится сзади, как хвост, или норовит забежать вперед, или навязчиво шагает рядом. Но стоит солнцу спрятаться за тучу — тени нет, исчезла.

Он не был тенью. Он был неизменным спутником, верным другом, молчаливым рыцарем. Когда он уходил, ей сразу начинало чего-то не хватать: улицы становились уже, солнце светило в полсилы, не хватало травы, листьев. Словно уходя, он забирал с собой свою половину мира. Зато когда они были вместе, все приходило в норму: и улицы, и солнце, и трава.

Они никогда не договаривались о встрече. Но всегда случалось, что они одновременно выходили во двор или же сталкивались на улице. Словно подавали друг другу тайный сигнал. При встрече они не проявляли особой радости, а держались так, словно вообще не расставались.

Его звали, как римского императора, — Клавдий. Но император был здесь ни при чем. Это редкое имя ему дали в честь прадеда, погибшего еще в русско-японскую войну в начале века. Когда прадеда окружили японцы, он поджег по-

роховой погреб и ценой своей жизни убил несколько десятков вражеских солдат...

А ее звали просто Таня.

У них были свои владения: улица и двор. Все остальное уже не принадлежало им и было отделено строгой границей, которую они никогда не решались нарушить. Но им вполне хватало двора и улиц. Они часто выходили из полукруглой арки ворот и попадали в шумный людный город. Здесь они знали каждый дом, каждый сквер, каждую будку с мороженым, будто выучили их наизусть. И все же, как ни знаком был город, они делали все новые открытия. Иногда они натывались на совсем незнакомый дом, иногда попадали в невиданный переулок. В эти минуты они чувствовали себя путешественниками и давали открытиям свои имена. Переулок «Старичок», площадь «Ватрушка», сквер «Лужайка». Так в городе появилось много необычных названий, о которых никто и не подразумевал.

В этот день он долго ждал Таню на улице. Он знал, что рано или поздно она появится. И она появилась. Он увидел ее издали и сразу почувствовал, что случилось что-то неладное. Ее глаза были полны слез, и ей стоило усилий, чтобы не дать слезам вырваться наружу.

Таня, не останавливаясь, прошла мимо него. Он нагнал ее и зашагал рядом. Он смотрел на Таню, а она глядела куда-то далеко вперед, и губы ее слегка дрожали.

— Ты что? — спросил он Таню.

Она ничего не ответила. Только ускорила шаги, словно хотела уйти от его вопроса.

— Ты что?

Он легонько потянул девочку за руку. Она не отдернула руку, но продолжала молчать, будто потеряла дар речи и не могла произнести ни слова.

— Тебя кто-нибудь обидел?

Девочка утвердительно мотнула головой.

— Кто?

У него не хватало терпения дать Тане успокоиться. Он немедленно требовал ответа:

— Кто?

Девочка остановилась. Подняла на него глаза. Потом отвернулась в сторону и, будто не ему, а кому-то другому, сказала:

— Мать!

Это слово прозвучало жестко и холодно, словно было сделано из металла. Оно не имело ничего общего со словом «мама».

— Что она тебе сказала?

— Она ударила меня. По щеке...

Клавдий почувствовал, как по его телу прошел электрический ток, словно его тоже ударили по щеке и лицо горит от удара. Ему стало больно от своего бессилия.

Таня заметила, как ее друг изменился в лице. Теперь он смотрел в одну точку и мучительно думал, что делать. Она никогда не видела его таким бледным и встревоженным и, забыв о своей обиде, спросила:

— Что с тобой?

Он не ответил. Крепко сжал Танину руку и сказал:

— Жди меня здесь. Я сейчас.

И побежал, не оглядываясь и не разбирая дороги.

Через три минуты он стоял перед Таниной дверью, сжав кулаки, красный, в фуражке, съехавшей набок. Он слышал, как в ответ на звонок в глубине квартиры раздались тяжелые торопливые шаги. Шаги отдавались в сердце. Они приближались, как снаряд, когда хочется зажмурить глаза и прижаться к стене. Но Клавдий не закрыл глаза и не сдвинулся с места. Он стоял прямо, до боли сжав кулаки, словно готовился к бою.

Дверь отворилась. На пороге стояла полная круглолицая женщина с желтыми волосами. Ее строгие глаза вопросительно смотрели на незваного гостя. Это была Танина мать, которая ударила ее по щеке. Она смотрела холодно и спокойно, как будто ничего не произошло. Она ждала, что Клавдий поздоровается и скажет, что ему нужно.

Мальчик с ненавистью посмотрел на Танину мать и сказал:

— Вы не смеете ее бить!

— Вот как! — сказала желтоволосая женщина, и глаза ее стали еще холоднее. — Это что еще за заступник?

— Вы не смеете ее бить, — повторил Клавдий.

— Да я тебя самого... — вырвалось у женщины, и она шагнула вперед, словно собиралась ударить защитника своей дочери.

Он не отступил. Он стоял на месте, полный решимости, и в упор смотрел на Танину мать. И эта решимость поколебала женщину. Она опустила руку и вызывающим голосом спросила:

— А собственно, какое тебе дело? Это моя дочь, и я воспитываю ее так, как нахожу нужным.

Незаметно для себя женщина заговорила с мальчиком, как со взрослым, более того — она как бы оправдывалась перед ним. Потом она рассердилась, что поставила себя на одну ступень с этим наглым мальчишкой, и повысила голос:

— Я ее мать, а ты кто? Что ты суешь нос не в свое дело? Что ты врываешься в чужой дом?

Она засыпала его злыми вопросами. Вопросы летели один за другим. Клавдий не мог ответить ни на один из них, да Танина мать и не ждала ответа. Когда она умолкала, чтобы перевести дыхание, он с упорством повторял свои слова:

— Вы не смеете ее бить.

Эти слова были острыми и беспощадными. Они больно били в одну точку, и Танина мать не могла парировать эти

удары. А он стоял перед ней все такой же непоколебимый, со сжатыми кулаками, готовый простоять так вечно.

Танина мама вдруг умолкла. Накал ее гнева остыл.

Теперь она смотрела на мальчика скорее с любопытством, чем со злостью. Неожиданно она сказала:

— Что мы с тобой объясняемся на лестнице! Зайдем в дом.

Клавдию захотелось крикнуть, что он не желает заходить в дом, где людей бьют по щеке. Но им овладело желание хоть одним глазком посмотреть, где живет Таня. И он послушно переступил границу.

В доме с Таниной мамой произошла перемена. Она уже не кричала и не старалась сделать ему больно.

Она сказала:

— Раз пришел в гости, давай пить чай.

Он не приходил к ней в гости. И какой там чай! Разве сейчас до чая? Но весь поворот событий был таким неожиданным, что мальчик невольно повиновался этой чужой женщине с желтыми волосами.

— Проходи на кухню, а то у меня не убрано. Я ведь только с работы...

Клавдий никак не мог понять, почему его гнев перегорел и почему он послушно идет за человеком, которого ненавидел и презирал.

В кухне было светло. Гладкий кафель, светлые шкафчики сверкали зимней белизной. Танина мама усадила гостя на табуретку и стала ловко расставлять чашки, доставать варенье, заваривать чай. При этом она все время говорила с Клавдием, словно боялась, что если замолчит, то он встанет и уйдет.

— Как тебя зовут?

— Клавдий.

— Какое странное имя... Ты с Таней учишься?

— Я живу в этом доме.

— Вот как? А почему я тебя не видела? Ты какое варенье любишь: клубничное или из черной смородины?

Клавдий сидел на кончике табуретки и внимательно наблюдал за женщиной, хлопотавшей на кухне. Он обратил внимание, что у нее усталое лицо и среди желтых волос проступают седые нити. Движения у нее были уверенными и вместе с тем торопливыми. То ли она спешила поскорей напоить его чаем, то ли вообще привыкла к вечной спешке.

Мальчик не мог понять перемены, которая произошла с Таниной мамой. Он настороженно смотрел на нее и вдруг уловил в чужом лице знакомые черты своей подруги. Это открытие почему-то обрадовало его. И ему стало легче.

Наконец Танина мама разлила чай и села напротив Клавдия. Она помешала ложечкой и исподволь рассматривала защитника своей дочери.

— Ты давно дружишь с Таней?

Клавдий задумался, и ему показалось, что он дружит с Таней всю жизнь.

— Уже целый год, — ответил он.

— А что же ты не заходишь к нам?

— Да так, — выдавил из себя мальчик.

Некоторое время они сидели молча и пили чай. Клавдий пил, не желая обидеть маму. Он не чувствовал вкуса варенья. Чего стоит варенье, когда Таня одна ходит по улицам и переживает обиду. Клавдий подумал о подруге и укоризненно посмотрел на хозяйку дома. Она уловила это и, словно желая оправдаться перед ним, сказала:

— Трудно мне с Татьяной. Она все норовит сделать по-своему.

Теперь она жаловалась мальчику на непослушную дочь, на вечные заботы. Вероятно, ей давно не с кем было поделиться своими тревогами, и она избрала для этого мальчика, который совсем недавно готов был броситься на нее с кулаками.

А он внимательно слушал ее, и было похоже, что ее слова вызывают у него сочувствие. Но он не простил ей пощечину. Он только старался разобраться, как эта женщина, мягкая и в чем-то беспомощная, могла поднять руку на свою дочь.

— Вот и вспылишь, не выдержишь, — говорила она, как бы отвечая на его мысль.

Но ее слова не смогли растрогать мальчика. Он вдруг снова извлек из ножен оружие.

— Все равно ее нельзя бить, — сказал он.

Оружие было уже не таким острым, но оставалось прямым и непреклонным. И чтобы смягчить удар, мальчик вдруг сказал:

— Таня хорошая.

Эти слова сами вырвались у него. Танина мама посветлела. И он почувствовал, что она любит Таню.

Чаепитие подходило к концу, Клавдий сделал большой глоток и, переведя дух, сказал:

— Спасибо.

— На здоровье, — отозвалась хозяйка.

— Мне пора.

Он встал. Танина мама тоже поднялась, не зная, что предложить еще этому неожиданному гостю. Некоторое время они стояли, выжидательно глядя в глаза друг другу.

Ему вдруг захотелось сделать что-то приятное этой грустной женщине, но он еще не до конца простил ее и поэтому заторопился.

Она проводила его до двери и, когда он бросил «до свиданья» и шагнул за порог, сказала:

— Приходи к нам.

— Спасибо!

Она стояла на площадке, прислушиваясь к его удаляющимся шагам, и чувствовала удивительную легкость от мысли, что он бежит к Тане и что у ее дочери есть такой смелый и неотступный защитник.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИШНИЙ

Я смеюсь над ними. Они посходили с ума. Мне кажется, что они смотрят на меня из кривого зеркала.

Я говорю:

— Черное!

Они говорят:

— Белое!

Я смеюсь, а они угрюмо смотрят в одну точку.

Нас трое. Нас всегда было трое. А теперь их двое, а я один. Мы вдруг стали по-разному думать, по-разному жить. Мы не понимаем друг друга, как люди с разных планет.

Она говорит:

— Стойте!

И они стоят.

Она говорит:

— Бегите!

И они бегут.

Даже когда она ничего не говорит, они все делают так, как ей угодно. Они униженно заглядывают ей в глаза, стараясь прочесть в них все ее желания.

И если они прочтут: «Киньтесь в ледяную воду. Прыгните в костер», — они все это сделают.

А я не желаю! Я не желаю ходить за ней как тень и не желаю читать в глазах ее желания!

Они пусть идут к ней, а я устал. Я бросаю на пол свой сенник, раздеваюсь, тушу свет и ложусь спать. Я, слава богу, устал за день: нарыл двадцать ведер картошки. И у меня есть только одно желание: спать! Может быть, они железные, у них не ноет поясница и не слипаются глаза. Это их дело. А я натягиваю одеяло на ухо и закрываю глаза. Спокойной ночи!

Я лежу на полу, а рядом на высокой деревянной кровати спит тетя Поля, наша хозяйка. Она ложится рано. Еще раньше, чем я. Тетя Поля очень старая. Но когда нужно наметать огромный стог, то приглашают ее как специалиста. Она стоит на маковке стога и так ловко раскладывает сено, что стог никогда не завалится. И если надо заложить картошку в бурты, тоже приглашается тетя Поля. Она старенькая, но ее глаза видят то, что не каждому дано увидеть.

Тетя Поля спит на кровати, а мы, как три богатыря, спим у ее ног. Сейчас только один «богатырь» на своем посту. Остальные изменили и мне и тете Поле. Мои друзья с ней.

Они с ней, а я поворачиваюсь на другой бок и засыпаю.

Утром в поле она смотрит на меня немного виновато. Я стараюсь не попадаться ей на глаза. Но со стороны я часто наблюдаю за ней. Мне просто любопытно выяснить, как могли мои товарищи попасть в рабство к такой ничем не примечательной девчонке. Она худенькая, узкоплечая. Подстрижена она под мальчика. Глаза у нее... Ну и что из того, что глаза у нее большие и серые! А может быть, они не такие уж серые. Говорят, цвет глаз у женщин зависит от платьев и кофточек.

Эти двое, конечно, выбирают картошку на соседней борозде. Они бы и ее ведро тащили. Но она не разрешает им делать это. Тащит сама, хотя ей трудно, потому что она хрупкая. Ей вообще не следовало ехать на картошку. Тогда бы мы никогда и не встретились с ней.

Я работаю далеко от них. Работаю молча. Я все время сержусь и вымещаю свою злобу на ведре, которое звенит от

летающих в него картошек. А к вечеру я чертовски устаю и ложусь спать. Я чувствую себя обиженным и долго не могу уснуть. Мне скучно лежать без сна, и я думаю.

Я думаю о черных ботинках, которые присмотрел в магазине и обязательно куплю, если раздобуду денег. И о нотных значках — это я начал изучать ноты. И о том, как будущей весной поеду на Волгу.

И тут эти двое вваливаются в мои мысли. Ну и что из того, что они тоже собираются ехать на Волгу? Это не дает им права бесцеремонно хозяйничать у меня в голове.

Басовый ключ похож на большую запятую, а скрипичный — на букву из неведомого марсианского алфавита. Первая линейка — ми, вторая линейка — соль... Что же, я должен повторять всю нотную грамоту, чтобы выжить их из своих мыслей?!

Мало того, что они пришли в мои мысли сами, — они привели с собой ее. Я встречаю ее негостеприимно, как непрошеного гостя. Но не гоню ее. Я привык к ней. Я терплю ее в своих мыслях потому, что по природе своей я человек не злой. Да мне до нее нет никакого дела. У меня к ней даже несколько покровительственное отношение, потому что она хрупкая и беспомощная. И мне начинает казаться, что она вовсе не виновата, что два моих друга посходили с ума и ходят за ней тенью. Ей, может быть, это вовсе и не надо. Подумаешь, рыцари!..

Последние дни я сержусь на них больше обычного. Они меня всем раздражают. И в первую очередь своим снисходительным отношением. Они все время делают вид, что знают нечто такое, о чем я и не догадываюсь. Они хотят, чтобы я спросил их о чем-нибудь. Так не бывать этому!

Я гордо ложусь спать в девять часов вечера. Я не могу уснуть потому, что время детское, и потому что я немного привык к картошке и не так устаю к концу дня. Я мог бы куда-нибудь сходить, но нет желания. Никто мне не нужен, а

быть четвертым лишним я не желаю. Да к тому же мои друзья перестали меня звать с собой. Ну и не надо! Проведу еще один вечер в обществе тети Поли.

Я теперь даже не думаю о них. Прогнал их из мыслей. Я лежу на спине с открытыми глазами и не думаю о них. Правда, я думаю о ней, но это потому, что нельзя же все время думать о покупке ботинок и о нотной грамоте. И к тому же она совсем не плохо относится ко мне. По крайней мере она приветливей моих друзей.

Вчера она подошла ко мне, посмотрела в глаза и провела кончиками пальцев по моей щеке.

— Ты плохо спал, — сказала она.

Сперва я хотел ей нагрубить. Да, я действительно плохо спал, но это никого не касается. Это мое дело.

Но когда она смотрела мне в глаза, я не мог сделать ничего дурного. Глаза у нее, оказывается, на самом деле серые с голубинкой. И платье тут ни при чем, потому что на ней был черный ватник. А кончики пальцев у нее теплые и немного шершавые. Это от земли они стали шершавыми. А обычно они, наверное, мягкие.

Мои друзья возвращаются в полночь. Сами они здоровы как буйволы. Их ничто не берет. А она устала. Ей, наверное, хочется спать, а они водят ее по улицам и думают, что это доставляет ей большое удовольствие.

Сейчас они заходят в дом. Впотьмах один из них натыкается на пустое ведро. Раздается железный грохот. Но они уверены, что я крепко сплю и меня ничем не проймешь.

Я лежу с закрытыми глазами, и они снисходительно смотрят на меня. Я это чувствую даже в темноте. И мне хочется приподняться на локте и сказать им что-нибудь обидное. Но я сдерживаюсь. Пусть думают, что я сплю.

Мы приехали из города на уборку картошки. Здесь мы

спим вповалку на полу. И в этом нет ничего страшного. Только из-под двери дует. Они ложатся рядом. Я лежу на боку, спиной к ним. Они засыпают не сразу. Говорят.

— Холодно.

— На дворе было холодно, а мы ее загуляли.

— Это верно. Надо было пораньше проводить ее домой.

Но ведь она не спешила.

— Это она ради нас гуляла.

— Да, ради нас.

— А этот спит как чурбан.

Я лежу с открытыми глазами спиной к ним. Я слышу каждое их слово. Мне жарко. Мне хочется вскочить, ответить им на «спящего чурбана» и уйти из темной чужой избы. Я их почти ненавижу. Эта ненависть растекается по жилам, как душный и тягучий грипп. Может быть, у меня в самом деле жар? Я уже не обращаю на них никакого внимания. Не слышу их голосов и, слава богу, не вижу их лиц. Я думаю о себе. О том, что во мне происходит. Я стараюсь докопаться, что со мной: почему жар, почему на лбу испарина? Я чувствую себя одиноким и обиженным. Кто меня обидел? Эти двое? Она? Или я сам поставил себя в такое неловкое положение и теперь не могу найти из него выхода?

В избе тихо. Я лежу на спине с открытыми глазами. А эти двое, представьте, спят. Рыцари! Один похрапывает, другой причмокивает во сне губами.

Мне вдруг становится легче. Теперь я смогу смотреть на них с веселым презрением и говорить так, как будто в избе никого нет. Жаль только, что не с кем говорить.

Я говорю сам с собой. Это в конце концов не так уже плохо. Пусть они спят. Я нарочно не буду спать, чтобы побыть наедине, отдохнуть от их болтовни.

Она опять приходит в мои мысли. Ну что же, вдвоем веселее. Поговорим о погоде, о картошке, о нашей школе. Я доволен собой. Я протягиваю ей руку и пожимаю ее пальцы.

Они теплые и немного шершавые от земли. Я чувствую их в своей ладони, и мне почему-то не хочется их выпускать. Я крепче сжимаю руку... Пустой кулак. Вокруг тьма. Рядом спят два зубробизона.

Тихо. За печкой запел сверчок. Отчего ему-то не спится? Давай спать, сверчок! Завтра ни свет ни заря на картошку.

Почему она так смотрит на меня? Она смотрит на меня так, будто все знает обо мне. Будто это не мои дружки, а я ежедневно брожу с ней до полуночи и все рассказываю, рассказываю о себе. Она знает, что по вечерам я, печальный и одинокий, ложусь спать в девять часов, и что я не могу уснуть, и что я охладел к своим товарищам, и что я не виню ее в этом.

Она все знает. Но теперь она уже не говорит: «Ты плохо спал». Потому что она не хочет поставить меня в неловкое положение. И я благодарен ей за это.

Я никогда не видел таких понимающих глаз. Наверное, с ней можно часами разговаривать, не открывая рта. Молча разговаривать. Правда, для этого надо тоже иметь понимающие глаза.

Сегодня ночью были заморозки. И роса превратилась в иней. Иней белый и ворсистый. Он посеребрил каждую ветку, каждую травинку. Он превратил паутину в хрустальную пряжу. А может быть, это маленькие невидимые мастера наряжали природу в серебро и жемчуг? И сверчок за тети Полиной печкой всю ночь работал на своей свиристящей машинке, вытачивая бисер для веток и трав?

Когда выглянуло солнце, серебряная пряжа начала таять. Звонкие капли падали с веток, плыли по проводам. Это иней снова превращался в росу.

Я распрямился над бороздой. И вдруг я увидел, что она тоже поднялась и смотрит в мою сторону. Все сосредоточенно

выбирали из земли тяжелые клубни, похожие на самородки. И никто не видал, как мы распрямились. Она помахала мне рукой, а я покраснел и нагнулся. Я стал со страшной силой бомбардировать свое ведро здоровыми картофелинами. И ведро гремело от радости.

Когда ведро было полным до краев, я посмотрел на ребят, которые трудились рядом со мной. Я боялся, что они слышат, как стучит мое сердце, и видят насквозь все мои мысли, и почувствовал, что краснею. Но никто не обращал на меня внимания: все были заняты делом.

Я подхватил ведро и понесся через все поле туда, где мы все сваливали картошку в кучу. И там я встретился с ней. И мне стало страшно. Я не сказал ей ни слова. Я только пожал ее пальцы. Они были в земле. Щепотка теплой земли осталась у меня на ладони, и я зажал ее в кулак, чтобы не рассыпать.

Мои друзья ничего не понимают. Они возвращаются вечером в избу и не застают меня дома. Что они там говорят обо мне? Не все ли равно! По крайней мере у них язык не повернется назвать меня «спящим чурбаном».

А я хожу с ней по лунным дорогам. Я держу ее за руку и молчу. Но я чувствую, что она знает все, о чем я думаю. А я стараюсь прочитать в глазах все ее желания. И если она скажет: «Кинься в ледяную воду! Прыгни в костер! Разорви грудь и вынь сердце!» — я все сделаю.

Я хожу за ней как тень, потому что тень появляется только тогда, когда всходит солнце.

СОБИРАЮЩИЙ ОБЛАКА

Если твоя фамилия Малявкин и товарищи зовут тебя Малявкой, это еще можно пережить. Тем более, что зовут тебя так не со зла, а просто фамилия у тебя неудачная. С такой фамилией самого лучшего человека на свете будут звать Малявкой. И отца твоего тоже в детстве величали этим потешным и немного обидным именем. Говорят, что даже дедушку в незапамятные времена звали Малявкой. Ну и что из этого!

Вот если тебя к тому же считают конченным человеком и если рядом с твоей неудачной фамилией поставили большой жирный минус, тогда плохи твои дела.

Когда он приносил домой четверку, отец пожимал плечами и говорил:

— Это тебе повезло.

А когда в дневнике появлялось замечание, отец усмехался:

— Очень приятно! Чего от тебя еще ожидать!

— Так я не виноват... — пробовал было возразить Малявкин-сын.

— Ты всегда не виноват! — обрубал Малявкин-отец.

Он не желал выслушивать никаких объяснений. Он даже не ругал сына: что попусту тратить слова? Поворачивался и уходил.

От обиды лицо мальчика покрывалось красными пятнами,

а к горлу подступал комок. Ему казалось, что он провалился в прорубь, хочет вскарабкаться на льдину, но руки скользят. И никто не желает помочь ему...

Этот минус появился еще в прошлом году. Класс был большой, и у Зои Назаровны не хватило времени толком разобраться во всех своих учениках. Она пригляделась, поразмыслила и в уме поставила перед каждым из них плюс или минус. Малявкину достался минус.

Она поставила этот минус в уме, для служебного пользования, но мальчик постоянно чувствовал его, словно минус был выведен в журнале против его фамилии. И его нельзя было ни стереть, ни исправить.

Когда в классе поднимался шум, Зоя Назаровна, не поворачиваясь от доски, говорила через плечо:

— Малявкин и компания, тише!

Она называла его фамилию при каждом удобном случае, даже если он в этот момент сидел, набрав в рот воды. Она считала, что Малявкин все делает ей назло. А Малявкин просто не мог спокойно сидеть на месте. Где-то внутри у него была тайная пружинка, которая беспрестанно поворачивала его голову, заставляла ерзать, приводила в движение руки. У этой пружинки никогда не кончался завод. Иногда мальчик спохватывался и старался изо всех сил удержать ее. Но стоило только забыться, как пружинка незаметно выскальзывала и снова приводила в движение голову, руки, язык.

Иногда, очень редко, Зоя Назаровна беседовала с Малявкиным.

— Ничем ты не интересуешься, — говорила она, и кончики ее губ презрительно опускались, будто кто-то тянул их за ниточки. — Ребята марки собирают, делают гербарии... Ты бы хоть спичечные коробки коллекционировал!

Малявкин переминался с ноги на ногу и усиленно крутил концы галстука. Он не решался сказать Зое Назаровне, что белые облака нельзя засушить, как кленовые листья, и нель-

зя наклеить в альбом, как почтовые марки. А Малявкин интересовался облаками.

Он ложился животом на подоконник, подпирал рукой подбородок и долго-долго следил за облаками, которые обязательно на что-нибудь похожи. На слона, на верблюда или на снежные горы. Конечно, облако не может долго быть верблюдом. На твоих глазах у верблюда пропадают горбы. Животное поджимает передние ноги и так вытягивает шею, что она наконец обрывается. И вот уже нет верблюда. Он пропадает в небе, но остается в памяти. Как его наклеишь на бумажку и покажешь Зое Назаровне?

Если люди махнули на тебя рукой и не хотят разобраться в тебе, потому что кто-то поставил перед твоей фамилией минус, то у тебя есть два выхода: или самому махнуть на себя рукой, или любыми усилиями зачеркнуть несправедливый минус.

В глубине души он не очень-то рассчитывал, что с помощью учебников и тетрадей ему удастся избавиться от минуса. Он надеялся на другое средство. И когда однажды старшая вожатая объявила, что после уроков все пионеры отправятся собирать бумажную макулатуру, Малявкин почувствовал — судьба посылает ему случай доказать, что он не такой уж пропащий человек.

— Стране нужна бумага! — сказала старшая вожатая.

«Очень хорошо, что стране нужна бумага. Прекрасно, что стране нужна бумага! Тем более, что ты можешь найти сколько угодно сырья для нужной стране бумаги». Так думал Малявкин, не переставая крутить кончики галстука. Он свернул их сначала в трубочку, потом превратил в спирали, а когда наконец оставил в покое, они повисли, как две красные сосульки. Он не слышал голосов учителей. В его груди звучали и пели на все лады зазывные слова вожатой:

«Стране нужна бумага!»

После уроков все ребята вышли на школьный двор. Здесь

каждому выдали сетку, похожую на рыболовную снасть. Эти сетки нужно было забросить в сотни квартир и учреждений и вытянуть их обратно на школьный двор с богатым уловом бумажной макулатуры.

Малявкин перекинул свою сеть через плечо и быстро зашагал к воротам. Было тепло, и на деревьях раскрывались почки. Из клейких золотистых чешуек выглядывали зеленые язычки листьев. И с земли казалось, что деревья покрыты зелеными многоточиями. Мягкий, подобревший ветер весны сквозил по улицам. А высоко в небе он упирался в белые паруса облаков, и они плыли, меняя на ходу очертания.

На пути мальчику попался газетный киоск. Все четыре стены киоска были из стекла, и со стороны газетный домик был похож на большой старинный фонарь. В центре фонаря, на месте фитиля, находился киоскер — беловолосый и краснощекий старичок. На носу у него сидели большие очки. Когда он разговаривал, то смотрел поверх очков. Очки только мешали ему.

Малявкин подошел к стеклянному домику и неуверенно спросил у киоскера:

— У вас есть старые, ненужные газеты?

— Есть, — ответил киоскер.

— Можно их забрать?

— А ты думаешь, что старые газеты ничего не стоят?

— Разве старые газеты тоже стоят? — поинтересовался

Малявкин.

— Стоят. По две копейки, — ответил старичок, и глаза его так выкатились, словно собирались перемахнуть через очки. — А тебе зачем газеты? Для оклейки или для упаковки?

— Мне для макулатуры, — отозвался Малявкин.

— Для макулатуры, — повторил киоскер. — Вот оно что!

Лицо старичка засияло — зажегся фитилек. Он посмотрел на мальчика и вдруг подмигнул ему:

— Подойди-ка к двери.

Мальчик не заставил себя ждать. В два прыжка он очутился у двери киоска. Старичок приоткрыл стеклянную дверь и спросил:

— Тара у тебя есть?

Мальчик замялся. Тары у него не было. Может быть, старичок ничего не даст ему, раз нет тары? Но хозяин киоска осмотрел его с головы до ног и, обнаружив на его плече сеть, кивнул на нее:

— Подставляй сетку.

Сетка и была тарой.

Малявкин быстро стянул с плеча сетку и протянул ее старичку. И тут хозяин стеклянного газетного домика стал выгребать откуда-то куски картона и бумажные обрезки, и мятые газеты, которые ничего не стоили, и оберточную бумагу, отслужившую свой век. Он энергично засовывал все это богатство в сетку. Не прошло и пяти минут, как сетка наполнилась до краев. Мальчик приподнял ее, и оказалось, что улов кое-чего весит. Тяжесть радовала его. Он с благодарностью посмотрел на старичка-фитилька и сказал:

— Спасибо вам. Стране нужна бумага!

На школьный двор Малявкин пришел первым. От быстрой ходьбы он тяжело дышал. Фуражка с черным козырьком, похожим на грачиный клюв, съехала набок. Глаза весело блестели. А за спиной белела макулатура, разлинованная сеткой в крупную клеточку.

Старшая вожатая и два старшеклассника-комсомольца сидели на скамейке перед школой и поджидали сборщиков макулатуры.

— Вот, — сказал Малявкин, сваливая к их ногам свою тяжелую ношу. — Вот. Принес.

— Молодец! — сказала старшая вожатая. — Как твоя фамилия?

В эту минуту Малявкин дорого бы отдал за красивую фамилию. Ему сейчас очень нужна была звучная, гордая фами-

лия. Но где он мог раздобыть ее, если его отец и даже дед были Малявкиными?

Вожатая ждала ответа.

— Малявкин, — тихо сказал мальчик.

Он сказал тихо, но два старшекласника переглянулись, и мальчик заметил на их лицах усмешку.

— Запиши, Саша, его фамилию, — сказала старшая вожатая. — А ты, Малявкин, свободен.

— Свободен? — переспросил мальчик. — А разве больше не нужно макулатуры?

— Ты свою норму выполнил.

— А можно, я еще принесу? — Он неуверенно посмотрел на вожатую.

Вожатая пожала плечами:

— Если тебе нравится.

— Нравится, — признался мальчик и, подхватив пустую сетку, побежал к воротам, словно боялся, что вожатая раздумает и не разрешит ему идти за второй нормой.

Теперь Малявкин знал, где находится месторождение макулатуры. Он напал на золотую жилу! От киоска к киоску шагал он с сеткой за плечом. Он уже не интересовался старыми газетами, которые, как новые, стоят две копейки. Он показывал хозяевам стеклянных домиков свою сетку — тара есть! — и спрашивал:

— Нет ли у вас бумажных обрезков, старого картона, бракованных газет?

Макулатура находилась. Безотказная пружинка, которая так мешала ему на уроках, теперь работала с пользой. Скорей, скорей, скорей! Стране нужна бумага! Очень хорошо, что стране нужна бумага! Значит, ты тоже нужен стране, если ты добываешь сырье для бумаги.

Во дворе около школы выросла большая белая гора. Ее наносили ребята. Бумажная гора напоминала Малявкину прохладное облако, которое сделало вынужденную посадку

под окнами школы. Ветер трепал полоски легкой бумаги, и казалось, что облако живое, что оно меняет свои очертания, как и подобает настоящему облаку.

Когда он в четвертый раз собрался было в поход, старшая вожатая остановила его:

— Хватит, Малявкин. Ты и так больше всех принес. Мы о тебе в стенгазете напишем.

Малявкин опустил глаза. Зачем писать о нем в стенгазете? Пусть лучше Зоя Назаровна сотрет свой минус и пусть перестанет считать его пропадающим человеком, раз он на что-то способен. Но как все это объяснить старшей вожатой?

Домой он пришел поздно. Он чувствовал себя счастливым. Ему казалось, что его минус погребен под большой бумажной горой. И теперь начнется новая жизнь.

— Ты что так поздно? — поинтересовалась мама.

— Мама, — ответил мальчик, и голос его звучал возбужденно и торжественно, — мама, я собирал макулатуру. Я три полные сетки...

Мама даже не дослушала его. Она сказала:

— Всякой ерундой занимаешься. Лучше бы уроки учил.

От неожиданности мальчик запнулся.

— Мама, стране нужна бумага, — сказал он упавшим голосом.

Но мама его уже не слушала. Она пошла разогревать обед.

Каждый день по дороге в школу Малявкин останавливался перед бумажной горой. Когда было ветрено, обрывки бумаги носились по двору. Они шуршали на асфальте и плыли по лужам, как белые кораблики.

Хотя стране нужна была бумага, никто не торопился забрать драгоценную макулатуру. И надо признаться, что белая гора постепенно таяла, словно была из снега, а дни стояли теплые.

Не раз сильный ветер поднимал самый настоящий бумажный смерч. Листки бумаги стучались в окна классов, словно хотели напомнить ребятам о своем существовании. А одна бумажная полоска прилипла к стеклу и билась от ветра, как маленький тревожный флажок, подающий сигнал бедствия.

Пошел дождь. Он мочил бумажную гору. И Малявкин переживал за нее. Это была его маленькая слава. Она помогла ему сохранить веру в самого себя. На большой перемене он выбежал во двор, отыскивал где-то кусок толя и накрыл им макулатуру. Теперь она уже не была похожа на белое приземлившееся облако. Листки бумаги слиплись и потемнели.

На уроке Малявкин поднял руку.

— Что у тебя, Малявкин? — спросила Зоя Назаровна.

Мальчик поднялся. Он спросил:

— А когда из макулатуры будут делать бумагу?

Зоя Назаровна пожала плечами, и невидимые ниточки медленно потянули вниз уголки ее губ.

— Когда придет время, тогда и будут делать... бумагу, — сказала она, растягивая слова: все, что относилось к Малявкину, она считала несерьезным и вздорным.

Однажды после шестого урока он сбежал со ступенек школьного крыльца и увидел, что истопник и завхоз берут охапки макулатуры и уносят ее в котельную.

«Наверно, решили спрятать ее», — подумал мальчик и проскользнул в дверь. То, что он увидел, поразило его. Он почувствовал, как на лице выступили красные пятна.

Охапки белой бумаги бросали в топку. Как белые облака, уплывали они навстречу огню. Пламя сразу обжигало их. Облака чернели и коробились, ветер подхватывал их, и они, легкие и хрустящие, уносились в трубу.

Мальчик подумал, что черные облака вылетают наружу и плывут над городом. И что сейчас все небо в черных, обугленных облаках.

Из оцепенения его вывел голос завхоза:

— Что стоишь, Малявкин? Помогай!

— Это нельзя жечь, — почти крикнул мальчик, — это макулатура!

— Тебя забыли спросить, — поморщился завхоз. — Ну-ка, посторонись!

Мальчик продолжал стоять на месте. Глядя в покрасневшее от жары лицо завхоза, он крикнул:

— Стране нужна бумага! Не жгите!

— А ну иди отсюда! — грубо сказал завхоз. — Малявка!

Его все называли Малявкой. Но никто не хотел обидеть его этим словом. Зато сейчас привычная кличка прозвучала оскорбительно и зло. Слезы блеснули в его глазах. Но ему стало стыдно своих слез, и он быстро размазал их по скулам.

Он кинулся в школу. Он бегал по этажам и все искал, кто бы мог вступить за макулатуру. В пионерской комнате никого не было. В учебной части тоже. В одном из коридоров он столкнулся с Зоей Назаровой.

— Ты что носишься как оглашенный? — спросила учительница.

— Зоя Назаровна, — сказал мальчик, прерывисто дыша, — Зоя Назаровна, они жгут макулатуру!

Ему казалось, что Зоя Назаровна немедленно побежит в котельную и будет спасать горящие белые облака. Но Зоя Назаровна спокойным голосом сказала:

— Так ведь пожара нет. Жгут не школу, а макулатуру.

Нет, это, конечно, не пожар. А может быть, и пожар. Когда горит добро, горит твой труд, твоя надежда — это пожар!

— Иди домой, — сказала Зоя Назаровна и подтолкнула его к двери.

Он шел по улице, глядя себе под ноги. Ему казалось, что если он поднимет глаза, то увидит, как там, в голубом апрельском небе, плывут черные, обуглившиеся облака. Он даже чувствовал горьковатый запах гари.

Когда он проходил мимо газетных киосков, то отворачивался. Ему было стыдно смотреть в глаза старичков и старушек, похожих на фитильки больших фонарей.

«Никакой новой жизни не будет», — думал мальчик. Все его надежды уплыли вместе с черными облаками.

И вдруг кто-то окликнул его:

— Коля!

Малявкин вздрогнул от неожиданности и остановился. Его обычно звали «Малявкиным» или «Малявкой». Может быть, это зовут не его, а другого Колю? Он поднял глаза и увидел Зою Назаровну. Для учительницы эта встреча тоже была неожиданной. Она смотрела на мальчика и молчала. Она почему-то не знала, что сказать ему, и вид у нее был растерянный. И Зоя Назаровна показалась Малявкину большой девочкой, которую вызвали к доске, а она не знает урока.

Он никогда не видел ее такой. И ему нравилась такая Зоя Назаровна...

А потом он поднял глаза и посмотрел в небо. Над головой плыли облака. Они были ослепительно белыми, без единого пятнышка. А одно из них было похоже на крупного слона с двумя горбами, как у верблюда. Малявкин улыбнулся двухгорбому слону. И провожал его глазами до тех пор, пока слон не потерял хобот.

МАЛЬЧИК С КОНЬКАМИ

1

В солнечный мартовский день в городе начинают таять сосульки. Как стеклянные пипетки, отсчитывают они целебные капли больной, простуженной зиме.

По городу идет мальчик с коньками. Он худой и вытянутый. Все ему не по росту, все мало. Лыжные брюки до щиколоток. Пальто едва достает до колен. Руки он держит в карманах, а запястья голые, красные от ветра: рукава короткие. Шея у мальчика тоже длинная, худая. Шарф закрывает ее только наполовину. Шарф зеленый, в полоску, с фиолетовым чернильным пятном на самом видном месте.

Кажется, что вчера еще все было мальчику впору и это он за ночь так подрос, вытянулся.

Руки мальчик держит в карманах, а коньки у него под мышкой.

Какой-то он нескладный и неловкий. То споткнется на ровном месте, то налетит на прохожего. То бежит вприпрыжку, то, заглядевшись на машину, останавливается посреди дороги. Глаза у него зеленые, задиристые.

Дерзкий взгляд и независимая походка выдают в мальчике непоседу и драчуна, который среди ребят чувствует себя уверенно, а оставшись один, не знает, куда себя деть.

На пальто не хватает пуговицы. Она вырвана с мясом. Основательно потеряя шапка сидит на одном ухе, оставив

второе на холоде. Развязавшийся шнурок волочится по тротуару: некогда с ним возиться.

И только коньки, удобно пристроившиеся под мышкой, в полном порядке. Они приклепаны медными заклепками к черным ботинкам. Ботинки аккуратно сложены «бутербродиком» и стянуты желтым кожаным ремешком. Это не какие-нибудь девчачьи «снегурочки», а вполне серьезные мужские коньки. У них острые крепкие носы. Когда бежишь на этих носгах, ледяные крошки отлетают в стороны, как искры из-под железных подков. Можно быстро бежать, а потом встать на полозья и долго скользить по ледяной глади катка.

Эти аккуратные, ухоженные конечки уж очень не подходят к короткому пальто с оторванной пуговицей и к потертой шапке, сидящей на одном ухе.

Холодная капля упала мальчику на щеку. Он вытер ее свободной рукой и, бросив на сосульки недовольный взгляд, свернул в переулок.

2

У школьников весенние каникулы, а взрослые работают. Поэтому на улицах малоллюдно. А в переулке вообще редко встретишь прохожего.

Переулок старый, двухэтажный. Мостовая покрыта ледяной коркой. Снегоочистительные машины не заглядывали сюда всю зиму. Сразу видно, что маленький переулок приходится очень дальним родственником большим, главным улицам города.

Мальчик с коньками шагает по переулку. Он сдвигает шапку на другое, замерзшее ухо — погрейся, твоя очередь! — и прислушивается. Он слышит музыку. Она доносится сюда со стадиона. На больших улицах ее заглушают машины. А здесь тихо. И музыка слышна. Она действует на мальчика, как сигнал боевой трубы. Ноги сами начинают ускорять шаг,

и развязавшийся шнурок только поспекает постукивать по ботинку.

А хорошо бы, на каток опять пришла девчонка в красном пушистом свитере и в синей короткой юбочке! Та, у которой на голове белая меховая шапка. Высокая, как папах. Из-под шапки у нее торчат две косички. Хорошо бы попробовать дернуть ее за косичку! Но девчонка такая гордая и неприступная, что в прошлый раз не хватило решимости сделать это. На ее глазах он сбил шапки с трех мальчишек. Один из них был совсем большой. На полголовы выше. От такого вполне можно было получить сдачу. Сегодня он опять собьет с него шапку, если не хватит мужества дернуть девчонку за косичку... А если она уже на катке, уже катается на своих серебряных «снегурочках»? И вдруг большой мальчишка дергает ее за косичку?!

Мальчик с коньками под мышкой уже не идет, а бежит. Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!

И тут в конце переулка он увидел человека. Мальчик не обратил бы на него никакого внимания, но человек оказался единственным прохожим и шел прямо ему навстречу. Человек был высокий, крупный. На нем белые бурки с кожаными носами и широкая длинная куртка, сшитая из шкуры какого-то черного зверя. Шаги у мужчины тяжелые и неторопливые. А мальчик почти бежал, и поэтому они скоро должны были встретиться.

И вдруг прохожий остановился. Потом он качнулся вперед и сделал несколько неуверенных шагов, словно собирался упасть. Но не упал, а удержался на ногах. Он беспомощно начал двигать руками, словно искал в воздухе невидимую опору. На этот раз он наверняка бы упал, но рука вовремя ухватила за стену дома. «Наверно, пьяный», — подумал мальчик, и в глазах его вспыхнул недобрый огонек: он терпеть не мог пьяных. Мальчик брезгливо сморщил нос и ускорил шаг, чтобы поскорее разминуться со случайным встречным.

Когда мальчик поравнялся с прохожим, тот стоял, прислонясь к стене, крепко зажмутив глаза. Лицо его было неестественно бледным. У рта запали глубокие складки. Он тяжело дышал. Вероятно, тугой воротник куртки мешал дышать. Одной рукой человек держался за каменную стену, другой силился расстегнуть железный крючок воротника. Крючок был цепкий, и у руки не хватало сил освободить его из петли. На лбу у прохожего выступили мелкие бисеринки пота.

Мальчик с коньками невольно остановился. И тогда прохожий открыл глаза и посмотрел на мальчика. Его глаза смотрели из-под нависших бровей откуда-то издалека. Нет, это не были мутные, шальные глаза пьяного! Они были полны боли и тревоги. И во всем облике этого большого, грузного человека чувствовалась неловкость за свою беспомощность.

Наконец ему все же удалось расстегнуть крючок. Усталая рука соскользнула вниз, плечи опали под собственной тяжестью. Человек закрыл глаза, но тут же открыл их вновь. Он заметил мальчика и боялся потерять его из виду.

Мальчик еще стоял рядом. Но ему было некогда. Он не мог опоздать. Зеленые глаза недружелюбно глядели на тяжело дышащего человека.

Человек молчал. Его грудь тяжело поднималась и медленно опускалась, словно боялась наколоться на что-то острое. А пальцы, только что отцепившие железный крючок, теперь расстегивали и пуговицы.

Человек молчал.

Мальчик вспомнил, как однажды на улице упал старик и сломал ногу. Он лежал на тротуаре и тихо стонал. Ему было очень тяжело, а вокруг стояли зеваки. Они глазели на несчастного старика до тех пор, пока за ним не приехала «скорая помощь»...

Может быть, и этому человеку неприятно, что рядом с ним стоит незнакомый мальчишка?

И вдруг человек сказал:

— Сынок...

Он произнес одно только слово и начал тяжело дышать. Видимо, у него не хватало сил на остальные слова.

Услышав слово «сын», мальчик с недоумением посмотрел на незнакомца. Так называла его мама. Это было мамино слово. А от мужчины он слышал его впервые.

Незнакомец опять собрался с силами и заговорил:

— Помоги мне добраться до дому... Здесь недалеко.

Мальчик молча подставил плечо. Человек неуверенно отнял руку от стены и оперся на плечо мальчика. Он был большой и тяжелый, а мальчик был худой и неустойчивый. Незнакомец старался полегче опираться на мальчика. И они двинулись.

Сам не замечая того, мальчик все время ускорял шаги. Музыка с катка сладко вливалась в ухо. Она манила, звала, требовала. Мальчику показалось, что он и впрямь может опоздать. Что, если он придет пятью минутами позже, все кончится. И уже не будет ни льда, ни музыки, ни вереницы бегущих ребят...

А больному человеку было трудно передвигать ноги. Каждый шаг отдавался в сердце. Он старался не отставать от своего беспокойного поводыря, но у него не хватало сил. И несколько раз он останавливался, чтобы перевести дух. Тогда он чувствовал, как мальчик ерзает под его рукой и нетерпеливо оглядывается.

Всю дорогу ни большой, ни маленький не проронили ни слова. Их связывал неприятный случай. Один из них был в тягость другому. Они понимали это, и обоим хотелось поскорее расстаться.

Наконец у низкого подъезда человек остановился. Видно было, что это конечная остановка. Человек вытер со лба холодный пот и, ни к кому не обращаясь, будто сам себе сказал:

— Зашевелился осколочек. Столько лет не беспокоил — и вот нá тебе!

Вероятно, он чувствовал себя виноватым перед мальчиком и решил часть вины переложить на «зашевелившийся осколочек». Мальчик насторожился и с недоверием поднял глаза на мужчину.

— Какой осколочек?

— Обыкновенный, брат, от снаряда... Вот ведь война когда кончилась, а осколочек остался, — сказал мужчина и показал пальцем на грудь.

Он все еще стоял, прислонясь к стене, а мальчик внимательно рассматривал его. У человека все было крупным — и нос, и губы, и подбородок с глубокой ямочкой. На щеках шершавая щетина.

— Пойдем, что ли, — сказал мужчина, открывая дверь подъезда. — Тяжелый тебе достался солдат.

3

Когда они поднимались по лестнице, человек сильней опирался на плечо мальчика. Другой рукой он цепко хватался за перила, будто страшился, что ступенька уйдет у него из-под ног. Ему было больно. А мальчику тяжело. Но оба терпели. Мальчик думал об осколке, который зашевелился в груди у незнакомца, и ему на минуту показалось, что он ведет бойца, только что раненного разорвавшимся снарядом.

А человек думал, как бы поскорей добраться до постели.

Очутившись дома, человек стал стягивать с себя меховую куртку. Он делал это с такими усилиями, будто она весила по меньшей мере два пуда.

Наконец ему удалось освободиться от этой тяжести. Под курткой оказались гимнастерка военного образца и синие брюки. На гимнастерке с правой стороны, над кармашком, была пришита потемневшая полоска галуна. Эта полоска — знак тяжелого ранения — как бы подтверждала, что человек занемог старой военной болезнью.

Пока человек раздевался, мальчик стоял в сторонке и следил за ним. Сам он не снял пальто, даже не вынул из кармана руки, которая локтем придерживала коньки.

Человек тяжело опустился, почти упал на диван. Старые пружины жалобно скрипнули. Человек откинулся назад и закрыл глаза.

А мальчик продолжал стоять перед ним. Он был растерян и не знал, что полагается делать в подобных обстоятельствах. Перед ним лежал человек. Не просто заболевший гриппом или ангиной, а старый боец с осколком в груди. Зеленые глаза мальчика, привыкшие бесцеремонно разглядывать все, что ни попадется, сейчас утратили свою дерзкую самоуверенность. Они вопрошающе смотрели на человека, с которым судьба свела его в переулке по дороге на каток.

Трудно сказать, сколько времени человек лежал с закрытыми глазами. Когда он поднял веки, мальчик все еще стоял перед ним: в коротком пальтишке без пуговицы, в шапке, надетой на одно ухо, с коньками под мышкой.

— Ты еще здесь? — спросил раненый, почти не шевеля губами.

— Ага.

— Ты иди. Теперь я сам управлюсь... А за помощь спасибо. — Человек глотнул воздух и спросил: — Спесишь?

Только сейчас он заметил под мышкой у мальчика коньки. «Да, да!» — эти два коротких слова должны были сорваться с губ мальчика, но вместо них прозвучали совсем другие:

— Я не спешу... я уже был на катке...

Он сам удивился, что произнес именно эти слова, и с такой уверенностью, будто все обстояло именно так. Собственные слова огорчили мальчика, но отступать было нельзя.

— Я дождусь кого-нибудь из ваших и тогда пойду.

Ему казалось, что все это говорит не он, а кто-то другой, помимо его воли. И он уже раскаивался: ведь неизвестно, когда придут домашние. Может быть, нескоро. Вечером.

— Никто не придет, — помолчав, сказал человек. — Понимаешь, жена с сынишкой уехали к бабушке. На каникулы. В Сапожок.

— В какой «сапожок»? — вырвалось у мальчика.

Человек через силу улыбнулся и пояснил:

— Это город такой есть. Вернее, городок рязанский.

Мальчик положил коньки на стул. Этим движением он как бы хотел подчеркнуть, что никуда не спешит.

Он серьезно посмотрел на своего нового знакомого и спросил:

— Что же теперь делать?

— Да ничего. Отлежусь, и все пройдет, — сказал хозяин дома и, словно желая оправдаться перед мальчиком, добавил: — Понимаешь, я еще ночью в цехе почувствовал себя неважнецки. Но там не разболеешься. Стал карусельный станок. Пришлось налаживать... Утром почувствовал себя совсем скверно. Но подумал, что до дому как-нибудь доберусь. И вот видишь...

Он закрыл глаза и провел ладонью по волосам. Ему, видимо, немного полегчало, и он разговорился:

— Это мне под Орлом так приложило. Пять осколков вынули, а один при себе ношу.

— Кто же это вам... «приложил»? — спросил мальчик, стараясь попасть в тон хозяину дома.

— «Фердинанд», танк немецкий... Знаешь, что такое ПТО?

Мальчик покачал головой.

— Противотанковое орудие, — объяснил бывший боец, — пушечка такая. Сорокапятимиллиметровка. Мы, как кроты, врылись в землю, а на нас шли танки. Два танка мы подожгли, а третий нас приложил... Ни расчета, ни пушки... Ну ничего, все пройдет. Вот отлежусь...

И вдруг он снова побледнел, и две складки у рта стали еще глубже.

— Сходить за доктором? — предложил мальчик.

Раненый мотнул головой. Говорить ему было трудно. Потом он все-таки сказал:

— За доктором не надо. Разве что за лекарством... Если не очень спешишь.

— Не спешу, — отозвался мальчик. — Где рецепт?

— В столе. Рядом, в комнате. Открой средний ящик. Там где-то завалялся. Болеутоляющее.

4

Человек не спросил мальчика, как его зовут, и не назвал ему своего имени. А спросить первым мальчик не решался.

В других обстоятельствах мальчик чувствовал бы себя очень скверно, очутившись в чужом, незнакомом доме. Но тревога, которая все больше и больше овладевала им, заглушала неловкость, как большая боль заглушает малую. И поэтому он без особых колебаний отворил дверь в соседнюю комнату.

Комната была залита желтым солнечным светом. Будто и впрямь есть такая желтая, светящаяся краска, которая не высыхает ни на полу, ни на стенках, ни на книжной полке и даже на глобусе. Мальчик зажмурился — солнечная краска брызнула ему в глаза — и услышал металлический стук, как от пишущей машинки. Это за окном звонкие капли тающих сосулек стучали по железному подоконнику.

Весенняя солнечная комната была совсем не похожа на ту, где сейчас лежал раненый боец. Комната, наверное, еще не знала, что произошло с ее хозяином, и у нее было отличное настроение. И календарь тоже не знал. На сегодняшнем листке было написано: «Партком в 4 часа».

Мальчик подошел к столу. Но прежде чем выдвинуть средний ящик, он заметил учебник и две тетрадки. Это был учебник физики для шестого класса. А на тетрадках были написаны имя и фамилия владельца — «Сергей Бахтюков. 6-й «А».

Это он, Сергей Бахтюков, сейчас отдыхает с мамой у бабушки в рязанском городе Сапожке.

Глаза мальчика недовольно сверкнули. Он отшвырнул тетрадки и осторожно открыл средний ящик стола.

Ящик был доверху набит бумагами, чертежами, фотографиями, а также множеством разных вещиц, не представляющих на первый взгляд никакой ценности. Чем, например, может привлечь курительная трубка, изогнутая, как знак вопроса, или старая цепочка от часов, или лезвие в пакетике, напоминающем фантик?

Разыскивая рецепт, мальчик старался не разглядывать эти чужие вещи, но они притягивали его, как магнит. Он взял в руки трубку. От нее пахло пожаром. Наверное, солдат курил эту трубку в последний раз на фронте у своей пушечки ПТО. Мальчик вдохнул в себя запах трубки и бережно положил ее обратно. Потом ему попалась фотография хозяина дома. Он был снят в военной форме и выглядел молодым и худощавым. Может быть, это не хозяин, а его младший брат? С ямочкой на подбородке. Нет, это он сам. Вероятно, когда он снимался, в его груди еще не было никаких осколков от снаряда.

А потом в руки мальчику попалась алая коробочка. Стыдясь самого себя, он не удержался и открыл ее. В коробочке лежал орден. Самый настоящий орден. Красного Знамени. Мальчик взял орден и положил его на ладонь. Орден был прохладным и тяжелым.

Мальчик подержал в руках и запонки, и перочинный ножик, и лезвия безопасной бритвы с надписью «Нева». Ему никогда не приходилось встречать в таком количестве мужские вещи. Да откуда было им взяться, ведь в своем доме он был единственным мужчиной. Его тянуло к этим вещам. Он испытывал почти физическое удовольствие от прикосновения к ним.

Наконец рецепт нашелся. Он был очень старым. Вероятно, хозяин не пользовался им уже много лет. На маленьком по-

желтевшем листке стоял лиловый штамп: «Санчасть полевая почта 31 497». Рецепт был написан рыжими чернилами. Казалось, что буквы когда-то сверкали и лишь от времени пожелтели. Мальчик разобрал только первую строчку: «Старшине Л. Бахтюкову». Дальше шла латынь.

Мальчик бережно взял рецепт в руки и тихо задвинул ящик. Потом его взгляд скользнул по тетрадкам Сергея Бахтюкова из 6-го «А». Он почему-то сжал кулак и погрозил тетрадкам.

5

Мокрый, тающий снег пахнет сыроежками. Он шуршит под ногами. Ему уже не белеть на крышах, на мостовой и на воротниках прохожих. Много месяцев будет он журчать в ручьях, петь в водопроводных трубах, дружить с кораблями. И только в декабре он вернется обратно, белый, нетронутый, без единого пятнышка. Как он будет не похож на этот серый, истоптанный, тающий снег, который путается под ногами накануне своих волшебных превращений!

Мальчик не замечает запаха сыроежек. Он бежит, спотыкается, перепрыгивает через лужи, соскакивает с тротуара на мостовую. Лыжные брючки, едва достающие до щиколоток, забрызганы. Шарф совсем размотался, пола коротенького пальто развеивается: пуговицы-то не хватает.

Но кажется, что ему малы не только брюки, и пальто, и шапка. Нет, ему не впору тротуары и мостовые, улицы и площади. Весь город тесен ему. С тревогой, неожиданно обрушившейся на его плечи, он не вмещается в родной город.

Мальчик задевает на ходу прохожих, натывается на фонарные столбы. Навстречу несутся машины. Разве в городе нет для них других улиц!..

Окоченело левое ухо: шапка надета на правое. На болтающемся шнурке выросла целая сосулька. Но в замерзшей ру-

ке, как волшебная лампа Аладдина, зажат пузырек с лекарством.

И вот он, с трудом переводя дыхание, входит в дом и тихо затворяет за собой дверь. Человек лежит с закрытыми глазами.

«Уснул, — думает мальчик, — значит, отлежался. Вот и хорошо».

Он ставит пузырек с лекарством на стол и обветренной рукой неловко заматывает шарф вокруг шеи. Теперь он свободен. Можно уходить.

Он смотрит на спящего раненого бойца почти с любовью. И ему становится неловко перед самим собой за это непонятное чувство. Встречаются мужчины, рядом с которыми любой мальчишка чувствует себя сыном. Их отцовская власть незаметно распространяется даже на тех, кто считает себя очень взрослым и самостоятельным.

Мальчик встретил такого человека, а теперь ему надо с ним расставаться.

А человек не открывает глаз. Он, видно, справился со своим осколочком и крепко спит. И мальчику ничего не остается, как молча попрощаться с ним и уйти. Он идет на цыпочках, чтобы не заскрипели половицы. Он доходит до двери и свободной рукой тянется к замку. Замок не слушается его: он признает только своих.

И вдруг мальчик вздрагивает. Он слышит тихое, далекое слово «сынок». Это человек зовет его? Мальчик прислушивается. В квартире тихо. Лишь звонкие капли тающих сосулек по-прежнему стучат о подоконник. Никто его не зовет. Это только показалось.

Мальчик стоит перед дверью и думает о том, почему этот большой, сильный человек беспомощно лежит на диване, а он, мальчишка, задиристый, но на деле не такой уж смелый, может бегать, смеяться и сбивать шапки у встречающих шкетов? И сейчас он уйдет и никогда уже не увидит этого человека.

Не ощутит на своей ладони холодную торжественную тяжесть ордена Красного Знамени. Не вдохнет в себя таинственный запах старой трубки. Он медленно поворачивается и возвращается в комнату. Здесь все неподвижно, как в сонном царстве. Спят двери, спят лампочки, спят половицы. Уснули вместе с хозяином. Балансируя рукой, мальчик идет на цыпочках: боится, что половицы проснутся и заскрипят.

Он подходит к дивану. Человек по-прежнему лежит без движения, спит.

А вдруг он умер?!

Эта мысль ошеломляет мальчика. Забыв о предосторожности, он наклоняется к спящему. Он кладет ему руку на плечо и начинает легонько трясти. Раненый боец не открывает глаз. Может быть, позвать его? По фамилии, которая написана на старом военном рецепте? Он зовет...

— Бахтюков... Дяденька Бахтюков!

Раненый боец вздрагивает и открывает глаза. Значит, жив. Но почему он молчит? Почему не спрашивает про лекарство? Почему глаза как-то неестественно закатываются и голова безжизненно падает на плечо?

Он жив, но он может умереть.

Что делать? Мальчик стоит рядом. Его глаза расширены. Надо действовать! И если ты сам не знаешь как, позови на помощь!

Мальчик бросается к двери. На этот раз ему удастся справиться с замком. Он будит все спящие половицы, и они скрипят, каждая на свой лад. Но он ничего не слышит. Он бежит. Сам еще не знает куда.

Мальчик перескакивает через две ступеньки. Звенят железные подковки, прибитые к каблукам, чтобы не стаптывались. Скорей! Скорей! Подковки высекают искры. Мальчик уже знает, что ему делать: надо звонить в «скорую помощь».

Когда он вбежал в подъезд с синей табличкой «Телефон-автомат», там у аппарата стояли две девочки. Одна из них — коротышка с круглым, как луна, лицом — держала трубку и, сложив ладошку рупором, быстро говорила в микрофон. Другая — длинная, с глазами навывкате — что-то нашептывала на ухо подруге и не переставая хихикала.

— Что он говорит? Что он говорит? — шептала она так громко, что подружке приходилось закрывать микрофон ладошкой, чтобы не пустить туда шепот.

— Он в кино приглашает, — сказала девочка-луна своей любопытной подружке.

Та опять захихикала и зашептала еще громче — чуть не закричала шепотом:

— А ты скажи: не пойдем! Скажи: не пойдем!

Она повторяла каждое слово дважды, словно боялась, что подружка-луна не поймет ее с первого раза.

Несколько секунд мальчик молча наблюдал за девчонками. Он никак не мог отдышаться.

Наконец он пришел в себя.

— Кончайте! — сказал он сердито. — Мне в «скорую помощь» звонить надо.

Подружки враждебно посмотрели на мальчишку в коротеньком пальто, и та, что хихикала и подсказывала шепотом, насмешливо сказала:

— Знаем мы, какую тебе «скорую помощь»!.. Небось на каток спешишь.

И тут мальчик заметил, что держит под мышкой коньки, — сегодня они мешали ему на каждом шагу. Он подошел к девчонкам вплотную и грозно приказал:

— А ну кончайте!

— И не подумаем! — огрызнулась девочка-луна, прикрывая ладошкой микрофон. Потом на минутку оторвала ладошку и сказала в трубку: — К нам тут нахал пристаёт.

Зеленые глаза стали злыми и колючими. Там человек умирает, а эти девчонки смеются и кривляются. Мальчик резко оттолкнул пучеглазую и выхватил трубку из рук ее подруги. Девчонки от неожиданности взвизгнули и отбежали в сторону.

— Дурак! — крикнула одна.

— Нахал! — поддержала другая.

Мальчик прижал трубку к уху. Он услышал незнакомый мальчишеский голос:

— Так вы придете в кино? Чего же вы молчите?

Мальчику показалось, что этот голос доносился совсем из другого мира — беспечного и благополучного.

Он нажал рычаг, и тот, кто приглашал девчонок в кино, сразу замолчал.

Он набрал номер «03».

В трубке зазвучал молодой женский голос:

— «Скорая» слушает.

От неожиданности мальчик не знал, с чего начать. Он молчал. Голос нетерпеливо повторил:

— «Скорая» слушает. Что у вас?

— Тетенька, — заговорил мальчик, — человеку плохо.

— Фамилия? — бесстрастно спросил голос.

— Чья фамилия?

— Больного.

— Он не больной, он раненый.

— Где ранен?

— На фронте, под Орлом.

Наверное, там, в «скорой помощи», так привыкли ко всяким необыкновенностям, что даже не поинтересовались, при чем здесь Орел.

Нетерпеливый голос продолжал:

— Где находится пострадавший?

— Дома.

— Адрес?

Мальчик запнулся. Он не знал адреса. Он так и сказал.

— Я не знаю адреса.

— Так что же ты вызываешь «скорую помощь»? На деревню к дедушке, что ли, ехать? Узнай адрес и перезвони.

В трубке раздались короткие гудки. «Скорая» повесила трубку.

Мальчик тоже повесил трубку и оглянулся. Девчонок не было. Вероятно, убедившись, что нахальный долговязый мальчишка сказал правду, они тихонько выскользнули из подъезда.

Мальчик вышел из подъезда. Он ненавидел себя за беспомощность, за то, что, убегая, не посмотрел на номер дома раненого бойца. Да и названия переулка он тоже не знал толком: не то Гончарный, не то Дегтярный... Оставалось одно: бежать узнать адрес.

Мальчик уже собрался рвануться с места, когда до него донесся далекий звук санитарной сирены.

7

По улице мчалась «скорая помощь». Куда она спешила? К человеку, попавшему в беду? Или возвращалась на стоянку? Или она приняла сигнал бедствия и спешит на помощь раненому бойцу, даже не зная адреса?

Голос сирены нарастал. Он то взлетал под облака, то стремительно падал. Он звучал, как сигнал боевой тревоги.

А что, если эта почти крылатая машина с красным крестом промчится мимо?

Надо остановить ее!

И мальчик решил. Он выбежал на середину мостовой и преградил путь «скорой помощи». Расстояние от летящей машины до мальчика было очень небольшим. Оно сокращалось с каждым мгновением. Сирена выла истошно. Она взлетала и больше не падала. Она нагоняла страх. Мальчик закрыл глаза, но не тронулся с места.

И вдруг сирена умолкла. Машина резко затормозила. На мостовой было скользко, и ее занесло в сторону.

Когда мальчик с коньками открыл глаза, машина «скорой помощи» стояла совсем близко, развернувшись поперек дороги. А из распахнутой дверки уже выскакивал бледный шофер в фуражке с блестящим козырьком. Тяжело дыша от волнения, он подбежал к мальчику и замахнулся, чтобы ударить его. Но сдержался и не ударил. Только заговорил часто и сбивчиво:

— Какого черта! Шантрапа!.. Жить надоело? Под машину лезешь! Герой!

Но мальчик был защищен от ругательств невидимой броней своего смятения. И обидные слова отскакивали от этой брони, как дробинки. Когда шоферу не хватило воздуха и он замолчал, чтобы сделать вдох, мальчик, не поднимая глаз, сказал:

— Человек умирает.

— Где? — спросил шофер. Он сразу остыл, почувствовал себя на своем посту.

— Я вам покажу, — ответил мальчик.

Шофер нахмурился. Когда работаешь в «скорой помощи», готов ко всему. Но такого оборота дела он не ожидал.

Он полез в карман и достал оттуда пачку сигарет. Сунул одну в рот и чиркнул зажигалкой, зажатой в кулаке. Зажигалки не было видно, и казалось, что он извлек огонь из самого кулака.

— Идем к врачу, — сказал шофер, — он решит.

Когда мальчик и шофер подошли к машине, там уже начал собираться народ. «Скорая помощь», стоящая поперек мостовой, успела привлечь зевак. Они толпились у машины, спрашивая друг друга:

— В чем дело?

— Что случилось?

— Кого-нибудь задавили?

Но никто не лежал на мостовой, а к машине быстро шел шофер в фуражке с лакированным козырьком и долговязый мальчик с коньками под мышкой.

— Арсений Иванович, — сказал шофер, заглядывая в открытую дверку, — тут у малого с отцом плохо. А у нас вызовов нет. Поедем?

— Что с ним? — спросил из кабины басистый голос, обращаясь к мальчику.

Мальчику хотелось сказать, что шофер ошибся, что раненый боец вовсе ему не отец, а чужой человек. Но сейчас не было времени для объяснений. И он, стараясь говорить понятней и убедительней, сказал:

— Лежит без сознания. Раненый он. Осколок зашевелился в груди.

— Поехали! — решительно сказал врач.

Мальчик и шофер забрались в кабину. Снова завывла сирена, разгоняя зевак. И, присев на задние колеса, как конь перед скачкой, «скорая помощь» устремилась вперед.

8

Мальчик не знает, застанет он раненого бойца в живых или нет. Поэтому, открывая дверь, он чувствует, что у него слабеют руки. И ноги легонько дрожат в коленках. Всю дорогу он торопился, а сейчас вдруг замедляет шаги. Что, если Бахтюков не дождался его?..

Но медлить нельзя. За спиной стоят врач с чемоданчиком и два санитар с пустыми носилками. А внизу у подъезда дежурит машина «скорой помощи». Мальчик заходит в прихожую. За ним трое мужчин. Они здоровые, в белых халатах поверх пальто. От них сразу становится тесно в квартире.

Человек на диване по-прежнему бледен, глаза его закрыты.

От волнения мальчик сжимает в карманах кулаки.

Врач берет Бахтюкова за руку. Он считает удары пульса, поглядывает на часы. Раз считает — значит, пульс есть. Значит, Бахтюков жив. Хотя он не очень похож на живого. Потом врач засучивает рукав больного до самого плеча и берет в руки ампулу. Ампула похожа на маленькую сосульку. Врач щелкает сосульку по носу и ловким ударом отбивает стеклянный кончик. Потом опускает туда стальное жало шприца. Берет руку человека, лежащего без сознания, и прикидывает, куда бы лучше вонзить иглу.

Мальчик упирается большими пальцами ног в носки ботинок. Он вспоминает, как в школе ему делали прививку. Его тоже кололи шприцем. Было больно, но терпимо. В общем, пустяк. Но мальчику кажется, что Бахтюкову будет в сто раз больнее. Ведь ему и без укола плохо!

Мальчик прижимает локти к бокам и зажмуривается. Игла впивается в руку.

Санитары поставили носилки в угол, а сами сидят на стульях у стола. Они большие и тяжелые. Взгляд у них безразличный. Они не наблюдают за действиями врача. Они заняты своими мыслями. Им все знакомо. От постоянной встречи со страданиями и несчастьем их сердца покрылись черствой корочкой. У них свои заботы.

— Лестница узкая, — говорит один санитар другому, — боюсь, носилки не пройдут.

— Пройдут, — отвечает другой, — пройдут. Приподнять немного придется.

— Больной-то тяжелый.

Мальчик слышит за спиной их спокойный разговор, и ему хочется сказать им что-нибудь обидное. Но он не поворачивается к ним. Он смотрит на Бахтюкова. И Бахтюков открывает глаза.

Он видит мальчика. Мальчик стоит перед ним, как стоял в ту минуту, когда он потерял сознание. Может быть, мальчик никуда не уходил? Так и простоял у его изголовья целую веч-

ность, как бессменный часовой? Бахтюкову хочется улыбнуться этому долговязому, нескладному парнишке. Но вместо улыбки получается болезненная гримаса: очень больно. Он замечает врача и санитаров. Он все понимает.

— Что будем делать? — спрашивает он врача.

И врач, убирая шприц, отвечает:

— Поедем в больницу.

Бахтюков молчит, потом покорно кивает головой. Взгляд его становится озабоченным. С застенчивой улыбкой он просит мальчика:

— Сынок, будь другом, отправь телеграмму моим в Сапожок.

— Хорошо. Отправлю, — сразу соглашается мальчик.

И ему почему-то становится обидно, что человек сейчас думает о своем Сережке Бахтюкове. А этот самый Сережка небось гоняет с ребятами на лыжах...

— Принеси мне бумагу и карандаш.

Мальчик идет в соседнюю комнату. Календарный листок все еще зовет Бахтюкова к четырем часам на партком... На столе лежат две тетрадки Сережи Бахтюкова из 6-го «А». Мальчик берет первую попавшуюся и небрежно открывает ее. Это тетрадь по литературе. В ней написано сочинение. Большими аккуратными буквами выведено заглавие «Как я провел лето». Ни кляксы, ни помарочки. «Чистюля!» — презрительно думает мальчик и читает первые строки: «Лето я провел в городе Сапожке у бабушки. Это маленький город. В нем много зелени...»

Мальчик вырывает листок из тетради. Вырывает неровно, наискосок, пусть хозяин заметит, что лист вырван.

Бахтюкову трудно писать. Буквы получаются кривыми, будто им тоже плохо и они не держатся на ногах. Он пишет телеграмму в Сапожок, а врач делает запись в свою книжечку. Врач ставит точку, и санитары, как по команде, встают из-за стола. Они ставят носилки на пол. В боевое положение.

Мальчик смотрит на Бахтюкова. И вдруг он думает о том, каким бы он был счастливым человеком, если бы Бахтюков писал эту телеграмму ему, а не Сережке. Он смотрит на него с грустью. Он понимает, что сейчас-то они расстанутся навсегда. Бахтюков пишет долго. И мальчику хочется, чтобы он писал еще дольше. Чтобы он никогда не кончил писать эту телеграмму.

— Вот, — говорит Бахтюков и протягивает мальчику листок и деньги. — Держи. Сделай это, сынок. И вообще спасибо тебе.

Санитары кладут больного на носилки. Мальчик отходит в сторонку. Если бы он мог, он сделал бы это один. И сделал бы хорошо. А санитары так трясут Бахтюкова, и ему, наверное, больно.

Он стоит и не дышит. Ему начинает казаться, что все это не на самом деле. Показывают в кино, а он зритель. Он по другую сторону экрана. У него под мышкой коньки, а здесь, в комнате, носилки, белые халаты, запах лекарства. И человек — большой, хороший, близкий человек — в опасности.

Санитары берутся за ручки носилок.

— Взяли? — спрашивает передний.

— Взяли! — командует задний.

И носилки отрываются от пола.

Они плывут по комнате, по темному коридору. Мимо комнаты, залитой желтой солнечной краской. В замочную скважину протиснулся один луч солнца. Он прямой и светлый. В нем, как маленькие живые существа, кружатся пылинки. Когда носилки проплывают мимо, солнечный луч касается щеки раненого бойца. Он прощается с хозяином дома.

На улице мальчик говорит Бахтюкову:

— До свидания.

— Ты еще здесь? — отзывается раненый боец, и его глубокие большие глаза встречаются с зелеными глазами мальчика, полными печали.

Взвыла сирена. Машина забуксовала, вздрогнула, потом оторвалась и покатила.

А мальчик стоял и смотрел ей вслед, держа в руке неотправленную телеграмму.

9

Что толку в коньках, когда они бессмысленно торчат под мышкой! Будь они на ногах, можно было бы мчаться, сокращая время и расстояние. Но в городе на коньках не очень-то разъедешься. Лед сколот или посыпан песком. А в Голландии все пешеходы надевают зимой коньки. Там даже старушки катаются на коньках. Но там вместо улиц каналы, покрытые гладким синеватым льдом...

Коньки помогают, когда они на ногах, а когда их приходится нести под мышкой, они только мешают.

Опять мальчик спешит. Телеграмму нужно отправить поскорее. Ведь в телеграмме Бахтюков, наверное, зовет жену и сына, этого противного Сережку, который пишет сочинения каллиграфическим почерком, без единой помарки. Черт с ним! Раз Бахтюков хочет, пусть приезжает Сережка.

Одному уху все время тепло — оно под шапкой, а другое совсем замерзло. Но в спешке все некогда передвинуть шапку.

Зато на почте тепло. Здесь пахнет красным сургучом, тягучим клеем и еще каким-то неповторимым почтовым духом. За барьером в глубине стучит телеграфный аппарат. Его звук напоминает капель. Может быть, это тающие сосульки проникли за дверь, на которой висит строгая, как приказ, табличка: «Посторонним вход воспрещен!»

На почте мальчику сразу стало жарко. Он расстегнул пальто и размотал зеленый шарф. В распахнутом пальто он стал походить на галчонка с подбитым крылом. Он подошел к окошечку, где принимают телеграммы, и протянул листок.

— Это что за каракули? — рассердилась девушка за окошком. — Что ты, получше написать не мог? Не маленький! На́ бланк, перепиши.

Мальчик покраснел от неловкости, но не стал объяснять, что телеграмму писал не он, а раненый, у которого едва хватило сил удержать в пальцах карандаш.

Посреди почтового зала стояла конторка, похожая на деревянный гриб. Мальчик прислонил коньки к ножке гриба, а телеграфный бланк положил на шляпку. Не торопясь, стараясь уместить буквы в строку, он вывел адрес. Мальчик старался писать как можно аккуратнее, но почерк у него был нескладный, а буквы получались очень вытянутыми, им были малы строчки телеграфного бланка.

Когда адрес был написан, мальчик тяжело вздохнул — не легкая это работа — и стал писать текст.

«Заболел, — писал он. — Ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Только теперь, когда телеграмма была переписана, до сознания мальчика дошел ее смысл. Нет, Бахтюков никого не звал. Он просто сообщал о случившемся. Сердитые зеленые огоньки зажглись в глазах мальчика. Выходит, он для того только бежал на почту, чтобы сообщить Сережке Бахтюкову, что он может спокойно отдыхать в то время, когда отец его лежит в больнице и жизнь его в опасности?!

Мальчику захотелось порвать телеграмму. Написать новую, свою. В этой телеграмме он на все деньги отругал бы этого Сережку. Он бы высказал ему все, что о нем думает... Но он не сделал этого.

Когда телеграмма была написана, у окошечка уже образовалась очередь. Мальчик молча встал в очередь и стал ждать. Спешить было некуда. Когда людей в трудную минуту не зовут на помощь, а советуют им спокойно отдыхать, спешить не обязательно. Разве это не так?

Мальчик сходит со ступенек почты. Он никуда теперь не спешит. Он держит коньки не под мышкой, а в руке. Блестящий полоз холодит руку, но сейчас это не страшно: в городе потеплело, хотя солнце клонится на закат, земля подставляет под его лучи свой продрогший, зимний бочок. Греется.

Сосульки сбились со счета, и теперь их прозрачные капли без передышки стучат о камни, о подоконники, о крыши киосков. Их стук сливается в длинную пулеметную очередь. Это весна бьет из своего веселого пулемета по льдинам и снегам, по выюгам и морозам.

Мальчик оглядывается вокруг и замечает, что снежный наст в городском сквере осел и напоминает поверхность лунны. На его шероховатой кремнистой корочке виднеются маленькие лунные цирки. И пусть не скоро распустятся почки и прорастет трава — на еловых лапах, на самых кончиках, уже появилась свежая зелень. Темные прошлогодние иголки жесткие, а новые, весенние иголочки еще не окрепли, не научились колоться. Дотронься до них щекой, почувствуешь, какие они нежные.

Мальчик с коньками идет по городу...

Вот уж действительно человек, не следящий за своей внешностью! Даже мысль о встрече с девочкой в белой шапке не может заставить его привести себя в порядок. Интересно, она обратила внимание на то, что его не было на катке? Или он ей совсем безразличен, как и все остальные шкеты?

Плечи у мальчика опущены. А взгляд зеленых глаз усталый, растерянный. Одна рука держит коньки, другая свободна. Она болтается просто так, а когда хозяин спотыкается, помогает ему удержаться на ногах. Наконец она замерзла, и мальчик сунул ее в карман.

Пальцы нащупали какую-то бумажку. Ах да, это листок из тетради, который не приняли на почте. Мальчик вынимает

листок и пересчитывает слова, составленные из букв, которые еле стоят на ногах: «Заболел. Ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Отец... Это слово мальчик произносит вслух. Он никогда в жизни не произносил этого слова, и ему хочется знать, как оно звучит. Он не узнает собственного голоса. Ему кажется, что кто-то другой произносит это слово.

Мальчик представляет себе, как произносит слово «отец» Сережка Бахтюков. Ему даже чудится, что он слышит его голос. Мальчик морщится, как музыкант от фальшивой ноты.

И вдруг ему начинает казаться, что ни Сережка, ни его мать не поедут к отцу. Они не покинут раньше срока город Сапожок и не примчатся к человеку, который сейчас страдает в больнице. К человеку, которого зовут «отец».

Он представил себе Бахтюкова одного на больничной койке. И почувствовал, как в уголках глаз горько накапливается слеза. А что, если сходить в больницу? Просто так, узнать, как здоровье больного Л. Бахтюкова. Передать привет и уйти. Все человек не будет себя чувствовать таким одиноким.

Да и на каток ему совсем неохота. Нет настроения. На каток можно сходить и завтра.

Мальчик перешел на другую сторону и, незаметно для себя ускоряя шаги, направился в городскую больницу.

11

У каждого дома есть свой запах, даже если дом нежилой. У почты — почтовый запах, у булочной — хлебный, у больницы — лекарственный.

Почтовый запах рассказывает о посылках и бандеролях, о свежих газетах и заморских марках, отмеченных черными радугами печатей. Запах булочной рассказывает о поджаристых корочках, о бубликах, усыпанных черными дробинками мака, о булочках, залитых сладкой глазурью.

Больничный запах не таит в себе ничего хорошего. Он встречает человека на пороге и сразу отравляет ему настроение рассказом о боли и страданиях.

Этот запах встретил мальчика за дверью с надписью «Приемный покой».

В приемном покое стояла торжественная тишина. Собственно, это был не сам приемный покой, а лишь коридор перед ним. На скользком кафельном полу стоял белый деревянный диван. И больше ничего здесь не было.

Мальчик сделал несколько неуверенных шагов и очутился перед стеклянной дверью. Дверь была приоткрыта. Мальчик заглянул туда и сразу встретился взглядом с дежурным врачом. Врач был в белой шапочке и с большой черной бородой. Рукава халата были закатаны до локтей. Вид у врача был строгий и, как показалось мальчику, немного свирепый. Заметив посетителя, врач смерил его строгим взглядом и вышел в коридор. Он подошел к мальчику и задал ему самый неожиданный вопрос:

— Что это у тебя за коньки? Дай-ка сюда.

Удивленный мальчик протянул доктору коньки. Тот взял их в руки и попробовал лезвие ногтем: острые или нет. Врач рассматривал коньки, а мальчик не отрывал глаз от врача. Доктор был молодым. У него не было ни единой морщинки, а щеки были такие румяные, будто их обладатель только что пришел с катка. Мальчик сделал это открытие, и ему сразу стало легче. Он сказал:

— К вам привезли больного. Его зовут Л. Бахтюков. Как его состояние?

Врач протянул мальчику коньки и почесал бородку.

— Бахтюков? — повторил он. — С осколком?

— Да, да, — подхватил мальчик, — его привезли на «скорой помощи».

— К нам всех на «скорой помощи» привозят, — сказал врач.

Мальчик промолчал.

— Случай тяжелый. — Голос врача сразу потеплел, а от свирепости не осталось и следа. — Я сейчас узнаю, как дела. А ты посиди здесь на диване. — И доверительно добавил: — Вообще-то здесь не положено быть посторонним. Но случай тяжелый.

Доктор скрылся в своем приемном покое, а мальчик сел на диван. Он сел и сразу почувствовал во всем теле такую слабость, что зажмурил глаза. Ему даже показалось, что он уже ни за что не сможет подняться на ноги.

Он слышал, как за стеклянной дверью молодой бородатый доктор звонил по телефону, как он расспрашивал о Бахтюкове, как называл себя доктором Коном из приемного покоя.

Через некоторое время он снова появился в дверях. Он испытующе посмотрел на мальчика и сказал:

— Вот что. Сейчас отца будут оперировать. Будешь ждать?

— Буду!

Доктор одобрительно кивнул ему головой и скрылся за дверью.

12

Есть люди, созданные для сидения на месте. Их девиз: в ногах правды нет. И есть непоседы. Они ерзают на стуле, с трудом досиживают до конца урока и, стоя в очереди, испытывают ни с чем не сравнимые муки. Из таких людей вырастают путешественники и строители, разведчики и почтальоны. У них правда в ногах, в движении, в смене впечатлений.

Мальчик с коньками принадлежал к такой породе людей.

Почему же сейчас в приемном покое городской больницы он сидит смирно? Не ерзает? Не болтает ногой и не барабанит пальцами по белому больничному дивану? Но это вовсе не значит, что он спокоен.

Его мысли мечутся. Как проходит операция? Больно Бах-

тюкову или на него действует наркоз? Наверно, все-таки больно...

Мысли переносят мальчика в операционную. Он представляет на операционном столе себя. Он старается причинить себе боль... Для этого он вспоминает, как однажды летом наступил босой ногой на гвоздь. Гвоздь вошел глубоко. Сначала было не очень больно. Потом ранку обожгли йодом. От боли он прыгал на одной ноге. Потом острая боль стала тупой и долгой.

Мальчик почти физически ощутил эту боль. Он даже пошевелил ногой в ботинке.

Но Бахтюкову, конечно, еще больнее.

И вдруг мальчик мысленно очутился возле города с гордым названием Орел. Он видит степь с птичьего полета. Сверху огневые позиции противотанковых орудий похожи на кротовые норки: вокруг насыпь из свежей земли. А фашистские танки, которые ползут по степи, похожи на желтых черепах. Черепахи медленно приближаются к кротовым норкам.

Он видит, как над кротовыми норками замелькали вспышки. Это ПТО открыли огонь по танкам. Вот один танк остановился. Из него повалил густой, черный дым. Дым разрастается. Он ползет по траве, застилает черепах и кротовые норки. Уже не видно, что делается на земле. Только в дыму сверкают вспышки ПТО, как в туче отблески молний.

Мальчику кажется, что он идет по земле, разгребая дым руками. Дым густой, как вода, он мешает идти. Земля черная. Она пахнет пожаром, как старая солдатская трубка в столе Бахтюкова.

Вот пушка Бахтюкова... А вот сам Бахтюков. Худой, похожий на младшего брата нынешнего Бахтюкова. На нем гимнастерка с расстегнутым воротом... Пушка ПТО стреляет. После каждого выстрела она приседает, а ствол откатывается назад, будто хочет спрятаться, но потом раздумывает и возвращается обратно. А Бахтюков кричит: «Огонь! Огонь!»

И чем громче кричит Бахтюков, тем сильнее стреляет пушка.

«Огоны!» — кричит Бахтюков, и огонь срывается с губ Бахтюкова. И переносится на танк. И танк горит.

Но следующий танк успевает выстрелить. Бахтюков падает. Пушка опрокидывается. Колеса беспомощно вращаются.

...Бахтюков лежит в траве. Он бледный, с непокрытой головой. На белых бурках кровь... Да нет, не на бурках — на сапогах...

Бахтюков большой и тяжелый, но мальчик несет его на руках... Он прикрывает его собой от осколков фашистских «фердинандов».

Сердце стучит громко. На весь приемный покой. Нет покоя в приемном покое. Сюда привозят больных, измученных людей. Здесь тревожатся о своих близких. В насмешку, что ли, назвали это место «покоем»?

Мальчик ждет. Он сидит на месте. Но мысли его беспокойны. Нет для него сейчас ни катка, ни города, ни дома. Есть только раненый боец. Он командует мыслями мальчика, и мысли подчиняются одному ему.

13

Оказывается, мысли тоже устают. Они замедляют ход. Перестают метаться. Но они не дремлют. Они ждут.

Мальчик устало прислонил голову к стене. Его глаза смотрят в одну точку. Они уже не видят ни окопа ПТО, ни фашистских танков.

— Кто от Бахтюкова?

Мальчик вздрагивает и вскакивает с дивана.

— Я!

Перед ним пожилая медицинская сестра. Она такая полная, будто надела халат поверх шубы, как санитары «скорой помощи».

— Ты? — произносит сестра густым, почти мужским голосом.

Она говорит степенно, с расстановкой, будто читает по бумажке.

— Операция была тяжелой. Больной потерял много крови. Но все обошлось благополучно.

И вдруг по-бабьи жалостливо смотрит на мальчика и говорит совсем другим, женским голосом:

— Ты не волнуйся. Будет жить отец. Организм у него могучий.

— А скоро он поправится? — спрашивает мальчик.

— До зеленых листиков полежит, — говорит сестра. — Теперь беги домой. Скажи матери, чтоб не волновалась... А это тебе на память.

Сестра протянула мальчику маленький кусок ржавого железа.

— Что это? — Мальчик вопросительно поднял глаза на сестру.

— Осколок.

Это был тот самый осколок, который через много лет после конца войны вдруг ожил и осмелился сделать то, что ему не удалось там, в степи под Орлом: поразить сердце бойца.

— У самого сердца отыскался, — пояснила сестра и, спохватившись, заторопилась: — Ну, мне пора. Передать что-нибудь отцу?

Мальчик задумался. Что передают сыновья больным отцам?

— Передайте, что дома все в порядке. Целуют его... все. И пусть скорее поправляется.

Слова показались ему сухими, но других он не знал.

Сестра ушла.

Она ушла туда, где в тихой палате, весь в бинтах, лежал бывший старшина Бахтюков. Он лежал с открытыми глазами и скрипел зубами от боли.

Сестра подошла к нему, поправила подушку и как бы невзначай сказала:

— Какой у вас хороший сынок!

— Сынок? — Бахтюков, забыв про боль, слабо улыбнулся.

— Он всю операцию в приемном покое просидел. Волновался.

— Сынок, — прошептал Бахтюков и почувствовал, что боль стала слабее.

Значит, телеграмма пришла вовремя. Значит, сын, узнав о его болезни, не пожелал отдыхать, а примчался в родной город!..

Человеку было невдомек, что никакая телеграмма-молния не могла так быстро дойти до дальнего города Сапожка и тем более привезти ему сына.

14

В городе стемнело. Уже не видно лунных цирков на корочке осевшего снега. Уже на елочках нельзя различить молодые, нежные иголки от старых, колючих и жестких. Уже скрылись из глаз скользкие серебристые сосульки. Но хотя земля повернулась к солнцу другим боком, в городе тепло, и невидимые сосульки продолжают таять.

По городу идет мальчик с коньками под мышкой.

В темноте не видно, что одна пуговица вырвана с мясом, а на шарфе чернильное фиолетовое пятно. И не видно, что он вырос из пальтишка и из лыжных брюк. Все ему коротко, все не по росту. Но кто виноват, что мальчики так быстро растут?

На каком ухе сидит старенькая шапка? Не все ли равно. Когда весна своим теплым, влажным дыханием касается лица, это не имеет значения: уши не мерзнут. И только ботинки, набегавшиеся за день по лужам, промокли, и ногам холодно.

Мальчик думает о высоком, крупном человеке в меховой куртке, сделанной из шкуры черного зверя, о боевом ордене, и о прокуренной трубке, и о рецепте, выданном санчастью с номером полевой почты. Он думает о человеке, которого ему недоставало всю жизнь. И теперь этот человек нашелся, но он принадлежит не ему...

Мальчик думает о том, что он на месте Сережки бросил бы все на свете и примчался к отцу... Нет, он бы вовсе не уезжал от отца ни к какой бабушке, ни в какой Сапожок. Он бы всегда был рядом с ним, чтобы в любую минуту прийти на помощь.

Мальчик не замечает, как справа от него вырастает забор стадиона. На катке уже не звучит музыка, не горят веселые лампочки и не слышно зазывного шороха, который издают коньки, разрезающие лед.

Под единственной лампочкой на воротах висело объявление:

«Ввиду теплой погоды каток закрыт».

Мальчик сжал кулак и почувствовал боль. В руке был зажат осколок, который мог вонзиться в сердце Бахтюкова. Мальчик сжал кулак крепче, и ему стало еще больней.

И вдруг мальчик обрадовался. Он может терпеть боль, и ему наплевать, что каток закрыт. И он смеется над счастливым Сережкой, хотя у того есть отец. И человек, назвавший его «сыном», будет жить и поправится до зеленых листиков. И хотя ноги мерзнут, это хорошо, — значит, в городе много луж, значит, весна спешит и скоро появятся эти самые зеленые листики.

Мальчик расстегнул свое коротенькое пальто, переложил коньки в другую руку и зашагал домой.

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Димка глотнул побольше воздуха и побежал. И сразу тонкие стволы берез превратились в белые мелькающие спицы. Они вырастали перед глазами и, просвистев над головой, падали за спину. И Димке казалось, что он топчется на месте, а огромное колесо с белыми спицами катится все быстрее и быстрее.

Неровная короткая челка прилипла ко лбу. Губы пересохли. Сердце изнутри било в грудь. А белые спицы так быстро летели навстречу, что даже рябило в глазах.

Маршрут лагерной эстафеты проходил по лесу, пересекал поле и без моста перемахивал через реку. Две палочки — какая быстрее? — должны были совершить кругосветное путешествие и возвратиться в лагерь, как некогда корабли Магеллана, опоясав Землю, вернулись в родной порт.

На полпути Димке стало казаться, что если он замедлит бег, то белое колесо отнесет его обратно, а его соперник вырвется вперед.

Соперником была девчонка. Димка не видел ее, только очень близко слышал частое, прерывистое дыхание. Оно подгоняло Димку. Коленки, как выстреленные, взлетали вверх, а локти отталкивались от ветра.

И вдруг дыхание умолкло. Димка подумал, что его соперница отстала, и оглянулся. Девчонка лежала на земле. Она, видно, споткнулась о толстый корень и упала. Сначала Димка обрадовался и припустил сильнее, чтобы она не успела подняться и догнать его. Когда он еще раз оглянулся, девчонка была уже на ногах и, на ходу потирая разбитую коленку, бе-

жала за ним. Она бежала медленно: боль причиняла ей страдание. Локоть тоже был ободран.

Димка замедлил бег. Он почему-то забыл, что девчонка из чужой команды, что она его соперница. Он дал ей догнать себя. И когда она поравнялась с ним, крикнул:

— Не торопись, я не буду тебя обгонять!

— Нет, обгоняй! — вспыхнула девчонка.

Димка опешил. Он хотел было прибавить ходу: не хочешь — не надо! — но продолжал бежать рядом. Он бежал, не глядя на девчонку с разбитой коленкой, а белые спицы мелькали все реже и реже, словно колесо собиралось остановиться. И чем дольше он бежал, тем больше ему нравилось, что она сказала: «Нет, обгоняй!»

На повороте Димка украдкой посмотрел на свою соперницу и еще больше замедлил бег. Тогда девчонка крикнула ему через плечо:

— Не смей отставать! Ни на шаг не отставай, слышишь! Тебе говорят!

До рубежа уже оставалось немного. Неожиданно девчонка сказала:

— Меня зовут Ася. А тебя как?

— Дима.

В это время впереди закричали:

— Давай, давай!..

Они сразу отвернулись друг от друга. И сразу превратились в соперников. А навстречу им летели голоса:

— Ася, нажимай!..

— Димка, Димка, не отставай! Жми!..

Но никакая сила не могла заставить Димку обогнать Асю.

В полдень на окраине лагеря, на высоком столбе, горит лампочка. Ее забыли погасить, и никто не замечает, что она светится. Простой лампочке трудно соперничать с ослепитель-

ным июльским солнцем. Только ближе к ночи станет заметно, что она горит.

Димка стоит у столба и думает, как погасить бесполезно горящую лампочку. Отыскать выключатель или вскарабкаться на столб? И тут появляется Ася.

Лампочка сразу погасла: Димка забыл о ней.

Ася босоногая. На ней узенькие сатиновые брючки и кофта-размахайка. А сама Ася загорелая, коричневая с головы до ног. Только зубы белые. И Димке кажется, что Ася приехала в лагерь с далекого заморского острова, где все люди коричневые и белозубые.

Ася смотрела на Димку, а руки держала за спиной. Потом, не говоря ни слова, она протянула Димке крепко сжатый коричневый кулачок. Что там? Попробуй угадай! Ася улыбнулась уголками глаз и разжала кулак. На ладошке лежало четыре земляничины. Они придушились в кулаке, и ладошка стала розовой от земляничного сока.

Димка уставился на ягоды, не зная, что он должен делать. Ася нетерпеливо повела плечом.

— Ну бери. Бери же!

Димка неуверенно взял одну ягодку, самую маленькую. Ася протянула руку ближе.

— Бери все.

— Давай поровну, — возразил Димка. — Две тебе, две мне.

Ему было неловко есть одному первые появившиеся на свет земляничины.

— Нет, бери все!

И вдруг Ася шагнула к Димке и ладошкой запихнула ему ягоды в рот. От неожиданности Димка чуть не подавился, а его губы и подбородок стали розовыми. Он чувствовал себя неловко и даже не распробовал вкуса ягод. Ася засмеялась.

— Вкусно? — спросила она.

— Вкусно, — поспешил ответить Димка, вытирая рот рукой.

— То-то!.. — сказала Ася и, повернувшись на пятках, побежала к зеленому сосняку.

Сам не зная почему, Димка побрел за ней. Он зашагал по белому песку, на котором, как рассыпанные тонкие гвозди, лежали сосновые иглы. На песке Асины босые ноги отпечатали четкие следы. И Димка наступил на них. Следы были маленькие, и он шел на носочках, чтобы не разрушить их. Ему казалось, что они мягкие и теплые не от песка и солнца, а оттого, что их оставила Ася. Ася сидела на бугорке, обняв руками колени и положив на них голову. Она зажмурила глаза и подставила солнцу одну щеку.

Димка остановился перед Асей. Ему хотелось заговорить с ней, но он не знал, с чего начать. Он был уверен, что Ася не видит его, но она, не поднимая головы, неожиданно сказала:

— Садись. Ты заслоняешь мне солнце.

Димка послушно опустился на песок. Он сел не рядом, а чуть поодаль, там, где стоял.

— Что ты молчишь? — спросила Ася.

Он сказал невпопад:

— На столбе горит лампочка. Надо ее погасить.

— А зачем ее гасить? — отозвалась Ася.

Она открыла глаза и посмотрела на лампочку, которая горела над низкими сосенками, как маленькая бесцветная звезда.

— Звезды тоже горят днем, хотя их никто не замечает, — сказала Ася, не сводя глаз с лампочки.

Теперь Ася думала о лампочке, а Димка — о землянике. Они поменялись мыслями.

Всю жизнь Димка побаивался девчонок. Когда он был поменьше, то бил их из страха, что они первыми поколотят его. Он боялся их насмешливых глаз, их колких шуток, их умения

делать все лучше, чем он. Но в Асе не было настырности и обстоятельности, которую Димка терпеть не мог в девчонках. Ася ничего не допытывалась и на лету меняла темы разговора.

— А у меня есть подружка, — неожиданно произнесла Ася, — Клавочка. И она мне вчера сказала: «Я хотела бы стать бабочкой и жить двадцать четыре часа!» Как ты думаешь, она дура?

— Дура, — охотно согласился Димка.

Но Ася покачала головой:

— Просто чудачка.

Она представила себе Клавочку в виде огромной капустницы лимонного цвета. Капустница Клавочка махала крыльями и летала низко над лагерем. И поглядывала на часы: не пора ли умирать? Ася улыбнулась своим мыслям, а Димка подумал: «Чего она улыбается?» — и пожал плечами.

В это время кто-то совсем близко крикнул:

— Жених и невеста! Жених и невеста!

Димка вскочил на ноги. Глаза его болезненно сощурились, а кровь так горячо ударила в щеки, что они загорелись, как от ожога. Он почувствовал страшную неловкость и не мог взглянуть на Асю, словно в чем-то был виноват перед ней. Тогда Ася поднялась с земли и сама подошла к Димке. Она заглянула ему в лицо, будто ничего не произошло.

— У нас дома есть фотография, — сказала Ася, — мама снята в белом платье до земли, а папа — в черном костюме, застегнутом на все пуговицы. Оба стоят навтыжку и смотрят в одну точку. Папа — жених, мама — невеста. Ужасно смешно!

Ася попыталась представить себе Димку в черном костюме, застегнутом на все пуговицы, а себя — в белом платье. Она хотела улыбнуться, но из этого ничего не вышло.

...У каждого отряда есть свой вожатый, свой воспитатель и своя маленькая самостоятельная жизнь. Ася и Димка были в разных отрядах и поэтому виделись редко.

После случая в сосняке они старались не оставаться одни. И если вели свои разговоры, то на виду у всех ребят. Что здесь такого особенного? Но в лагере заработал «испорченный телефон» — игра, в которой правда превращается в ложь. По невидимым проводам из уха в ухо пошли четыре слова: «Димка — Ася. Жених — невеста».

Стоило Асе и Димке очутиться вместе, как они начинали чувствовать на себе косые взгляды и до них долетал насмешливый шепоток. Димка краснел и злился. Но это только подливало масла в огонь.

Злые языки дали себе полную волю. Впрочем, языки были не столько злые, сколько длинные и озорные. И у них был свой спортивный интерес подстеречь Димку и Асю и откуда-нибудь из-за угла крикнуть: «Жених и невеста! Жених и невеста!»

Однажды Клавочка отвела в сторону Асю и сказала:

— Можно встречаться, но зачем же на виду у всех?

Ася презрительно повела плечами.

— А нам нечего скрывать. Мы дружим. Чего здесь плохого?

— Плохого ничего нет, — сказала бабочка-капустница, — но все же...

Она поджала губы и упорхнула.

В тот же вечер с Асей говорила отрядная вожатая Майя. Она стригла ногти маленькими блестящими ножницами и как бы между делом спросила:

— Что это у тебя с Димой?

— Мы дружим! — обрубил Ася.

Веселая невозмутимая Ася начала терять терпение. Майя испытующе посмотрела на Асю. Блестящие ножницы заработали быстрее.

— Надо дружить со всеми мальчиками.

— А если все мальчики не нравятся?

Ножницы остановились.

— Ах, вот что!.. Хороша дружба! — Майя даже покраснела от возбуждения. — Значит, дружат только с теми, кто нравится?

— Конечно! Если человек не нравится, какой же он друг?

Ножницы похожи на блестящий птичий клюв. Клюв широко раскрылся от удивления и замер. Майя попала в затруднительное положение. Вероятно, в глубине души она была согласна с Асей, но признаться в этом не решалась.

Ножницы-клюв медленно закрылись, обрезали дальнейший разговор.

А в это время на другом конце лагеря вожатый Сережа и Димка шли, заложив руки за спину.

Сережа был человек огромного роста. На его широких плечах трещали все рубашки, и ни один воротничок не сходил с шеи. Поэтому он всегда ходил в майке. А так как ножища у него была дай бог и ботинки ему шили на заказ, то ходил Сережа босиком: не стаптывать же заказные ботинки. Он был кузнецом, а в лагерь попал по комсомольскому поручению.

Этот большерукий и большеногий парень долго не мог приступить к разговору с Димкой. Хорошо, что было темно, и Димка не видел, как его вожатый краснел от неловкости. Наконец он выдавил из себя:

— Слушай, что у тебя там произошло с этой... Асей?

— Ничего не произошло! — задиристо ответил Димка. И тут же перешел в наступление: — Что, мне поссориться с ней? Да?

— Ссориться не надо, — примирительно сказал Большой Сережа.

— А что надо? — кипел Димка.

— Что ты меня спрашиваешь! — не выдержал Сережа. — Если бы знал, сам бы тебе сказал... А ссориться не надо.

Вожатый начал отчаянно лохматить свои короткие волосы, будто они виноваты в том, что он попал в такое затруднительное положение. Он бы с радостью помог Димке, но сам был молодым и неопытным.

И вдруг он спросил:

— Слушай, а может быть, ты ее... любишь?

Димка резко повернулся. Слово «любишь» обожгло его. Он не знал, что делать с этим словом: отшвырнуть от себя или взять под защиту.

— Мы дружим, — деревянным голосом ответил он и снова отвернулся.

Димка стал держаться особняком. Худой, взъерошенный, он был похож на волчонка. Он огрызался на каждую шутку. Ему все время чудилось, что ребята смотрят на него недобро и насмешливо.

Ася, напротив, держалась как ни в чем не бывало. Она бегала с подружками, отчаянная, босоногая. Ее кофточка-размахайка то появлялась, то исчезала. А Димка думал, что Ася в чем-то предала его, что она чуть ли не на стороне насмешников.

Кожаный мяч взлетает ввысь. Он летит высоко-высоко. Сейчас он выйдет из-под власти земли и превратится в новый маленький спутник. Десятки глаз провожают его. Но мяч вдруг останавливается — раздумал покидать землю — и начинает падать вниз.

Димка первый подбегает к неудавшемуся спутнику и ловко поддевает его стоптанным ботинком. Он бежит по краю большого поля, тоже стоптанного, как и ботинок. Может быть, мяч привязан к его ноге невидимой ниткой: почему он не отскакивает дальше метра и никто не может отнять его у Димки? Димка бежит к воротам противника, а мяч послушно катится впереди.

Теперь их уже никто не остановит. Они — мальчик и мяч — вырвались вперед.

И вдруг кто-то кричит:

— Эй, жених, пасуй мне! Давай сюда, жених!..

Димка останавливается. В десяти шагах от него бежит кряжистый паренек в огромных футбольных бутсах. Это Сашка Лимонов. Димка останавливается и, забыв про мяч, бежит к Сашке.

— Жених, — кричит тот, — что ты отдаешь мяч?

В два прыжка очутился Димка рядом с Сашкой. Тот стоял, ничего не понимая, а Димка налетел на него, сбил с ног и, усевшись ему на плечи, изо всех сил стал дубасить его кулаками.

Он не слышал свистков судьи, не видел сбежавшихся ребят. Он бил Лимона за обиду, за свой стыд, за Асю. Будто один Лимон был во всем виноват.

Ребята оттащили Димку. Кто-то дал ему хорошего «леща». Димка никого не видел и не слышал. Он побрел прочь.

К вечеру весь лагерь знал о происшествии на футбольном поле.

— За что ты побил Лимонова? Отвечай.

Димка стоял перед линейкой и молчал.

— Что, у тебя язык отнялся?

Димка закусил губу, словно боялся проговориться. Его мучила обида. Ему казалось, что за спиной стоит целая шеренга недобрых людей, которые рады потешиться над ним.

— Ты будешь отвечать?

Старшая вожатая теряла терпение.

И вдруг за спиной раздался тоненький голосок:

— Он не виноват. Лимон дразнил его.

— Это что еще за новости?! — сказала старшая вожатая. — Тебе скажут слово, а ты — в драку? Как он тебя дразнил?

Димка похолодел. Тонкий голосок сказал:

— Женихом его дразнят.

Голосок принадлежал пареньку из младшего отряда. Он звучал тихо, будто хотел подсказать Димке, но услышали все. Слово «жених» пришлось Димке как удар. Он сорвался с места и побежал. Он бежал, не глядя себе под ноги, и ему казалось, что все триста человек преследуют его.

— Вернись! — крикнула старшая вожатая.

Но Димка не слышал ее голоса.

Он добежал до окраины лагеря и остановился, чтобы перевести дух. Он очутился у лампочки, которая почему-то горела и днем. Это была самая обыкновенная лампочка в сто свечей. Но Димке почудилось, что она посылает во тьму сигналы: «Он здесь! Он здесь!» Димка поднял с земли камень и запустил им в лампочку. Он промахнулся, но задел провод. И лампочка закачалась. Тени забегали по траве. Они то вытягивались, то сжимались. Вся земля качалась. А звезд не было видно. Как это жалкая лампочка сумела затмить их?

Димка отвернулся от столба и увидел Асю.

Неяркий свет лампочки освещал ее лицо. Теперь Ася не показалась Димке туземкой далекого острова коричневокожих и белозубых. Она была простой девчонкой. В ее глазах светилась тревога, а рот был слегка приоткрыт.

— Ты зачем здесь? — спросил Димка.

Ася пропустила его вопрос мимо ушей.

— Что будем делать? — твердо спросила она.

— Это не твое... — начал было Димка, но запнулся.

Он поднял глаза на Асю и все понял. Значит, она на виду у всех ребят бросилась следом за ним. Не побоялась насмешек, не испугалась совета лагеря. И она не уговаривает его вернуться на линейку, а спрашивает: «Что будем делать?» Димке стало не по себе. Он отвернулся и сказал:

— Я не вернусь в лагерь.

— И я, — отозвалась Ася.

Лампочка все еще качалась, и тени танцевали на траве. Но Димка уже не замечал этого.

— Ты не ходи. Зачем тебе идти? — примирительно сказал он.

— Пошли, — сказала Ася и, не дожидаясь его, направилась к лесу.

Она сказала так решительно, что получалось, будто она уводит его из лагеря, а он послушно идет за ней. И Димке неожиданно стало легче.

Лесная дорога казалась бесконечно длинным коридором, в котором погашен свет и, того и гляди, можно на что-нибудь наткнуться. Между ветвями деревьев горели звезды, которые, как известно, горят и днем. Просто они незаметны, как лампочка, которую забыли погасить с приходом солнца.

— Я боюсь змей, — сказала Ася.

— Ночью змеи спят, — отозвался Димка.

Через несколько шагов Ася сказала:

— Ты смелый.

Согласиться с Асей было бы хвастовством, а возразить ей значило бы расписаться в трусости. Димка сказал:

— Это я с тобой не трушу.

— Ты и без меня не трусишь.

— Ну да, в лесу-то?

И снова тихо.

Димка и Ася идут совсем близко. Ася касается его плечом. Правда, Асино плечо пониже. Оно упирается в Димкину руку.

— А ты в какой школе учишься?

Это спрашивает Ася.

— В тридцать второй. А ты?

— В пятьдесят четвертой.

— Недалеко. Остановок пять, а может быть, четыре... А спортзал у вас хороший?

— Потолок низковат... А у вас мальчишки танцуют с девочками?

— По праздникам.

Они все шли и шли. Им стало холодно, потому что одеты они легко. А лес все темнел. И теперь Ася и Димка уже не видели друг друга. Но Димка слышал Асины шаги, дыхание. И ее плечо упиралось ему в руку.

— Нам только ночь пережить, — сказал в темноте Димкин голос.

— А утром? — отозвался Асин голос.

— Найдем дорогу до станции и уедем. А может, тебе вернуться?

Асин голос как ни в чем не бывало сказал:

— У тебя спички есть?

— Нет!

— Жаль. А то бы костер разожгли... Давай сядем. Может быть, уснем.

— Давай, — согласился Димкин голос.

Они свернули с тропинки и стали отыскивать место посуше. Ночная прохлада и неустроенность отвлекли их от тревожных мыслей. Они уже не думали о том, что произошло на линейке. И не загадывали, что их ждет завтра. Им нужно было как-нибудь скоротать ночь в темном незнакомом лесу.

Ася сказала:

— Давай сядем спина к спине. Так будет теплей.

И они сели на кочку. И сразу обоим стало теплей. Они сидели спиной друг к другу, словно заняли круговую оборону от всех неприятностей. Им стало спокойно. Они боялись пошевелиться. Боялись произнести слово.

И они уснули.

Проснулись они от холода. В первое мгновение ни Ася, ни Димка не могли понять, где они находятся и что с ними происходит. Поеживаясь, потирая руками плечи, они подня-

лись с мягкой кочки, на которой сидя провели ночь. Холодная дрожь колотила Асю, и зубы ее легонько стучали. А Димка дышал в ладоши, словно на морозе.

Вокруг них миллионами живых, трепещущих огоньков сверкал утренний мир. Капельки росы блестели на острие со-
сновых иголок, на тонких проводах паутины, уходящих куда-то в глубь леса. Воспоминания вчерашнего дня все не решались подступиться к ним.

Они смотрели друг на друга, и им казалось, что они знакомы целую вечность, с первого класса, а может, и раньше. И что вся их жизнь прошла вместе. От этого чувства они повеселели.

— Выспалась?

— Ага. Тебе не холодно?

— Прямо жарко!

— Слушай, давай уоемся? Вот так.

Ася присела на корточки, сгребла с травы капельки росы и провела мокрыми ладонями по лицу.

И тут она заметила в глазах Димы настороженность. Он тревожно смотрел в конец просеки. Ася поднялась и тоже посмотрела. В легкой предрассветной дымке она увидела бегущего человека. Человек был большой, и бежал он крупными прыжками. На нем белая майка, а ноги босые. Это был вожатый — Большой Сережа.

Ася посмотрела на Димку. Их глаза встретились. Они поняли друг друга и, не сговариваясь, побежали. Теперь уже не тоненькие спицы берез летели навстречу — вся земля, массивная и влажная, уходила из-под ног. Они бежали от позора, от обиды. Они спасали что-то незримое, бесконечно дорогое...

Но от Сережи не так-то просто уйти: у него шаги землемера. И вот уже за спиной совсем близко прозвучал его голос:

— Да стойте вы!..

Они выбились из сил, и Сережа в два прыжка очутился рядом. Все трое, тяжело дыша, стояли на лесной просеке.

И никто не мог заговорить: мешала одышка. Димка и Ася посмотрели в лицо Сереже и не узнали его: глаза запали, волосы спутались. Белая майка вся изодрана.

— Я вас всю ночь ищу! Мне же за вас голову снимут! — сказал Сережа.

И потом обиженно пробормотал:

— И надо же было мне согласиться поехать в лагерь! Вот имей дело с таким народом... Пошли!

Последнее слово он произнес твердо и сердито.

Димка и Ася стояли на месте.

— Пошли! — повторил Сережа. — Чего стоите?

— Не пойдем, — сказала Ася и тут же посмотрела на Димку, ища у него поддержки.

Димка молча стоял на просеке и враждебно смотрел на Сережу. Было такое впечатление, что он сейчас кинется на своего вожатого с кулаками.

И тут Сережа своими огромными ручищами схватил беглецов за руки, и те сразу почувствовали его огромную силу. Они даже не вырывались: им было стыдно вырываться. Димка только сказал:

— Все равно убегу!

— И я! — поддержала его Ася и сжала губы.

Все трое шли молча. Солнце медленно поднималось, и уже первые прямые лучи скользили вдоль просеки.

Они потеряли счет времени. Они шли, подчиняясь какой-то странной силе, какому-то чужому порядку.

И вдруг Большой Сережа остановился. Он остановился и отпустил руки ребят. Потом он спросил:

— У вас есть деньги?

Беглецы молчали. Они не понимали, для чего Сереже понадобились деньги.

Тогда вожатый полез в карман и достал оттуда рублевую бумажку.

— Держи! — Он протянул бумажку Димке.

И тот, не понимая, в чем дело, механически взял ее.

— До станции тут километров пять, — сказал Сережа. — Дойдите по просеке до шоссе, а там налево. Вот.

Он отвернулся и, не оглядываясь, зашагал по направлению к лагерю.

Ася и Димка стояли на месте и провожали его глазами. Они все еще не могли понять, что же произошло. Человек, которому за их бегство обещали снять голову и который всю ночь бродил по лесным тропам, разыскивая их, теперь сам отпустил их в город и еще дал денег на билет.

А Сережа удалялся. Он уже не казался таким огромным и внушительным. Его фигура становилась все меньше и меньше...

И ребятам неожиданно захотелось кинуться вдогонку за Большим Сережей. Сказать ему хорошие слова. Пожать его огромную кузнецкую лапу. И не расставаться с ним, потому что, когда рядом такой человек, все можно пережить и ничего в жизни не страшно.

От росы и тумана песок мокрый, и следы на нем видны отчетливо, не то что в полдень. Эти следы большие и глубокие. И если поставить в след ногу, то еще останется место. И очень интересно идти по таким следам, хотя приходится делать очень широкие шаги.

Впереди идет Ася, а Димка бредет за ней. И обоим кажется, что они чувствуют тепло, которое хранят следы Большого Сережи.

РАЗБУЖЕННЫЙ СОЛОВЬЯМИ

Когда в лагере говорили «Селюженок», ребята усмехались в предчувствии новых происшествий, а для взрослых это слово звучало, как сигнал тревоги и предвестник неприятностей. Этот сигнал-предвестник начинал звучать с самого утра и не утихал до отбоя. Во всех уголках лагеря только и слышалось:

- Селюженок, заправь койку!
- Селюженок, вымой уши!
- Селюженок, перестань барабанить ложкой по тарелке!
- Селюженок, куда ты спрятал журнал?
- Селюженок, если ты не выйдешь из воды, больше не будешь купаться до конца смены.

Какие только грозные предупреждения и сердитые возгласы не следовали за словом «Селюженок»! За неделю лагерной жизни на него был истрачен годовой запас восклицательных знаков.

У Селюженка круглая голова, подстриженная под машинку, а уши торчат в стороны, как ручки сахарницы. Худое лицо всегда измазано сажей, или какой-нибудь краской, или просто грязью неизвестного происхождения. Селюженок маленький и хрупкий: ткнешь пальцем — он и упадет. Походка у него легкая и бесшумная, словно он не идет, а крадется. Как это такое хлипкое существо может доставлять людям столько неприятностей!

Худой, большеголовый, пряткий, он похож на огромного головастика. И взрослые считают, что с годами из него выйдет порядочная жаба.

Лицо у Селюженки непроницаемое. Слова не то что отскакивали от него, как горох, они как бы проходили насквозь, не оставляя никаких следов. Когда мальчика ругали, он не морщился, не дергал плечом и не опускал глаза — он улыбался своим мыслям. Взрослым казалось, что мальчишка насмехается над их словами. Они теряли самообладание, надрывали голоса. Но Селюженки был надежно защищен от их гнева своей невозмутимостью.

Чаще всего Селюженки молчал. Это был надежный способ самообороны. Но если он и выдавливал из себя слово, то его ответы были односложными, лишенными настоящего смысла.

— Ты зачем взял у Брусничкиной зубную щетку?

— Просто так.

— У тебя что, нет своей щетки?

— Есть.

— Так зачем тебе вторая щетка?

— Просто так.

После разговора с Селюженкой даже самые уравновешенные люди стучали кулаком по столу и хлопали дверями. У этого дурного мальчишки была удивительная способность нагнетать в людях злость, портить настроение и доказывать взрослым, что у них не в порядке нервы.

Селюженки тащил все, что плохо лежало. Он хватал ленточки для кос, карандаши, носовые платки, перочинные ножи. Он был похож на сороку, которая несет в свое гнездо ненужные для нее вещи. Сорочьим гнездом была тумбочка Селюженки. Нет, он никогда не ел чужие сладости и не присваивал деньги. Все, что попадалось к нему в руки, оставалось без всякого применения и не приносило ему никаких благ.

Никто не знал, что творится в душе у этого маленького колючего человечка. Нельзя было определить, весел он или

печален, доволен жизнью или обижен. Он был всегда одним и тем же. С его лица не сходила глуповатая, лишенная всякого смысла улыбка. Он был неразрешимой загадкой, задачкой, которая никогда не сходится с ответом. Взрослые махнули на него рукой и мечтали поскорей дожить до конца смены, чтобы навсегда избавиться от этого уродца. Ребята подсмеивались над Селюженком, когда он им досаждал, поколачивали, но в общем относились к нему терпимо. А малыши, завидев его, весело кричали:

— Селюженок-медвежонок! Селюженок-медвежонок!

Селюженок не сердился и не щелкал малышей по выпуклым лбам. Он улыбался. И они принимали его улыбку за чистую монету. Да так оно, возможно, и было.

Чашу терпения взрослого населения пионерского лагеря переполнил случай с пластилином. В один прекрасный день руководительница изокружка обнаружила, что в студии пропал большой кусок зеленого пластилина: весь запас кружка лепки. Сомнений не было: это мог сделать только Селюженок.

Расстроенная Татьяна Павловна в отчаянии прибежала к начальнику лагеря.

— Так больше нельзя! — быстро заговорила она, и лицо ее покрылось красными пятнами. — На прошлой неделе он вылил весь скипидар. Теперь — пластилин! Надо что-то делать!

Татьяна Павловна не назвала имя похитителя пластилина, но начальник лагеря безошибочно определил, о ком шла речь.

— Позвать Селюженка! — крикнул он дежурному, и настроение его сразу начало портиться.

Через несколько минут на пороге кабинета уже стоял виновник очередного происшествия. Он стоял молча и смотрел на начальника невидящими глазами, словно начальник был прозрачным и мальчик видел сквозь него спинку стула.

— Селюженок! — В голосе начальника лагеря звучали недобрые нотки. — Что ты молчишь? Отвечай, зачем ты взял пластилин?

— Я не брал, — спокойно ответил Селюженок.

— Покажи руки.

Мальчик охотно протянул руки.

— Разожми кулаки.

Селюженок разжал кулаки.

— Поверни ладошками вверх.

Селюженок выполнил и эту команду.

— Смотри! У тебя все руки в пластилине.

— Это не пластилин.

— А что это?

— Это грязь.

— Ах вот оно что! Грязь. Завтра же я отправлю тебя в город. Ясно? — И, не дожидаясь ответа, начальник лагеря, в котором все внутри уже клокотало, почти крикнул: — Иди!

Селюженок спокойно повернулся и как ни в чем не бывало зашагал к двери.

— Селюженок!

Мальчик остановился и повернулся к начальнику.

— Я тебя в последний раз спрашиваю: ты брал пластилин?

В этом вопросе не было никакого смысла. Все было ясно. Просто начальнику хотелось добиться признания. Селюженок молчал. Он стоял перед разгневанным начальником и следил глазами за жирной блестящей мухой, которая, проворно шевеля проволочными лапками, ползла по стене. В эту минуту у похитителя пластилина не было более важного дела.

— Иди! — закричал начальник.

Он был в общем не плохим человеком, но этот Селюженок пробуждал в нем зверя.

Селюженок попрощался глазами с мухой и направился к двери.

Он спал крепко, как обычно спят люди с чистой совестью. Он ложился на правый бок, поджимал ноги, подворачивал под плечо одеяло, и не проходило пяти минут, как начинал легонь-

ко посапывать. Во сне он ничем не отличался от других ребят. Селюженок засыпал, и в лагере выключался источник беспокойства и неприятностей. Взрослые облегченно вздыхали. Откровенно говоря, они были бы счастливы, если бы Селюженок так и проспал до конца смены. Как спящая царевна.

Он спал на одном боку до тех пор, пока медный горн хриплым, словно со сна, голосом не пел подъем. Тогда Селюженок вскакивал на ноги и, как стрела, выпущенная из лука, устремлялся вперед, навстречу новым злоключениям.

В эту ночь, в нарушение всех правил, Селюженок вдруг проснулся. Не тревожные думы подняли среди ночи похитителя пластилина. Он проснулся от свиста. Мальчик повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Свист не прекращался. Он, как пуля, пробивал тоненькое одеяло и не давал спать.

Селюженок сел на постели и огляделся. Никого рядом не было. Все ребята крепко спали. А свист не утихал. Это был не простой свист. Если вложить в рот четыре пальца или сложить губы трубочкой, так не засвистишь.

Свист то замирал, то звучал с новой силой. В нем билась и kloкотала картавая горошина. А порой слышалось частое пощелкивание, будто кто-то рубил свист на мелкие кусочки.

Это пели соловьи.

Селюженок рассердился на птиц, которые не давали ему спать. Он на ощупь отыскал брюки, натянул их и бесшумно подошел к окну. В кармане лежал тяжелый камень. Селюженок зажал его в кулак и легко перемахнул через подоконник.

Соловьиный оркестр умолк. Теперь пел только один соловей. К нему с камнем в руке шел Селюженок.

Звезд не было видно, и казалось, что в темноте небо опустилось и прилегло на землю. Селюженок чувствовал на щеке влажное прикосновение неба и его ознобный холодок. Он вдохнул поглубже и весь наполнился свежестью. Это потому, что он дышал небом.

Осторожно переставляя босые ноги, мальчик с камнем в руке шел на соловьиный свист. Теперь соловей пел так громко, что было удивительно, как он не разбудил всех ребят. Селюженок подошел к дереву и запрокинул голову. Напрягая зрение, он стал всматриваться в густые темные ветки. Соловей пел рядом, но его не было видно, словно он надел шапку-невидимку. Звуки падали из его горлышка чистыми, хрустальными каплями. И хотелось подставить руку, чтобы поймать хоть одну такую каплю. Поющие капли сливались в одну серебряную нить, которая тянулась к разбуженному мальчику.

Селюженок стоял под деревом затаив дыхание. Он забыл про камень и не шевелился, потому что боялся неосторожным движением порвать серебряную нить. Вокруг него было темное небо. Наверное, небо держится на звездах, как на гвоздях. А когда звезд нету, оно опускается на землю.

Он стоял до тех пор, пока краешек неба не стал светлеть. Соловей разбудил мальчика, а сам уснул. Но его свист все еще звенел в ушах, похожих на ручки сахарницы. Может быть, Селюженок выучил соловьиную песню наизусть и теперь напевает сам себе?

Селюженок обрадовался рассвету: теперь ему удастся хоть взглянуть на соловья. Но сколько он ни вглядывался в сплетение ветвей, увидеть соловья так и не смог.

Он вспомнил о камне и почувствовал, что камень в его кулаке потеплел и стал мягким. Он разжал кулак и удивился: это был вовсе не камень, а кусок зеленого похищенного пластилина. Остаток. Селюженок взвесил его на ладони и стал мять. Пластилин стал совсем податливым. И мальчику неожиданно пришло в голову слепить соловья. Он принялся за дело. Сначала его пальцы были неловкими, деревянными, но постепенно потеплели, разошлись и стали передавать пластилину то, что им приказывал мальчик.

Он лепил соловья таким, каким, ему казалось, должен быть исполнитель беспокойных ночных песен. Соловей оживал в

руках мальчика. Он был зеленым. У него была узкая голова и большие распростертые крылья.

Селюженок посмотрел на соловья и улыбнулся. Ему показалось, что он сделал открытие — своими руками создал птицу-певца, и она молчит лишь потому, что время песен прошло и небо поднялось с земли высоко, до самых облаков.

Утром Селюженок появился в дверях художественной студии. Он робко переступил порог этого маленького пионерского храма искусств и лицом к лицу столкнулся с Татьяной Павловной. Увидев незваного гостя, Татьяна Павловна строго сдвинула брови и недовольно спросила:

— Селюженок? Что тебе надо?

Мальчик молчал. Он держал руку за спиной и смотрел в землю. Ему ничего не нужно было. Он стоял и молчал.

— Ты пришел извиниться? — сделала догадку преподавательница рисования.

Селюженок покачал головой. Он пришел совсем за другим.

Татьяна Павловна пожала плечами. Она уже была готова взять маленького похитителя пластилина за плечи и вытолкать из мастерской, но тут Селюженок поднял глаза и протянул ей руку. В руке лежало какое-то странное существо с узкой головой и большими крыльями.

— Что это? — спросила Татьяна Павловна.

— Соловей, — ответил мальчик.

Татьяне Павловне захотелось засмеяться над этим зеленым уродцем. Но она сдержалась. Она взяла из рук мальчика его работу и стала ее внимательно рассматривать, словно искала в ней то, что было незаметно с первого взгляда. А Селюженок следил за каждым ее движением.

— Это твоя скульптура? — тихо спросила преподавательница.

— Это не скульптура, это соловей, — отозвался мальчик и.

заглядывая в глаза Татьяне Павловне, робко спросил: — Что, не похож?

Татьяна Павловна испытующе посмотрела на мальчика и ответила:

— Похож. Очень похож! А ты видел соловья?

Селюженок запнулся. Сперва он по привычке решил соврать: видел! Но потом ему захотелось сказать правду.

— Нет, не видел... Я слышал соловья.

— Слышал?

— Ну да, слышал. Сегодня ночью.

Татьяна Павловна все еще не могла разобраться, что же все-таки произошло с этим мальчиком, чье имя внушало всем лагерным работникам неприязнь. Но она догадывалась, что ночные соловьи разбудили в душе мальчика нечто такое, о чем никто даже и не подозревал. Она сказала:

— Ты приходи, будешь учиться лепить.

Селюженок кивнул головой. И вдруг на его лице отразилась чуть заметная тень расстройства.

— Так пластилина-то нет, — сказал он.

— А мы будем лепить из глины.

Селюженок оживился.

— Глины я вам натаскаю, — сказал он, — целую гору!

— Вот и хорошо, — подхватила Татьяна Павловна.

Уже уходя из мастерской, Селюженок вдруг обернулся и сказал!

— Только меня, наверное, выгонят.

Эти слова поставили Татьяну Павловну в тупик, но она быстро нашлась:

— Посмотрим. Может быть, еще не выгонят.

— Тогда приду, — сказал Селюженок. — И глины притащу.

Когда Селюженок ушел, Татьяна Павловна взяла со стола зеленого уродца-соловья и направилась к начальнику лагеря.

— Что это? — спросил начальник лагеря, рассматривая скульптуру. — Что это за художество?

— Это соловей.

Начальник рассмеялся.

— Хорош соловей! Это зеленая ворона.

— Это соловей, — упрямо сказала Татьяна Павловна. — Его вылепил Селюженок.

При одном имени Селюженка начальник лагеря поморщился.

— Пусть он забирает своего зеленого соловья-ворону и отправляется. Завтра наш завхоз поедет в город и захватит его.

Татьяна Павловна села на стул.

— Отправить его мы еще успеем.

— Пойдите. — Начальник лагеря встал со стула. — Кто, как не вы, настаивал на том, чтобы его отправить домой? Я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. И все-таки я прошу оставить Селюженка.

— Что, у него открылся талант? — спросил начальник и недоверчиво покосился на зеленого соловья.

Татьяна Павловна покачала головой.

— Таланта у него никакого. Но сегодня ночью его разбудили соловьи, и я думаю... Я обещаю вам, что он больше не утащит ни булавки.

— Педагогический опыт?

— Допустим.

Никто не заметил, что произошло с Селюженком с той ночи, когда его разбудили соловьи. Вот если бы у него изменились глаза, или нос, или уши, это бы сразу заметили. А когда меняется что-то внутри, разглядеть трудно.

По-прежнему юркий головастик носился по всему лагерю. И по-прежнему в него, как копья, летели восклицательные знаки:

— Селюженок, убери ботинок с постели!

— Селюженок, не наступай на пятки.

— Селюженок, кто тебе разрешил трубить в горн!..

А малыши по-прежнему кричали ему вслед:

— Селюженок-медвежонок! Селюженок-медвежонок!

Да, собственно, ничего в нем и не изменилось, просто у человека появился в жизни интерес. Ему расхотелось тащить все, что попадаетея под руки. Он сбросил с себя старую, негодную шкурку и стал самим собой.

Ежедневно он приходил в художественную студию, садился за стол и лепил какие-то странные, несуразные существа, которые оказывались собаками, оленями, серенькими козликами.

Вскоре в лагере открылась выставка работ юных художников. Любопытные зрители толпились в художественной студии и нетерпеливо разглядывали работы своих товарищей. Никогда еще в студии не было так шумно. Здесь вспыхивали горячие споры об искусстве, и каждый отряд стоял насмерть за своих художников.

И вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, Селюженок вылепил соловья!

Это известие произвело на ребят ошеломляющее впечатление. Все сразу изменили своим любимым художникам и бросились к столу, где на фанерной подставке стояло зеленое существо с огромными крыльями. Под этим странным существом было написано: «Соловей». Вылепил Селюженок из 4-го отряда». Ребята сбились в кучу. Всем не терпелось посмотреть, что такое мог вылепить похититель пластилина.

Зрители рассматривали селюженковского соловья, как величайшее чудо, как смелое открытие, как находку далекой древности.

— Похож! — кричали одни. — Правда, похож?

— Как живой! — откликались другие.

Никто из ребят никогда не видел живого соловья, и все были убеждены, что соловей в самом деле зеленый и большекрылый. Кто-то попробовал было возразить:

— Не похож. Я видел соловья.

Но на него обрушилось сразу несколько добровольных защитников Селюженки:

— Врешь ты все! Никто не видел соловья... кроме Селюженки.

Когда первая волна восторгов и споров улеглась, кто-то произнес:

— Говорили, что он стащил пластилин, а он соловья лепил. Наврали на человека.

Селюженок стоял в сторонке и с удивлением слушал, что говорят ребята, и ему казалось, что речь идет не о нем, а совсем о другом Селюженке. И тот, другой, нравился ему все больше.

В эту ночь его снова разбудил соловьиный свист. Мальчик открыл глаза и долго слушал, как выводит свои серебристые трели невидимый певец. И вдруг он подумал, что нечестно слушать соловья одному. Он соскользнул с постели и одного за другим стал будить ребят:

— Слушай, вставай. Соловей поет!.. Слушай, слушай...

Не прошло и пяти минут, как вся палата уже была на ногах. Ребята теснились у окон и, сдерживая дыхание, слушали соловья. Никто, естественно, не мог разглядеть в темноте поющей птицы, но все почему-то представляли себе соловья зеленым и большекрылым. А самому Селюженку казалось, что это ожил и запел его соловей, слепленный бессонной ночью из похищенного пластилина.

НОВЫЙ ПЛАКАТ

В центре города на здании телеграфа висит огромный плакат. На плакате — человек в коричневых нагутаалиненных ботинках. Он широко улыбается нарисованным ртом, на щеках пылает румянец, а в глазах светится радость. Чему он так радуется? Автомобилю! Автомобиль стоит рядом — новенький и сверкающий, как сам хозяин. А еще выше, под карнизом телеграфа, красными метровыми буквами написано:

НАКОПИЛ И МАШИНУ КУПИЛ!

Проходящие внизу люди давно знают, что он накопил и что купил, и не обращают на него внимания. Но это нимало не смущает человека на плакате. С высокой стены телеграфа улыбающийся счастливец как бы говорит равнодушным людям: «Копите деньги и покупайте машину. И тогда вы станете такими же счастливыми, как я».

Впервые Володя познакомился с огромным плакатом, когда учился читать. Целыми днями мальчик ходил по городу и читал вывески. Вывески читать легко: они написаны крупными печатными буквами. Заодно с вывесками Володя прочел и плакат на телеграфе. Он задрал голову и, тихо шевеля губами, стал складывать красные буквы:

— «На-ко-пил и ма-ши-ну ку-пил!»

Потом он выучил наизусть все вывески и плакаты и пере-

стал обращать на них внимание. Он не мог предвидеть, что через несколько лет у него завяжется таинственная дружба с плакатным человеком.

Однажды на улице Володино внимание привлек сутулый парень в коротком рябом пиджаке. В самом парне ничего примечательного не было, и Володя прошмыгнул бы мимо, если бы не громкая музыка, которая ни на шаг не отставала от прохожего. Рядом с рябым пиджаком шагал невидимый оркестр. Музыканты в шапках-невидимках дули в трубы, били в барабаны и тонкими смычками водили по скрипкам.

В руках у прохожего ничего не было, руки он держал за спиной, и это ставило мальчика в тупик. Откуда берется музыка?

Володя то забегал вперед, то отставал и наконец не выдержал и спросил:

— Где у вас спрятана музыка?

Парень посмотрел на Володю сверху вниз — эх ты, темнота! — потом небрежно запустил руку в карман и извлек оттуда маленькую гладкую коробочку.

— Вот!

Теперь весь оркестр уместался на ладони. Володя впился глазами в чудесную коробочку, а парень что-то покрутил указательным пальцем, и вместо музыки из коробочки донесся хриплый простуженный голос:

«Проверьте ваши часы...»

Парень еще что-то покрутил — диктор сразу откашлялся и перестал хрипеть: «...сигнал дается ровно...»

Голос звучал ясно и приятно.

— Что это? — неуверенно спросил Володя.

— Транзистор! — выпалил парень. — Приемник такой. На полупроводниках.

Парень сунул приемник в карман и, заложив руки за спину, зашагал дальше. Теперь из кармана вылетали последние известия.

Володя смотрел вслед рябому пиджаку и, чтобы не забыть, повторял про себя незнакомое слово: «Тран-зистор... Тран-зистор...»

Это слово звучало как название заокеанской страны и как имя героя. Оно наполняло сердце радостным предчувствием неожиданных событий. Володя представил себя счастливым обладателем транзистора. Это у него в кармане играют трубы, звучат стихи и приятный голос доверительно сообщает, что ветер завтра будет слабым до умеренного, а облачность — переменной.

Сладкая мечта о транзисторе была бы недостижимой, если бы на помощь Володе не пришел человек в коричневых нагуталиненных ботинках. Со стены телеграфа он шепнул мальчику нарисованными губами: «Накопил и транзистор купил».

Володя с благодарностью посмотрел на плакат. Румяный улыбающийся человек выручил его в трудную минуту и сразу из постороннего превратился в друга.

«Накопил и транзистор купил!» — напевал про себя Володя и вприпрыжку бежал домой. Как хорошо, что в городе висят большие красивые плакаты, которые дают людям отличные советы.

Володя тут же вспомнил о бабушкиной копилке и, перевернув весь дом, обнаружил ее на шкафу в прихожей. Это был небольшой кирпичный домик с черепичной крышей и белой трубой. В трубе находилась узкая прорезь, в нее-то и следовало опускать деньги. На дне копилки уже лежали две монеты. Бабушка опустила их туда еще при царе. На этих монетах, по словам бабушки, были орлы с двумя головами.

Володя достал из кармана гривенник, который хранил на всякий пожарный случай, и бросил его в трубу. Гривенник ударился о двуглавых орлов и мелодично звякнул. Начало было положено.

Чтобы накопить деньги, надо иметь время и терпение. Вре-

мени у Володи было сколько угодно. С терпением дело обстояло хуже. Хорошо копить тем, кто зарабатывает деньги. Они могут разменять бумажку и в два счета наполнить копилку. А если деньги выдаются тебе редко и только на самые необходимые вещи?

Когда Володя делал очередной вклад, ему представлялось, что он опускает в узкую щель не медные и серебряные монеты, а металлические детали будущего транзистора: винтики, контакты, провода. Как только копилка наполнится, она превратится в маленький карманный приемник и заиграет.

Деньги доставались Володе нелегко. Часто, отказавшись от завтрака в школьном буфете, он до конца уроков сидел голодный. Иногда, вернувшись из булочной, он просил у мамы разрешения опустить в копилку сдачу. Это было еще неприятнее голода. Мама неодобрительно относилась к Володиной затее. Один раз она сказала:

— Ты как скупой рыцарь сидишь над сундуком с золотом.

Хотя у Володи не было никакого сундука и никакого золота, ему стало не по себе. Но он тут же вспомнил, что его счастливый друг в нагуталиненных ботинках накопил, машину купил и не стесняется рассказывать об этом всему городу. Этого утешения хватало ненадолго. Володю подстерегали все новые и новые огорчения.

Однажды на переменке к нему подошел его лучший друг, Сережа, и попросил пять копеек. В глубине Володиного кармана лежал пятак, но он был предназначен для копилки и уже не принадлежал Володе.

— У меня нет пятака! — ответил Володя.

Сережа презрительно посмотрел на него и крикнул:

— Врешь! Я сам видел у тебя пятак. Ты жмот!

И Сережа повернулся к нему спиной. Володе хотелось стукнуть друга по плечу и сказать, что он временно жмот, что, как только копилка наполнится, он перестанет быть скупым рыцарем. Но стыд удержал его на месте.

Постепенно весь класс узнал, что Володя жмот. Ребята сторонились его и при его появлении умолкали, словно он был им чужим человеком. А Сережа, лучший друг, молча проходил мимо и бросал на Володю такие уничтожающие взгляды, от которых хотелось провалиться сквозь землю.

Жизнь стала совсем невыносимой. Володя чувствовал себя пленником маленького кирпичного домика с белой трубой. И пока он не заплатит дань, ему не вырваться на свободу. Теперь полюбившееся слово «транзистор» звучало глухо и перестало быть похожим на название заокеанской страны и на имя героя. Володе не терпелось поскорее наполнить копилку, чтобы снова давать друзьям пятаки, когда им надо позарез, и не сидеть голодным до конца уроков. Человеку в нагутаליненных ботинках наверняка было легче копить деньги, раз он такой румяный и сияющий.

Шло время. На смену греющим дождям пришел бесшумный снег. А потом весна принялась за плавку снега, и город стал мокрым и солнечным.

Копилка заметно прибавила в весе. Скоро она наполнится до краев, и тогда Володя вырвется из плена. У мальчика улучшилось настроение. Он снова стал думать о транзисторе. Он представлял себе, как пойдет по городу, заложив руки за спину, и как прохожие будут оглядываться и спрашивать:

«Что это у тебя?»

«Тран-зистор! Приемник такой. На полупроводниках».

Наконец настал день, когда очередная монета не смогла попасть в домик и застряла в трубе: копилка была полна. Володя решил, что, вернувшись из школы, откроет ее и пересчитает свои богатства.

Проходя мимо телеграфа, он с видом заговорщика шепнул своему плакатному другу:

— Накопил!

И человек в нагуталиненных ботинках одобрительно кивнул и наверняка пожалел, что купил машину, а не транзистор.

Прибежав домой, Володя принялся открывать копилку. Он дергал за ручку двери, пробовал открутить трубу, переворачивал дом вверх фундаментом. Выхода из дома не было. Володя огорчился и впервые за два года написал письмо бабушке с просьбой сообщить тайну копилки.

Ответ долго не приходил. Когда же почтальон принес долгожданное письмо, то выяснилось, что бабушка сама не знает, как открывается кирпичный домик, и советует внуку разбить копилку молотком.

«Как это молотком!» — недоумевал Володя и внимательно разглядывал домик. Домик был очень красив. Ровные малиновые кирпичики лежали один к одному. Черепичная крыша напоминала огненный панцирь, а белая труба была такой натуральной, что из нее вот-вот должен был повалить густой синеватый дым. Разве можно ломать такой домик? Вероятно, бабушка что-то напутала, а настоящий мастер откроет копилку в два счета.

Володя взял копилку и вышел из дому. Он не знал, в каких мастерских открывают копилки, и зашел в первую попавшуюся, где на витрине лежали примусы, замки и велосипедные колеса без шин. В мастерской пахло керосином. Мастер в длинном темном фартуке водил шершавым напильником по блестящему металлу. Заметив посетителя, он отложил инструмент и спросил:

— С чем пожаловал?

— С копилкой, — отозвался Володя и протянул тяжелый домик. — Надо открыть.

Мастер долго рассматривал копилку.

— Интересная вещичка, — произнес он и поскреб дно острием ножа.

На пол осыпалась белая пыльца. Мастер покачал головой:

— Ничего не выйдет. Она гипсовая.

— Что же делать? — с отчаянием спросил мальчик.

— Ее можно только разбить.

Володя снова очутился на улице. Он шел по городу, прижимая к себе тяжелую копилку. Сейчас копилка казалась ему маленьким приемником с манящим названием: «Транзистор». Только приемник не работает, молчит. И даже мастер не берется его починить.

На перекрестке Володя столкнулся с Гошкой. Гошка шел в окружении ребят из Володиного класса, шмыгал носом и растирал по щекам слезы. Ребята утешали его. Гошка не слышал их слов и твердил:

— Меня теперь судить будут... Вот увидите!

— Что с тобой, Гошка? — спросил Володя.

За Гошку ответил его сосед:

— Витрину разбил мячом... Вернее, играли все, а разбил он. Мы деньги собираем на стекло. У тебя нет денег?

— Нет, — вырвалось у Володи помимо его воли. — Я бы дал.

— Врешь! — сказал молчавший до сих пор Сережа. — У тебя полный сундук денег, только ты не дашь — ты копишь.

— Я уже не коплю, — слабо защищался Володя. — Я уже накопил. Только копилка не открывается.

— Врешь! — снова сказал Сережа.

Кровь ударила в лицо Володи. От несправедливых слов друга у него перехватило дыхание. Он протянул Сереже копилку:

— Я не вру. Попробуй открой!

Сережа долго крутил копилку во все стороны, как будто это была не копилка, а головоломка. Потом он пробурчал: «Не открывается» — и сунул копилку в руки Володе.

Ребята пошли дальше. Володя остался один. Он стоял на тротуаре, а мимо шли люди, мчались машины, и никто не обращал на него внимания. Володя подумал, что копилка никогда не откроется и он никогда не вырвется из ее тесных кирпичных стен.

И вдруг какая-то сила сдвинула мальчика с места. Он не-

уверенно сделал шаг. Потом зашагал быстрее. Потом побежал. Расталкивая прохожих, спотыкаясь, он бежал туда, куда ушли его товарищи.

Он нагнал их у следующего перекрестка.

— Стойте! Подождите!

Ребята остановились. Володя подбежал к ним. Он, видимо, хотел что-то сказать, но потом раздумал, поднял над головой маленький домик с черепичной крышей, зажмурился и бросил копилку на тротуар. Нет, он бросил не копилку, а гранату. И она не разбилась, а разорвалась. И Володя был оглушен этим взрывом.

Он медленно раскрыл глаза. Перед ним на мокром асфальте лежали гипсовые черепки и поблескивали раскатившиеся монеты. Домик из ровных кирпичей с черепичной крышей и белой трубой погиб. Но странное дело — это не огорчало Володю. Напротив, он почувствовал удивительную легкость, будто вырвался на свободу.

Пораженные его поступком ребята собирали раскатившиеся монетки. Они набрали три горсти и протянули их владельцу. Но Володя замотал головой:

— Берите... берите... это для Гошки.

Гошка смотрел на Володю красными глазами и шмыгал носом: он все еще никак не мог понять, что произошло, и молчал. И вместо него кто-то другой сказал Володе:

— Спасибо.

— Да чего там, — сказал Володя. — Берите. Тут много, должно хватить. Только две монетки с орлами не годятся...

На обратном пути, подходя к телеграфу, Володя отвернулся, чтобы не встречаться взглядом с плакатным человеком в коричневых нагутаалиненных ботинках.

Наверно, тот самодовольно улыбается и укоризненно спрашивает нарисованным ртом: «Что же ты, накопил и не покупаешь?»

Володя с независимым видом прошел мимо, но, прежде чем завернуть за угол, оглянулся. Сияющего человека не было. И большие буквы, призывающие копить деньги, тоже исчезли. На месте старого плаката висел новый. На нем был нарисован розовый толстощекий малыш с белой бутылкой в руке. А возле самого карниза аппетитными голубыми буквами было написано:

П Е Й Т Е К Е Ф И Р !

«Хорошо, что старые плакаты заклеивают новыми», — подумал Володя и весело подмигнул розовому малышу и белой бутылке.

КОГДА УЕЗЖАЕТ ДРУГ

Как позвать друга? Постучать в окно. А если оно высоко над землей, свистнуть. Как следует свистнуть и ждать, пока в окне не покажутся десять растопыренных пальцев и прижатый к стеклу нос.

Довольно-таки смешной портрет в оконной раме. Но ты не видишь ничего смешного. Для тебя этот портрет вполне нормальный, хотя и со сплюснутым носом.

Куница свистнул три раза. И еще два раза. Он свистел добросовестно, глубоко засовывая в рот четыре пальца. Но никто не появлялся в окне. Может быть, Володька не слышит или думает, что свистят не ему?

Тогда Куница поднял с земли камень. Небольшой шершавый камушек. И запустил его в окно, предварительно прищулив глаз. Стекло тренькнуло, и камень отскочил, как от барабана. В окне показалось лицо. Незнакомая женщина размахивала кулаком и кривила рот. Рот ругался, но слов не было слышно, как в кино, когда портится звук.

Может быть, Куница ошибся окном?

Так прямо он и ошибется! Он всю жизнь свистит под этим окном. И всю жизнь запускает в него камушки. И окно всегда улыбается Кунице. А сейчас оно состроило рожу.

Куница отвернулся и зашагал прочь.

Когда человек возвращается из больницы, после того как ему вырежут аппендицит, он готов ко всяким переменам. Например, за время его отсутствия могли сломать на углу поко-

сившийся дом или перерыть мостовую, а в школе мог появиться новый учитель рисования. Но того, что не окажется Володьки и выяснится, что Володька уехал навсегда, — этого Куница никак не предвидел. Ему никогда и в голову не приходило, что Володька может уехать навсегда и его окно достанется чужим, незнакомым людям.

Куница пал духом. Он ходил как потерянный и все думал, думал о Володьке.

Куница — здоровый круглолобый парень. Брови у него слегка приподняты, а под ними глаза с хитринкой. Куница не даст себя в обиду, сам кого хочешь обидит. А Володька был худым и щуплым. На год младше Куницы и на голову ниже.

Если твой друг на голову ниже, то ничего не стоит отнять у него сани. Сани раздобыл Володька и принес их к ледяной горке. Он собирался съехать первым, потому что сани раздобыл он, а не Куница. Но Куница ухватился за сани и стал их вырывать. При этом он кричал:

— Не отдашь — получишь! Не отдашь...

По справедливости первым должен был съехать Володька. Он принес сани. Но возле горки кружилась Ира. И Куница хотел блеснуть перед ней силой.

Володька не отдавал сани. Он крепко держал их. Но Куница сильнее. Он отнял у друга сани и полез с ними на гору. Ему совсем расхотелось съезжать на санях. Но он съехал. Из-за Иры. А Володька стоял внизу и молчал от обиды.

Если бы Куница знал, что Володька уедет, он не вцепился бы в сани как клещ. Пусть Ирка думает о нем что хочет. Ему наплевать на Ирку. Разве ее можно сравнить с Володькой? Но когда человек живет у тебя под боком и никуда не уезжает, у него можно отнять сани.

Вообще Куница часто обижал Володьку. Володька был слабее и все прощал ему. Умные люди пристают к чужим мальчишкам. Их не жалко. И они никуда не уедут до самой смерти. А подлые лезут с кулаками к своим друзьям.

Володька не хотел драться. Не потому, что трусил. Он не хотел драться с товарищем. Но Куница так наседавал, что пришлось. Это было вечером, во дворе. Из-за чего Куница полез к Володьке? Просто некуда было девать силы. И было дрянное настроение. И хотелось кому-нибудь вмазать. А вмазать всего безопаснее Володьке. Такой он, Куница. Бестолковый, подлый человек.

Теперь можно свистеть хоть целый день и можно швырять в окно маленькие камушки — не будет растопыренных пальцев и сплюснутого носа. А когда вместо друга из окна смотрит сердитая рожа, то хочется не свистеть, а поднять камень и запустить им в окно.

Если бы знать, что Володька уедет!

Куница поплелся во двор. На улице чернел асфальт, а во дворе еще хранился снег, словно весна второпях не успела свернуть в подворотню. Ребята катались на санях, возились, играли в снежки. Маленькие, большие, всякие. Но Кунице казалось, что двор пустой. Никого нет. Не с кем перекинуться словом.

Если бы он действительно знал, что Володька уедет, он жил бы иначе. Он дорожил бы каждым днем, проведенным с Володькой. И не было бы этой истории с Гогой.

Кунице не хотелось сейчас вспоминать про Гого. Теперь Гога был ему противен. Но тогда Куница прямо-таки ошалел от Гогоиной куртки на «молниях», от Гогоиной походки, от Гогоиного умения никого не замечать. Гога появился во дворе в каникулы: приехал к тете из другого города. Он держал руки в карманах и ловко поддавал ледышку ногой. А Куница с открытым ртом следил за ним. Потом ледышка надоела Гогое, он подошел к Кунице и сказал:

— Хочешь курить?

Куница никогда в жизни не курил. И он не знал, хочет он курить или не хочет. На всякий случай он сказал:

— Хочу!

Гога вынул из кармана хрустящую пачку и небрежно протянул ее Кунице. Куница нагнулся, вытянул белую сигарету и сунул ее в рот, как конфету. Но «конфета» оказалась горькой, и Куница стал плевать.

— Ерунда! — сказал Гога. — Привыкнешь.

Они зашли за угол дома. Куница закурил.

Курить было противно. Куница сопел, плевался. Ему казалось, что он весь наполнен едким дымом и поэтому изо рта, из носа, а может быть, из ушей валит синий, обжигающий дым. Гоге тоже было нелегко курить. Но он держал фасон. И Куница старался держать фасон.

Потом Гога бросил сигарету, сплюнул и сказал:

— Хорошо!

И Куница тут же подпел ему:

— Хорошо! — и поплелся следом за Гогой, очень довольный собой.

Все каникулы Куница не отходил от приезжего мальчишки. Проходя мимо Володьки, он слегка кивал ему головой, а иногда просто не замечал его. В кино, на стадион он ходил с Гогой. А друга не звал: боялся, что Гога начнет дружить с Володькой.

Куница стал до противности важным. Он старался во всем подражать Гоге. И даже стал носить в кармане пачку сигарет, хотя от одной мысли о курении ему становилось тошно. А Володька скучал. И он с обидой смотрел на важного и надутого Куницу.

А потом Гога уехал. И Куница снова подкатил к Володьке. И тот простил его.

Если бы знать, что Володька уедет!

А может быть, Володька потому и уехал, что крепко обиделся на Куницу. Терпел-терпел, а потом взял и уехал. Где теперь его окно? До него не докинешь камушек. И даже самый сильный свист не долетит до нового Володькиного окна. Куница никогда не простит себе, что Володька уехал.

Он совсем скис. Целый день слонялся по квартире и ничем не хотел заниматься. Несколько раз мама спрашивала его:

— Что ты такой мрачный? У тебя болит аппендицит?

При чем здесь аппендицит! У Куницы теперь все болит, оттого что Володька уехал.

Куница вспомнил, как друг попросил у него ножик. Ножик был ржавый и тупой. Он складывался с таким трудом, что однажды прихватил палец. У Куницы этот ножик лежал на дне ящика. И он натыкался на нож, когда что-нибудь искал. Володьке очень хотелось иметь этот ножик. Он бы начистил его песком и носил в кармане. А у Куницы был новый нож — зачем ему старый? Он просто жмот. Самый настоящий жмот.

Если бы Володька вернулся, он бы отдал ему старый нож. Сам бы начистил его. Пусть блестит, как зеркальце.

Куница вдруг забыл, что у него есть мама, и папа, и сестренка Наташка. Он почувствовал себя одиноким и несчастным. Круглым сиротой. Потому что уехал Володька.

Ночью он долго не мог уснуть. Все думал, думал.

Надо жить так, чтобы друзья не уезжали от тебя, чтобы они откликались на свист. И чтобы прижимались носом к стеклу, если бросить в окно небольшой шершавый камушек.

Куница решил во что бы то ни стало разыскать друга. Есть же на свете такое большое справочное бюро, которое дает адреса уехавших друзей. А если такого бюро нет, Куница сам отправится на поиски Володьки. Вырастет и отправится. Потому что когда уезжает друг, жить становится невыносимо трудно.

ПУСТЬ СТОИТ СТАРЫЙ СОЛДАТ

Рядом с Алькиным домом растет тополь. Он выше всех тополей в поселке, и ствол его побелен в рост человека. Зимой он ничем не отличается от своих собратьев. Но когда наступает весна и все деревья покрываются клейкой зеленью, Алькин тополь остается без листьев. Только на одной ветке у самой земли появляются свернутые в трубочку бледно-зеленые листья.

Алькина мама говорит:

— Спилить его надо. Он отжил свое.

Но отец качает головой:

— Пусть стоит старый солдат.

Он называет тополь старым солдатом. Это потому, что в годы войны фашистский снаряд срезал у дерева три крупные ветки и выжег в его стволе дупло. Папе тополь напоминает войну. А маме он ничего не напоминает, поэтому ей не жаль тополя. Что касается Альки, то он не представляет себе ни дома, ни скрипучего колодца, ни моря без этого поджарого, высокого дерева. Сколько Алька себя помнит, старый солдат всегда стоял на часах у дома. И листьев у него никогда не было.

Ночью Алька слышит, как море перекачивает гальку. И мальчику кажется, что море грызет большой жесткий сухарь. Только к утру хруст утихает. Вероятно, море разделалось со своим сухарем или сломало об него последние зубы.

Алька бежит к морю. Он торопится, словно боится, что мо-

ре не дождется его и уйдет куда-нибудь одно. Но море дожидается Альку. И когда мальчик босыми ногами шагает по гальке, оно идет за ним и тихонько грызет свой сухарь. Ступни у Альки грубые, как подметки. Когда он однажды поранил ногу стеклом, фельдшер в медпункте, накладывая повязку, пошутил:

«Тебя надо в сапожную мастерскую отправить, а не к фельдшеру».

Теперь, когда попадают острые камни, Алька высоко поднимает коленки. Он идет по берегу, а море ни на шаг не отстает от него.

В это утро Алька пришел к морю раньше обычного. Солнце только поднялось над горизонтом, и от него шел пар, будто оно перед восходом разок окунулось в море.

На плече Алька нес винтовку. Настоящую боевую винтовку. Только очень старую. Винтовка была большая, ростом чуть ли не с самого Альку. И нести ее было нелегко. Алька худой, и когда снимает свою выцветшую, бывшую когда-то синей майку, то отчетливо видны все ребрышки. А лопатки торчат за спиной, как два коротких крыла. Алька высох на солнце, вот от него и остались кожа да кости. Глаза у Альки черные и влажные. И в каждом из них — по крохотному солнцу. Как это они сумели уменьшить солнце в миллион раз и из одного сделать два?

Мальчик и винтовка не очень-то подходят друг к другу. К Альке больше подходит легкая тоненькая удочка. А к тяжелой старой винтовке подходит здоровый, плечистый солдат в гимнастерке, стянутой брезентовым ремнем с пряжкой.

Вид у Альки невеселый, расстроенный. Это потому, что он должен унести винтовку далеко от дома и забросить ее в море. Так велела мать.

Альке было жаль винтовку, хотя она старая и ржавая, и он

все оттягивал прощание с ней. Он шел до тех пор, пока не устал. Тогда он уселся на гальку и стал чистить старую винтовку, хотя понимал, что это уже ни к чему: все равно придется ее бросить в море. Он тер песком короткий ствол и затвор с шариком на рукоятке. Он воевал со ржавчиной, а ржавчина воевала с ним. Она больно царапала руки.

Потом Алька положил оружие рядом с собой и стал смотреть на море. От моря пахло йодом. Может быть, ночью во время шторма море напоролось на что-то острое и залило рану йодом.

Алька вспомнил, как на прошлой неделе он нашел старую винтовку. Она лежала на камнях в бухточке за Кривым Носом. Это море положило ее на камни. Тогда Алька присел на корточки и стал рассматривать находку. Видно, винтовка много лет пролежала в морской кладовой. Она вся проржавела. И ствол, и затвор, и прицельная мушка стали бурыми и шершавыми, как наждачная бумага. А к деревянному прикладу прилипли ракушки-мидии.

Тогда Алька поднял винтовку с мокрых камней и засмеялся от счастья. Она была тяжелая и неподатливая. Алька с трудом вскинул ее и стал целиться в пролетающую чайку. Мушка скользнула по белому крылу. Алька зажмурил глаза и что есть силы нажал пальцем на спусковой крючок. Он был уверен, что сейчас оглушительно хлопнет выстрел. Но винтовка молчала. Чайка ускользнула от ржавой мушки, но мальчик продолжал изо всех сил жать на крючок. Даже пальцу стало больно. Но оттого, что старая винтовка, подаренная морем, не стреляла, счастье не проходило. Алька только никак не мог придумать, что ему делать с находкой. Конечно, было заманчиво появиться перед своими друзьями с настоящей винтовкой в руках. Но какое-то чувство подсказывало ему, что неловко бегать с ней по берегу и кричать: «Ура! В атаку!» Она была тяжелая и настоящая. А все настоящее не годится для игры.

Алька решил отнести винтовку домой и спрятать ее под кроватью. Не бросать же на берегу такую ценную находку!

Так старое оружие очутилось в Алькином доме.

Винтовка лежала у стенки под кроватью. Днем Алька редко извлекал ее из убежища. Зато ночью он запускал руку под кровать: проверял, на месте ли винтовка.

Прошла неделя.

В субботу мама затеяла уборку. Она мыла полы, и когда отодвинула Алькину кровать, то увидела ржавую, старую винтовку.

— Что это такое? — грозно спросила она сына.

— В-винтовка, — запинаясь, ответил мальчик.

— Где ты ее откопал?

— Я ее не откапывал. Нашел на берегу.

Мамин голос становился все грознее:

— Этого еще не хватало! Всякую дрянь тащит в дом! А если она выстрелит?

— Она не стреляет, — пробовал было защищаться Алька.

Но от этих слов мама рассердилась еще больше:

— А тебе надо, чтобы она стреляла? Убить себя захотел?

Алька вовсе не собирался себя убивать, но разве это можно растолковать маме! Она уже не слушала сына. Она ругала Альку, ругала винтовку. И наконец, схватив оружие в руки, вышвырнула его в окно. Винтовка глухо упала на землю рядом со старым тополем.

— Завтра же отнеси подальше и брось в море! — сказала она.

И Алька — он-то знал свою мать! — понял, что так и придется сделать. Всю ночь винтовка лежала на земле около старого солдата. А на рассвете Алька поднял ее и понес к морю.

У самой воды на песке — белая полоска пены. Кажется, море пило молоко и остались белые усики. Солнце поднялось над горизонтом. Оно высохло, и от него уже не шел пар.

Алька встал и зашагал дальше. Море начало грызть су-

харь. Винтовку Алька держал на плече. Плечо быстро уставало, и оружие приходилось переключивать на другое плечо. Может быть, винтовка прибавила в весе, если нести ее стало невыносимо трудно. В какую-то минуту Алька даже обрадовался, что он скоро бросит винтовку в море — тогда станет легко рукам и плечам.

Уже давно можно было скинуть майку и трусы, отплыть подальше от берега и расстаться с тяжелой ношей. Но Алька все шел и шел. Он оттягивал прощание с оружием. Он зашел очень далеко и снова сделал привал. Сел на мокрый песок, а винтовку положил рядом с собой.

Море было молочного цвета. Оно неподвижно лежало у ног мальчика, словно уснуло. У самого берега поднималась и опускалась легкая прозрачная волна. Это море дышало во сне большой серебристой жаброй. Алька смотрел на море, будто охранял его сон.

А винтовка лежала рядом.

Вдруг он увидел маленький белый бурун. Бурун закипал и пенился. Он приближался к берегу, оставляя за собой стреловидный след. Мальчик вскочил на ноги. Что это могло быть? Рыба-меч? Дельфин? Бурун рос. Теперь было видно, что его образует движущийся штырь, торчащий из воды. Когда таинственный бурун приблизился к берегу, вода забулькала, закипела, заволновалась. И на поверхности показалась мокрая серо-зеленая рубка подводной лодки.

Море тревожно заворочалось и проснулось. Несколько волн побежало от подводной лодки к берегу и ударились о камни у Алькиных ног. Мальчик почувствовал слабость в коленках. В голове у него промелькнули страшные догадки. И ему хотелось на всякий случай задать стрекача. Но любопытство оказалось сильнее осторожности. Алька продолжал стоять на месте и наблюдал, что будет дальше. Он даже наклонился и поднял с земли старую винтовку: пусть она не думает, что он перетрусил.

А тем временем на палубу подводной лодки, напоминающую спину кита, из боевой рубки один за другим выпрыгнули пять моряков. Они размахивали руками, словно боялись потерять равновесие и упасть в море. Потом из рубки полез мягкий зеленый предмет, который оказался надувной резиновой шлюпкой. Моряки спустили ее на воду и стали садиться. Их руки, расставленные в стороны, напоминали крылья птиц.

Алька с опаской наблюдал за тем, что происходило в море. Матросы сели за весла. Четверо гребли, а пятый сидел на корме и хриплым голосом командовал:

— И-раз! И-раз! И-раз!..

Когда шлюпка приблизилась к берегу, хриплый голос командовал:

— Суши весла!

Моряки сразу перестали гребти. Подняли короткие весла.

Алька стоял в стороне от того места, где мягкий резиновый нос шлюпки уткнулся в песок. Он прижал к себе ржавую винтовку, а глаза его стали такими большими, словно хотели вместить и подводную лодку, и пятерых матросов, и пустынный берег, на котором сейчас должны были развернуться какие-то таинственные события.

Моряки побросали весла и, подхватив ящики защитного цвета, побежали в сторону степи. Только один остался при лодке: тот самый, который подавал команду, а сам не греб. Он сел на камень и закурил.

Некоторое время Алька переминался с ноги на ногу, не зная, что ему делать. Но какая-то сила так и подталкивала его вперед, и Алька, осторожно переставляя ноги, направился к моряку с подводной лодки. Он изо всех сил старался не производить шума, но тут море совсем некстати начало грызть сухарь — не могло подождать немного! — и моряк неторопливо оглянулся.

Он увидел худенького мальчишку, который с трудом нес большую ржавую винтовку.

— Это что еще за аника-воин? — с усмешкой спросил он, разглядывая Альку.

Алька молчал.

Он остановился перед моряком и рассматривал его большими любопытными глазами. Моряк был в летах. Его морщинистое лицо было покрыто тем вечным морским загаром, который не проходит даже зимой. Плотный стоячий воротник кителя подходил под самый подбородок, а фуражка была надвинута на глаза. Острый козырек бросал на лицо тень. Фуражка молодила моряка. На плечах у него были погоны мичмана.

Алька рассматривал мичмана, а старый моряк смотрел на Альку, потом перевел взгляд на винтовку и протянул к ней руку, словно хотел поздороваться с ней.

— Что это у тебя за оружие? Дай-ка сюда, — сказал он.

Алька послушно отдал ему старую винтовку.

В руках моряка старая винтовка сразу ожила, помолодела. Из тяжелой и неповоротливой она стала легкой и подвижной. Моряк подбрасывал ее, хлопал по прикладу и пытался сдвинуть с места ржавый затвор. Казалось, что мичман и старая винтовка давно знают друг друга и рады встрече. Наверное, и в самом деле, когда винтовка стреляла, мичман был молодым. А теперь лицо у него в морщинках, а виски совсем седые. Он старый солдат.

Альке стало очень жалко винтовку, словно, после того как она попала в руки старого солдата, к ней что-то прибавилось и она стала для Альки дороже.

Окончив осмотр, мичман положил оружие на колени и стал поглаживать рукой приклад. Он делал это не глядя. И вдруг его сухая ладонь на что-то наткнулась, что-то обнаружила, потому что мичман торопливо полез в боковой карман кителя и достал оттуда очки.

Если лихая морская фуражка молодила его, то в очках мичман сразу стал казаться старым. И Алька заметил, что ру-

ки у него слегка дрожат. Моряк склонился над прикладом и стал внимательно разглядывать его сквозь очки. Он совсем забыл об Альке. Неожиданно мичман поднял глаза и, глядя поверх очков на мальчика, сказал:

— Подойди ближе. Смотри.

Алька посмотрел на приклад и ничего не увидел. Может быть, то, что нужно было увидеть, можно разглядеть только сквозь очки?

— Что-нибудь написано? — поинтересовался Алька.

Вместо ответа мичман взял Алькину руку и провел ею по ребру приклада.

— Чувствуешь зазубрины?

— Чувствую.

— Здесь восемь зарубок. Можешь пересчитать. Это значит восемь убитых фашистов. Понял?

Алька утвердительно кивнул головой. Но он покривил душой. Он ничего не понял. Просто в его голове мелькнула догадка: наверно, эта винтовка когда-то принадлежала мичману, раз ему известно, сколько фашистов она убила. Тогда Алька спросил:

— А если оттереть всю ржавчину, она выстрелит?

Мичман снова взглянул на винтовку.

— Курок взведен, — сказал он, — значит, винтовка заряжена. В ней есть патрон. А ты что с ней собираешься делать?

Алька поморщился. Ему было стыдно признаваться мичману, что он собирается бросить винтовку в море. Он вздохнул и тихо пробормотал:

— Топить. Мать велела...

Видимо, ответ не понравился мичману. Он недовольно посмотрел на Альку.

— Разве оружие можно топить! — проговорил он хриловатым голосом. — Это винтовка.

Алька был согласен с мичманом, но попытался оправдать поступок, который ему предстояло совершить. Он сказал:

— Так ее уже кто-то топил...

Мичман не дал ему договорить.

— Что значит «топил»? — вспыхнул мичман, и голос его был сердитым. — Это оружие выронил из рук мертвый боец или матрос. Может быть, он вместе с винтовкой пошел ко дну... А может быть, был ранен. Только он был героем. Видишь, сколько фашистов он уложил? Пересчитай!

Мичман замолчал и еще раз провел ладонью по зазубринам на прикладе.

Море молчало. Казалось, оно вместе с Алькой внимательно слушает каждое слово старого солдата — мичмана. И он говорил правду, потому что, если бы это было не так, море загремело бы бурей. Ведь оно тоже было в те дни. Оно тоже старый солдат.

Алька опустил голову. Он не знал, что ему теперь делать с винтовкой. Может быть, взвалить ее на плечо и уйти туда, где не заставляют бросать старое оружие? Но расстаться с винтовкой героя было уже выше его сил.

Мичман посмотрел на часы и вдруг резким движением сорвал с носа очки. Он сразу стал молодым и холодным.

— Сейчас начнется, — сказал он. — Ты не боишься стрельбы?

Алька не успел ответить. Где-то за горизонтом по небу прошел тревожный всполох. И сразу, как морские валы, оттуда покатались чугунные раскаты артиллерийских залпов.

Альке хотелось прижаться к мичману. Но он сдержался и только спросил:

— Война началась?

Мичман не расслышал Алькиного вопроса. Всполохи над горизонтом возникали все чаще. И чугунный гром уже гудел без умолку. А море было спокойным. И мичман был спокоен. И Алька больше не спрашивал, началась ли война.

Потом мичман растолковал Альке, что там, за горизонтом, стоит боевой корабль, не видимый с берега. Это он ведет огонь. И это его невидимые снаряды с железным пением пролетают над головами Альки и мичмана и рвутся где-то далеко на полигоне. И что четыре моряка, которых подводная лодка выбросила вместе с мичманом на берег, — корпост корабля. Это корпост сообщает кораблю, куда ложатся его снаряды, потому что сам корабль за горизонтом и ему ничего не видно.

Стрельба стихла так же неожиданно, как и началась. Погасли всполохи, и невидимый корабль перестал стрелять. Мичман посмотрел на Альку: глаза мальчика горели, он не боялся корабельной артиллерии. А к морю со стороны берега уже бежали моряки — корпост, выброшенный с подводной лодки.

— Порядок? — крикнул им навстречу мичман.

— Порядок! — ответил корпост.

Теперь мичману было уже не до мальчика. Он быстро столкнул мягкую круглобокую шлюпку в воду, и моряки с разбегу прыгали в свое резиновое судно. И снова хрипловатый голос зазвучал над морем:

— И-раз! И-раз!..

Это Алькин знакомый мичман подавал команду.

Мальчик стоял на берегу и провожал шлюпку глазами. Он видел, как шлюпка прижалась к мокрой китовой спине подводной лодки, как моряки выпрыгнули на палубу и стали захивать свое резиновое суденышко в рубку. Потом они сами один за другим нырнули внутрь. Последним скрылся мичман. Перед тем как исчезнуть, он помахал Альке рукой.

Море слегка заволновалось. Это вода хлынула в балластные цистерны подводного корабля, чтобы помочь ему погрузиться в морские глубины. И лодка исчезла, будто ее и не было.

Тут только Алька заметил, что старая винтовка у него в руках. Наверно, мичман поверил, что Алька не выбросит в море оружие, которое принадлежало герою, и вложил винтовку

ему в руки. Алька поднес приклад к глазам и разглядел чуть заметные зазубрины. А потом он стал считать: их было восемь. Восемь фашистов уложила винтовка своим огнем. И еще в ней остался боевой патрон. Он хранится где-то в глубине, куда не доходит вода и не проникает ржавчина. И этот патрон может выстрелить. Когда понадобится.

Алька прижал к себе винтовку и зашагал обратно. Он решил спрятать ее в укромном местечке: в дупле старого тополя. Пусть старый солдат стоит на часах с оружием.

Когда человек в хороших отношениях с морем, это кое-что значит. Море может положить к его ногам не только рваный башмак или клоч бурых водорослей — оно может наградить старым боевым оружием и познакомить с мичманом, которого вместе с корпостом выбросила на берег подводная лодка.

Алька шел домой. А море шло рядом и грызло свой сухарь. Оно было тихое и мирное. Но Алька знал, что где-то там, за линией горизонта, ходят корабли, а под водой несут свою службу подводные лодки. И старые солдаты ждут, пока Алька подрастет и придет им на смену.

СТАНЦИЯ МАЛЬЧИКИ

ЗАКОПЧЕННОЕ СТЕКЛЫШКО

Вам когда-нибудь приходилось смотреть на солнце через закопченное стеклышко? Голубое небо становится серым. Белые облака чернеют. А ослепительное солнце превращается в маленький тусклый шарик. Как поплавок, плывет оно в темных волнах. То исчезнет, то появится снова. Говорят, сквозь закопченное стекло видны протуберанцы — огненные языки солнечного пламени...

Почему Алеша вспомнил об этом? Разве ему сейчас до какого-то стеклышка? И при чем здесь протуберанцы?

У Алеши горе. Это оно красит в черный цвет и небо, и облака, и ледяную горку. Если бы горе можно было оторвать от глаз, как закопченное стеклышко, и забросить куда-нибудь далеко-далеко!

На улице морозно. Снег под Алешиными шагами хрустит громко: хруп, хруп, хруп. Но Алеша не слышит своих шагов. Он идет по бульвару в бурой дубленой шубке, выдавшей виды, в лопоухой шапке-ушанке, в шершавых варежках на тесемочках (чтобы не потерялись). Глаза у Алеши большие, серые. Но стоит ему улыбнуться, как они сразу пропадают и вместо них остаются две узкие щелочки. На скулах у Алеши веснушки, хотя до весны еще далеко. И на порозовевшем от мороза чуть приплюснутом носу тоже расположилось несколько веснушек. Алеша никогда не обращает на них внимания. Это только мама гладит их пальцами и говорит:

— Если верить твоим веснушкам, то на свете нет ни лета, ни осени, ни зимы. Одна весна.

Бульвар длинный и седой. Нет ему конца — морозному, ледяному, похожему на лесную просеку. Здесь сейчас пустынно, как в лесу, и только краснобокие трамваи, мелькающие за деревьями, напоминают о том, что здесь город. Сегодня воскресенье. Красное число. Но оно для Алеши не красное, а черное.

Вы знаете, что такое горе?

Если вы сломали свой самокат, или набили себе шишку, или у вас не хватило денег на билет в кино, — знайте, это еще не горе. И не стоит из-за этого печалиться.

Горе — это когда не удалась жизнь.

Что значит «не удалась жизнь» и что надо сделать, чтобы она удалась? У кого спросить? Может быть, у этой бабушки — случайной прохожей, — ведь бабушка давно живет на свете, ей все должно быть известно. А может быть, у нее самой не удалась жизнь?

ССОРА

Ссора в доме началась утром.

Алеша слышал, как за стенкой папа крикнул: «Хватит!» — а мама сказала: «Нет, изволь выслушать!» И она говорила долго и тихо. Потом они говорили оба, перебивая друг друга. Алеша не слышал, о чем они говорили, но по голосу он почувствовал, что каждый старается сделать другому больно. До него долетали обрывки обидных слов.

Алеша не видел отца, но знал, что папа каждое слово сопровождает взмахом руки, словно бросает его, как камень. А мама при каждом слове щурит глаза (как Алеша, когда улыбается), словно ожидает удара.

Алеша встал со стула и подошел к стенке. Нет, нет, не потому, что ему хотелось подслушать разговор родителей, ему не

терпелось дожидаться, когда наконец кончится ссора и наступит мир.

Но мир не наступал.

— Ты не думаешь о ребенке, — сказала мать.

— При чем здесь ребенок, — ответил отец. — Ребенок здесь ни при чем.

— Вот-вот, — подхватила мама, — я ни при чем, ребенок ни при чем. Один ты.

А мальчик стоял у стены, словно наказанный, и слушал, и слушал этот резкий разговор. Каждое слово ударяло его по сердцу. А глаза его наполнялись слезами, горькими и немymi. Ему хотелось открыть дверь, вбежать в комнату и крикнуть: «Папа! Мама! Я люблю вас обоих. Почему вы ссоритесь? Ведь вы оба хорошие».

Но он продолжал стоять на месте. Ноги не двигались, будто магнит держал подметки башмаков.

Ему было стыдно, что он подслушивает, и кровь ударяла ему в лицо. И от бессилия, от стыда, от горькой обиды слезы накапливались в глазах и текли, текли...

Мама сказала:

— Жизнь не удалась.

И замолчала.

А папа ходил по комнате. Алеша слышал его тяжелые большие шаги. И ему казалось, что с каждым шагом отец все дальше и дальше уходит от него.

Жизнь не удалась... Что значит «жизнь не удалась»? Алеша стоял перед холодной стеной и слушал шаги отца, словно они могли дать ему ответ на этот тяжелый вопрос. И вдруг Алеша понял, что он виновник ссоры отца с мамой. Ведь его имя так часто доносилось из-за стенки: ребенок, Алеша, сын.

А что, если Алеши не будет? Тогда в доме настанет тихая и мирная жизнь: не из-за кого будет ссориться. Разве не так?

Алеша почувствовал, что невидимый магнит, крепко дер-

жавший подметки его ботинок, вдруг ослаб. Мальчик отошел от стены и тихо направился к двери.

Шубка-дубленка и шапка-ушанка. Шарф. И варежки на тесемочке, чтобы не потерялись...

Никто не слышал, как дверь тихо закрылась за Алешей. Как щелкнул медный язычок французского замка. Как замерли шаги на каменных ступеньках лестницы.

НА КРАЙ СВЕТА

На улице все люди кажутся счастливыми. Никто не плачет. Никто не вздыхает. Никто не жалуется. И поэтому кажется, что несчастлив ты один и нет у тебя товарищей по несчастью, а от этого несчастье еще тяжелее. И Алеша сердито смотрел на людей, которые попадались ему навстречу.

Никто не сказал Алеше доброго слова, не потрепал его по плечу, даже не обратил на него внимания. Ведь на улице все люди кажутся счастливыми. Вероятно, прохожие приняли и Алешу за счастливого.

Мальчику захотелось крикнуть на весь бульвар: «Неправда! Мне плохо! Я навсегда ушел от папы и от мамы!» Пусть все знают, что он несчастливый. И пусть никто не принимает его за счастливого!

Но Алеша не произнес ни слова. Он только ускорил шаги. И от этого снег захрустел еще громче. Алеша старался отвлечься от своих мыслей. Он смотрел по сторонам. Не пропускал ни одной накатанной дорожки, поддавал ногой каждую попавшуюся на глаза льдинку, и она летела, как самая настоящая хоккейная шайба.

Но тяжелые мысли о доме снова и снова возвращались к Алеше, и он шел, уставясь в одну точку перед собой, шел куда глаза глядят. А куда они глядят?

Папа с мамой думают, что он, Алеша, ничего не замечает,

что он маленький. Странные люди. Они забывают, что Алеше уже скоро десять. Он все видит. Все слышит. Все понимает. Он понимает, что жизнь не удалась. Ну и что же, что не удалась? Сегодня не удалась. Завтра не удалась. Может быть, послезавтра удастся? Ведь не все же дается легко. Это Алеша хорошо усвоил. И еще он усвоил, что надо бороться.

И он боролся.

Когда папа звал его в кино, он говорил: «Пусть с нами пойдет мама». Когда мама приглашала его гулять, он обязательно старался, чтобы папа тоже шел на скверик. Он появлялся в комнате, когда чувствовал, что начинается ссора. Он знал, что мама тут же скажет: «Что ты говоришь при ребенке?» — и ссора потухнет. Надолго ли?

Иногда он думал так: если у мамы не будет Алешки, то будет у нее один папа, а у папы будет мама. Не может же человек быть одиноким. И они будут вдвоем. А он, Алешка...

И вот его нет. Он шагает по утреннему морозному городу, по родному городу, который сейчас кажется ему холодным и чужим. Он ускоряет шаги, словно надеясь на то, что горе не угонится за ним и отстанет. А если уехать куда-нибудь далеко, то оно и вовсе потеряет Алешу из виду.

И он решил уехать.

Куда?

Не все ли равно? Хоть на край света. Чем дальше, тем лучше,

ВОКЗАЛ

Если во всем городе снег белый, то у вокзала он всегда черный. Тысячи ботинок, галош, валяных сапог днем и ночью топчут его, оставляя свои большие и маленькие отпечатки. Не успеет метель постелить перед вокзалом свежий половичок, как его тотчас же истопчут. И он будет лежать грязным до следующего снегопада.

Если обычная улица похожа на реку, то вокзальная — на водоворот: здесь люди ходят в два раза быстрее, говорят в три раза громче и носят на своих плечах тяжелые тюки и чемоданы. Возле вокзала каждый куда-то бежит, что-то ищет, кого-то зовет.

Алеша не заметил, как очутился в этом вокзальном водовороте. Сначала он шел не торопясь. Шел, как человек, которому некуда спешить. Он даже умудрился остановиться, чтобы внимательно осмотреть здание вокзала. Вокзал был похож на старинную крепость с башнями и зубцами. Над входом синел циферблат огромных часов. На нем рядом с цифрами были нарисованы разные животные: теленок, скорпион, рак. В древности каждый такой знак имел свой особый смысл. Назывались они «знаки Зодиака». Алеша не успел рассмотреть всех рисунков. Над самым ухом прозвучал басистый голос:

— Эй, посторонись!

Алеша едва успел отскочить, как мимо проехала тележка, нагруженная целой горой чемоданов. Алеша посторонился и тут же попал в поток пассажиров. Как не легко выбраться из речного водоворота, так не просто выйти из потока людей у вокзала. Этот поток тут же подхватил Алешу и внес его в вокзал.

Вокзал гудел как улей. Люди смеялись, кричали, обнимались. Два слова повторялись чаще других: «до свидания» и «здравствуйте».

Но Алеше некому было сказать ни «здравствуй», ни «до свидания». Никто его не встречал и не провожал. Никто не обращал внимания на мальчика в бурой дубленке и лопухой шапке. Он двигался в потоке людей, как самодельный корабль с газетным парусом.

Так Алеша очутился у кассы.

Он остановился перед расписанием и, запрокинув голову, стал читать названия городов и станций, куда следуют поез-

да. «Куда бы это поехать? В Казань или в Свердловск? А может быть, еще дальше — в Ташкент?»

И тут Алеша обратил внимание на то, что рядом со станцией назначения стояла цена билета. Билет до Казани стоил восемь рублей, а до Свердловска еще дороже. Алеша опустил руку в карман и извлек оттуда все свои капиталы — сорок три копейки. Куда можно уехать на сорок три копейки? На такие деньги далеко не уедешь.

Алеша еще раз поднял глаза на расписание, и тут взгляд его упал на строку, которая была почти на самом верху: в расписании станции чем ближе, тем выше. Он прочел: «Станция Мальчики, цена билета — тридцать пять копеек».

Алеша прочел это странное название и улыбнулся ему, как старому знакомому. Где находится эта загадочная станция Мальчики? И почему она так называется? Может быть, на этой станции живут одни мальчики и нет ни взрослых и ни девчонок? И может быть, эта незнакомая мальчишеская станция приютит человека, которому не нашлось места в большом городе? И он не будет несчастным и одиноким?

Он решительно подошел к маленькому полукруглому окошечку кассы, протянул деньги и сказал:

— Билет до станции Мальчики.

Глухо стукнул компостер, пробивая дырочки, и перед Алешей очутился маленький картонный билет. Алеша взял его, повертел в руках, с любопытством рассматривая. На билете было написано: «Действителен для выезда в течение трех часов с момента выдачи». Медлить было нельзя. Алеша сунул билет в карман и зашагал на перрон.

СУДЬБА

Если бы у Алеши не было билета, он бы, наверное, еще подумал, ехать ему или нет. Но человек, попавший на вокзал и купивший билет, это все равно, что вагон на рельсах. Ни-

какая сила не заставит его изменить решение и сойти с рельсов. И все его колебания имеют не больше веса, чем сомнения вагона: идти ему по рельсам за паровозом или свернуть на лужок.

А вокруг все кипело, спешило, двигалось. Прсбежала молочница, гроыхая жестяными доспехами пустых бидонов. Прошла женщина с двумя ребятишками, закутанными по самые носы. Три девочки с косичками пронесли на плечах лыжи. Загнутые носики лыж были спрятаны в аккуратные мешочки: иначе не пустят в вагон. За ними прошла продавщица мороженого. Поверх сорока одежек на продавщице был белый халат, который выделялся в толпе. Она несла на плече здоровенный деревянный ящик, похожий на футляр от баяна, и жарким раскатистым голосом выкрикивала:

Пломбир продаю,
Продаю эскимо!
Жевать не придется —
Растает само!

Люди шли в пальто и в шубах, в куртках и шинелях. И все спешили, хотя до отхода поезда оставалось десять минут.

Алеша дошел до четвертого вагона и остановился. «Поеду в этом», — подумал он и тут же решил войти в следующий. Но следующий вагон оказался вагоном для пассажиров с детьми, и Алеша, презрительно покосившись на эмалированную табличку, прошел дальше.

Наконец у головного вагона он остановился и оглянулся. Тайная надежда прокралась в его сердце: а вдруг мама и папа помирились и спешат за ним? Он стал жадно всматриваться в лица спешащих пассажиров, привставал на цыпочки, дошел обратно до вагона «Для пассажиров с детьми». Но нигде не было видно ни серой маминой шубки, ни черного папиного пальто. В кармане дубленки лежал маленький кусочек картона. Он торопил Алешу, звал его в путь. Это был билет. Это была его судьба.

«Поезд отправляется!» — с расстановкой произнес голос из громкоговорителя.

Перрон опустел. Алеша подбежал к вагону и вошел в тамбур. Поезд медленно поплыл по рельсам, он шел вперед, на станцию Мальчики.

«ВАШИ БИЛЕТИКИ!»

Когда Алеша вошел в вагон, свободных мест уже не было.

Пассажиры — вагонные новоселы — быстро обжили свой временный дом на колесах. Кто читал газету, держа ее перед собой на вытянутых руках; кто, сладко посапывая, дремал, упершись в грудь подбородком; кто с удовольствием уписывал эскимо, купленное у круглолицей продавщицы. Трое парнишек в куртках ремесленного училища сражались в домино с сухим безбородым стариком. Старик поднимал кость над головой, со стуком обрушивал ее на чемоданчик, заменявший стол, и приговаривал: «То-то и оно-то! То-то и оно-то!»

Все пассажиры так удобно и основательно устроились в вагоне электрички, словно ехали уже давным-давно.

Алеша прислонился к стенке и расстегнул две пуговицы своего дубленого тулупчика. В вагоне было жарко, и колючий иней тут же стоял с ресниц, с мохнатых ушей шапки, с воротника. Алеша стоял на одной ноге, а вторую слегка подогнул, как аист. Он смотрел в окно. В белом квадрате, как на экране кино, мелькали столбы, светофоры, будки. Город не хотел сдаваться пригороду, и еще долгое время в окне проплывали высокие дома с внушительными вывесками магазинов. У Алеши с первого класса сохранилась привычка читать вывески. Но сейчас он не замечал привычных слов: «Мебель», «Продмаг», «Домовая кухня», хотя написаны они были аршинными буквами. Больших домов становилось все меньше и меньше. Владения города кончались. Началось царство белых полей, перелесков, одноэтажных домиков.

Рядом с поездом по шоссе мчался последний представитель города — автобус. Он несся изо всех сил, не желая отставать от поезда, напоминая пассажирам о том, что город еще недалеко. Но вот и он отстал. А вместе с ним оборвалась последняя ниточка, связывающая Алешу с городом.

Поезд увозил Алешу все дальше и дальше от родного дома. И Алеша был уверен, что уезжает на всю жизнь. Может быть, он и вернется домой, но через много-много лет. Папа и мама будут уже старенькими, седыми, а он сам превратится в высокого плечистого мужчину. Что он будет делать все эти годы и каким образом он станет самостоятельным, взрослым человеком? Об этом Алеша сейчас не думал.

Говоря по чести, Алеша всю жизнь мечтал о путешествиях. И хотя в наш век парусный флот давно уступил место быстроходным дизель-электроходам, Алеша представлял себе путешествие только на борту белокрылого фрегата. Тяжелые волны разбиваются о форштевень. Скрипят мачты. Хлопает парусина. А он, Алеша, стоит у штурвала в брезентовой куртке с башлыком и вытирает с лица ладонью соленые брызги океана. Пятую ночь не спит команда. Пятые сутки никому не передает штурвала капитан Алеша. Усталость валит его с ног, но он ведет свой сорокапушечный фрегат через шторм к далекому берегу...

О чем говорят колеса? Рассказывают друг другу свои истории или читают скороговорки? Никогда не думал Алеша, что путешествие на простой дачной электричке окажется таким трудным. Куда труднее, чем на воображаемом фрегате. И хотя поезд мчался вперед, мысли мальчика на ходу соскочили с подножки и побежали назад, в город, к трехэтажному дому, что стоит в переулке, выходящем на бульвар.

— Приготовьте билетики! Приготовьте билетики!

Алеша оторвался от своих мыслей. И хотя билет был у него в кулаке, он заволновался. Вдруг что-нибудь не так? Он разжал ладошку, чтобы удостовериться в том, что билет на

месте, и в глаза ему бросилась надпись: «Действителен для выезда в течение трех часов с момента выдачи». Алеше казалось, что с того момента, как он пришел на вокзал, прошло куда больше времени и билет стал недействительным.

А контролер шел по вагону с блестящими щипчиками и весело щелкал билеты, как орешки: щелк, щелк, щелк.

— Ваши билетики!

Алеша протянул билет высокому контролеру и с опаской посмотрел на него снизу вверх.

— Один едешь? — спросил контролер, рассматривая Алешин билет.

— Один, — ответил Алеша и заволновался.

Но контролер, осмотрев билет, вложил его в никелированные челюсти щипчиков и щелкнул: значит, все в порядке. Потом он протянул билет маленькому пассажиру и добродушно заметил:

— Как это тебя, такого маленького, родители отпускают?

— Я не маленький, — сказал Алеша.

Контролер пропустил его слова мимо ушей и спросил:

— В гости небось едешь?

Алеша ничего не ответил. Объяснять незнакомому контролеру печальную историю своего путешествия на неведомую станцию Мальчики Алеша не хотел, а врать не мог. Поэтому он опустил глаза и молчал.

— Молчун, — сказал контролер и, смерив Алешу строгим взглядом, зашагал дальше. — Приготовьте билетики!

Спящие поднимали головы. Читающие складывали газеты. Любители домино лезли в карман за билетами. И только поезд не обращал ни малейшего внимания на контролера и неся вперед, навстречу станции Мальчики.

На улице люди редко заговаривают друг с другом, а в поезде это в порядке вещей. Очутившись под одной крышей, люди будто становятся ближе друг другу. И нередко в вагоне происходят такие интересные разговоры, каких не услышишь даже в кругу друзей. И если никакие расстояния не могут оторвать человека от невеселых мыслей, то интересному разговору это под силу.

— Слыхали? Опять обнаружены следы снежного человека!

Человек, произнесший эти слова, сложил вчетверо шуршащий лист газеты, снял очки и осмотрел своих соседей с таким видом, как будто это он, а не кто другой, обнаружил следы неведомого существа.

Это сообщение было подобно спичке, брошенной в охапку хвороста, предварительно облитую бензином. Пламя заинтересованности охватило всех. Пассажиры заговорили о снежном человеке.

— Что вы говорите! А я думала, это сказки.

— Сказки! Как бы не так! От сказок следы не остаются!

— А какой он, сердечный, этот снежный? Говорят, зимой босиком бегают и ноги не застужают? Так кто же он, зверь или человек?

— Наука не дала еще точного ответа, ближе он к обезьянам или к человеческой особи. Идут поиски. Если снежного человека удастся поймать и привезти...

— Его нельзя привозить... Он дышит разреженным воздухом, а у нас он задохнется, как рыба!

Последние слова были произнесены Алешей. Он внимательно прислушивался к разговору о снежном человеке, и в тот момент, когда в вагоне электрички решалась судьба неведомого человекоподобного существа, которого, может, и вовсе нет наяву, Алеша не выдержал. Он почувствовал, что обязан вступить за беззащитного снежного человека. Он продолжал:

— И ловить его нельзя. Ведь если он человек, значит, должен быть свободным.

Алеша замолчал, переводя дыхание. А человек, возвестивший пассажирам о новых следах своего снежного сородича, надел очки и смерил взглядом непрошеного оппонента (этим словом в мире науки заменяют слово «спорщик»).

— Молодой человек, оказывается, располагает более точными сведениями о снежном человеке, — произнес он и вновь оглядел всех своих соседей, словно желая убедиться в их поддержке. — Тогда, может быть, он сообщит нам, где вообще обитает снежный человек?

— В Тибете! — выпалил Алеша.

— А где находится Тибет?

Алеша знал, где находится этот самый Тибет, знал хорошо, но в эту минуту то ли от волнения, то ли от неожиданности запнулся и умолк. Он почувствовал, как краска разливается по его лицу. И тут он, видимо, потерпел бы великое поражение, если бы не нашел случайной поддержки.

— Зачем малому экзамен устраиваете? Сегодня воскресенье, — сказал молчавший доселе мужчина в шинели железнодорожника (это он дремал, упершись подбородком в грудь). — А парень, видно, серьезный. Имеет интерес к науке.

Алеша с благодарностью посмотрел на железнодорожника и вдруг сказал:

— А Тибет находится на границе Индии и Китая.

— Молодец, внучек! — закивала бабка, которая интересовалась, как это можно по снегу босиком ходить. И тут же воскликнула: — Спутник запускают, на Луну летают. А тут еще снежного человека нашли. Чудеса!

Она порылась у себя в кошелке, достала оттуда свежую булочку и стала энергично жевать ее, продолжая глазами участвовать в ученом разговоре.

Алеша, хотя и стоял на одной ноге у стенки, мысленно уже перенесся в далекий Тибет. Он видел себя в окружении верных

друзей (учеников своего класса) идущим по таинственному следу. Вот он опустился на колени, достал выпуклую лупу и приложил ее к следу: пять корявых пальцев были отпечатаны в сахарном снегу. «Он?» — спросил Алеша, и друзья авторитетно подтвердили: «Он!»

В это время проводник объявил: «Следующая станция Мальчики».

Алеша бросился к выходу. Сердце его вдруг застучало так гулко, что казалось, весь вагон должен слышать удары. Поезд приближался к заветному рубикону. Алеша вышел на площадку. Луч солнца ударил ему в глаза, и они превратились в две узкие щелочки. Электричка замедлила ход.

СТАНЦИЯ МАЛЬЧИКИ

Над землей летят воздушные корабли. Бороздят море пароходы. Выбиваются из сил красные колеса локомотивов. Но их движение не вечно. Рано или поздно они придут к месту следования. Аэродром примет самолет. Пристань окажет гостеприимство кораблю. Поезд остановится у перрона.

— Прибыли!

И не имеет никакого значения, проехал ты тысячу километров или ехал от дома двадцать минут, поезд замрет у перрона, чтобы через несколько мгновений умчаться дальше.

Станция Мальчики!

Вагон поравнялся с длинной заснеженной платформой. Сперва он поплыл. Потом пополз. Потом слегка покачнулся и замер. Алеша спрыгнул на платформу и огляделся.

Яркое солнце и ослепительно белый снег, холодящий загородный ветерок и тишина обступили его, закружили и опустили на неведомую землю.

Алеша не заметил, как тихо уплыл поезд, как торопливо сбежали вниз пассажиры. Глаза его сощурились, и было непонятно, жмурится он от солнца или улыбается.

На платформе остались два человека: дежурная по станции в красной шапочке и старуха в огромном платке, торгующая семечками. А где же мальчики? Где коренные обитатели страны мальчиков?

Красная шапочка шла по платформе, держа в руке двуствольный футляр с флажками. Она шла мелкими шажками, и ее высокие каблочки сопровождали каждый шаг щелчком. Вероятно, вид у Алеши был очень растерянный, потому что, поравнявшись с ним, красная шапочка посмотрела вопросительно и, не останавливаясь, сказала:

— Что, ошибся станцией?

Вместо ответа Алеша отыскал глазами вывеску с названием станции. На белом щите рослыми черными буквами было написано: «Мальчики». Нет, Алеша не ошибся. Он хотел было сообщить об этом дежурной. Но красная шапочка скрылась в дверях станции.

Напротив Алеши сидела бабка. Перед ней на земле лежало все ее богатство: мешок с жареными подсолнухами. Покупателей не было. И только предприимчивый воробей прыгнул на отогнутый край мешка и клевал семечки. Он делал это так обстоятельно и неторопливо, будто долго выбирал самые крупные и самые поджаристые подсолнухи. Сама бабка задумчиво смотрела вдаль и вместе с воробьем щелкала свой товар. Семечки были ей глубоко безразличны, ибо она-то пощелкала их на своем веку вдоволь и сейчас почти механически отправляла в рот одно семечко за другим, одно за другим...

Красная шапочка, воробей и бабка с мешком подсолнухов были самыми обычными. Но Алеше они представлялись жителями неведомой страны, и он смотрел на них с нескрываемым почтением.

Наконец, мысленно простившись со всеми тремя, Алеша зашагал по пустой платформе. Ему бы следовало подумать, куда направить свои стопы и что делать в этом незнакомом краю. Но в эту минуту он испытывал чувство первооткрыва-

теля и спокойно шел навстречу судьбе. И только одиночество немного угнетало его.

В это время к Алеше подбежал небольшой добродушный пес. Собаки бывают двух родов: летние и зимние. Зимние — мохнатые, с густой шерстью. В таких шубах им не страшен никакой мороз. Летние — гладкие, короткошерстные. У них вместо шуб — легкие куртки. Зимние псы летом страдают от жары (ведь шубу-то не снимешь!), зато зимой такой пес кум королю. Летним собакам достается в морозы.

Встречный пес был летним, он должен был чувствовать себя неважно. Но он, видимо, был из породы неунывающих и не поддавался морозу. Ни минуты не стоял он без движения. Его короткий хвост все время ходил ходуном, будто был подвешен на пружинке. Встретив Алешу, пес стал кружиться вокруг него, вставал на задние лапы, а передними упирался в дубленку. Словом, вел себя так, будто всю жизнь только и мечтал о встрече с Алешей и наконец мечта его сбылась.

Алеша тоже был рад этой неожиданной встрече. Вероятно, в эту минуту он был так же доволен, как Робинзон, встретивший Пятницу. Алеша гладил пса, трепал его по загривку и всячески показывал ему свое расположение.

Итак, он не одинок. Их двое. Есть у него свой Пятница! Теперь можно смело ступать на неведомую землю. И Алеша в сопровождении нового друга сбежал по трем заснеженным ступенькам с платформы.

ВДВОЕМ С ПЯТНИЦЕЙ

Путешествие окончилось. Но Алеше казалось, что он продолжает удаляться от дома. И если не поезд, то время уносит его все дальше и дальше.

В какое-то мгновение ему вдруг захотелось дожидаться встречного поезда и вернуться домой. Он даже обшарил все

карманы в надежде найти денег на обратный билет. Но карманы были пусты. Путь назад был отрезан. Корабли сожжены. Алеша тяжело вздохнул и покорился судьбе.

Он посмотрел на пса со станции Мальчики, и тот приподнял правое ухо, выражая этим готовность выслушать своего нового друга. Но Алеша не стал объяснять ему все свои нелегкие переживания. Он только сказал:

— Пошли!

И они тронулись вперед.

У зимы свои дороги. Они хоть и узенькие, но прямые. И куда короче летних. Они не желают обходить ни поля, ни пруды, ни реки, а идут напрямик, проложенные ботинками пешеходов. По одной из таких тропинок шагал Алеша в сопровождении Пятницы. И все, что встречалось ему в пути, казалось необычным и удивительным.

На дороге ему попался синий киоск. С крыши киоска свисала целая ледяная челка сосулек. Одни сосульки были длиннее, другие — короче. Алеша был человеком аккуратным, и ему захотелось взять большие ножницы и подровнять сосульки, как парикмахер подравнивает волосы. Но ножниц не было.

За киоском, прямо на снегу, лежали кирпичи. Они были такими красными, что казалось, их только что раскалили в печи и если до них дотронуться, то можно обжечь руку. Алеша прошел мимо горячих кирпичей и вышел на незнакомую улицу. По обеим сторонам заснеженной мостовой стояли одноэтажные домики. Они были не похожи друг на друга. У одних крыши были красные, у других — зеленые, у третьих — серые, шиферные. И все вместе они напоминали одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков. С некоторых крыш не успели сбросить снег. И рядом с чистыми крышами они выделялись своей белизной. Казалось, их просто забыли покрасить. На некоторых гордо возвышались антенны, похожие на букву «Г».

Алеша шел дальше. А пес послушно ступал за ним, полностью доверяя ему.

В одном из дворов на длинной веревке было развешано белье. И разноцветные рубашки напомнили Алеше морские флаги расцвечивания, какие он видел однажды на военном корабле.

Все, все здесь было незнакомым, непривычным и удивительным. Все было не так, как дома. И Алеше временами казалось, что если он заговорит с местным жителем, то тот даже не поймет его. Поэтому он молчал.

Так Алеша дошел до конца улицы. Улица кончилась — началось поле.

Оно было белое и широкое, как море. Солнце светило очень ярко, и от этого по снегу пробегали яркие разноцветные огоньки. Снег казался живым. Он пахнул арбузом. Вдоль поля тянулись щиты снегозадержания. Они были похожи на большой забор. Алеша знал, что такой забор ставят в поле зимой, чтобы задержать снег.

Куда идти? В поле? А что дальше, за полем?

Алеша вопросительно посмотрел на пса, а пес посмотрел на Алешу. И оба решили, что лучше вернуться.

Алеша повернулся спиной к полю и увидел снегиря. Снегирь сидел на ветке, вобрав в себя голову и сердито нахохлившись. Весь он был серый, пепельный, и только грудка его была алой. И поэтому он был похож на уголек. Дунет ветер, затрепещут алые перышки — уголек разгорится сильнее. Снегирь сидел на ветке, а Алеша стоял перед ним.

Снегирь заметил Алешу и вопросительно посмотрел на него: кто такой и зачем пожаловал? Потом снегирь стал переступать с лапки на лапку, словно хотел проверить: не примерз ли он к ветке, сможет ли в нужную минуту улететь. И, видимо убедившись в безопасности, успокоился.

А маленький странник все стоял и стоял перед ним как замороженный: простой снегирь казался ему загадочной заморской птицей. И станция Мальчики нравилась ему все больше.

Должны же быть на станции Мальчики мальчишки! Или человек, давший название станции, жестоко подшутил над Алешей? А если они действительно есть, то неужели пес — верный спутник следопытов — не поможет найти их след.

И пес решил помочь. Он побежал впереди. Алеша зашагал следом. Временами пес оглядывался, чтобы удостовериться, поспевает ли за ним Алеша. Они свернули в небольшой переулок, который так занесло снегом, что он был похож на гребень снежного хребта. Тропинка то поднималась вверх, то опускалась вниз. Ноги скользили. И один раз Алеша чуть не упал, но в последнюю минуту удержал равновесие. Пес Пятница скакал по тропке, как горный козел. Ему все было ни почем.

Наконец хребет окончился, и путешественники спустились в долину — вышли на широкую улицу. Вот тут-то Алеша наконец встретил истинных аборигенов станции Мальчики — мальчишек. Их было много: десять, а может быть, двадцать. Мальчики соорудили снежную крепость. И когда Алеша со своим верным спутником появился на большой улице, начался снежный штурм. Снежные ядра летели в снежные стены и попадали в снежных ребят. Именно в снежных, потому что все участники боя были с ног до головы облеплены снегом.

Алеше очень захотелось скомкать холодный снежок и кинуться в бой. Но, соблюдая этикет, одинаковый для всех мальчишек мира, он терпеливо стоял в сторонке и ждал, когда его заметят. И его заметили.

Снежный натиск сразу стал слабеть. Ребята начали разглядывать Алешу и перешептываться: новенький! А как известно, новенький — целое событие в мальчишеской жизни.

Новенького всегда встречают ледяным презрением. Ему приписывают множество отвратительных качеств, хотя на деле он может оказаться очень хорошим малым. Каждый на

всякий случай считает его хвастунишкой (хотя он еще не успел раскрыть рта), задирой (хотя он скромно стоит в сторонке), ябедой (хотя он еще не знает ни одного имени), трусом (хотя он еще не ретировался в драке). И нет в мальчишеских душах ни снисхождения, ни сочувствия к новенькому. Ему неизбежно предстоит пройти суровое испытание, прежде чем он будет принят в шумное, безалаберное братство мальчишек.

Алеша хорошо знал этот закон, не имеющий исключений, и мужественно приготовился к испытаниям.

После короткого военного совета, который осажденные и нападающие немедленно провели у стен крепости, самый рослый парнишка подошел к Алеше. Он был рыжий, как огонь: челка рыжая, брови рыжие, ресницы рыжие и глаза тоже были рыжие.

— Ты к кому приехал? — спросил парнишка независимым тоном. Он мог себе позволить так говорить, так как за его спиной стояло целое войско.

— Ни к кому, — ответил Алеша.

— Рассказывай! — недоверчиво пробурчал рыжий и сдвинул шапку на затылок.

От этого он стал еще рыжей.

Алеша стоял и молчал. Снежная гвардия надвигалась все ближе. И верный Пятница тревожно замахал хвостом. А разговор продолжался.

— Московский?

— Из Москвы.

— Московские все такие надутые.

— Я не надутый.

— Рассказывай!

Было похоже на то, что все эти дипломатические переговоры окончатся дракой. Рыжий только искал повода, чтобы от слов перейти к делу. И плохо пришлось бы Алеше, если бы ему в голову не пришла неожиданная мысль.

— А я умею костры разжигать, на время, — сказал он.

— Как на время? — заинтересовались ребята.

— А так, — объяснил Алеша, — вы сосчитаете до ста — костер будет гореть.

Сообщение Алеши произвело на ребят необходимое впечатление. Все сразу забыли о нудном опросе.

— Давай, давай! — закричали они.

Отступать было некуда. И Алеша повелительно сказал:

— Тащите хворост.

Сами не замечая того, ребята сразу подчинились приказу новенького. Все бросились в разные стороны, и не прошло и минуты, как один тащил сломанный ящик из-под печенья, другой — полено, третий — кусок картона. Алеша сделал в снегу ямку и стал складывать в нее весь горючий материал, который натаскали ребята. Он это делал спокойно и уверенно, но в глубине души волновался: а вдруг костер не зажжется, что тогда? Пятница стоял рядом и внимательно наблюдал за тем, что делал его повелитель. Теперь его хвостик на пружинке напоминал стрелку прибора, испытывающего новую машину. Он волновался. Наконец костер был сложен.

— Готово! Готово! — закричали ребята. — Зажигай!

— Нужны спички, — сказал Алеша и стал шарить в карманах, хотя откуда в них было взяться спичкам?

И вдруг тоненький голосок произнес:

— У меня есть спички. Много!

Это был маленький мальчик, закутанный и круглощекий, как шарик. Казалось, он не пришел сюда, а прикатился как колобок. Колобок в согнутой руке держал, как дрова, два батона с откусанными горбушками и кирпичик черного хлеба. В другой руке у него была пачка спичек — целых десять коробков! Колобок шел из магазина и свернул с дороги из любопытства.

— Давай! — сказал Алеша и, взяв в руки коробок, опустил его на колено. — Считайте до ста!

— Раз, два, три, четыре...

Алеша чиркнул спичку, но ветер мгновенно погасил ее, словно специально стоял у него за плечами и ждал удобного момента.

— ...Двенадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Теперь Алеша был уже осторожен. Он сложил руки коромыслом и чиркнул вторую спичку. Спичка горела, будто фитиля в фонарике. А ладошки просвечивали насквозь. Две вареники бесполезно болтались на тесемочках, как на привязи. Алеша вспомнил, как вожатый Костя учил его зажигать костер. И он старался делать все так же, как летом в лагере на соревнованиях на лучшего кострового.

— ...Тридцать девять, сорок, сорок один...

Вспыхнула бумага. Алеша лег перед костром и стал дуть на огонек. Щеке было холодно: она касалась снега. Но Алеша терпел.

Пламя было хилым и болезненным. Оно то оживало, то умирало. Если бы можно было, Алеша отдал бы ему все свое тепло, только бы оно не погасло.

— ...Шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь...

Ребята считали очень быстро. И Алеша хотел было сказать: «Не торопитесь, это не по правилам», — но для этого нужно было перестать раздувать пламя, и оно могло погаснуть.

— ...Восемьдесят девять, девяносто...

«Ну гори же, костер! Очень прошу себя!» И тут, словно сочувствуя Алеше, пламя крепко встало на ноги. Запахло дымом. Затрещал ящик из-под печеня.

— ...Девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь!

— Горит! Горит! — закричали ребята.

А мальчик-колобок тоненьким голоском запел:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Птички летят,
Колокольчики звенят!

Костер пылал. Он горел щедро, дымно, в полную силу. Ребята потянулись к огню. Каждому хотелось погреть руки, чтобы испытать, настоящий ли это костер.

— Здорово у тебя получается! — сказал молчавший до этого времени высокий худой мальчик в очках. Он был, как и все, в снегу, и даже очки его были залеплены снегом.

— Могу научить, — сказал Алеша.

— И меня! И меня! — загалдели ребята.

— Меня первого, — сказал колобок, — ведь я тебе спички дал!

И он откусил последнюю уцелевшую горбушку.

— А как тебя звать? — спросил Алешу парень в очках.

— Алешкой, — ответил он. — А тебя?

— Я — Марат.

— Марат, — повторил Алеша. Ему очень понравилось это необычное имя.

В эту минуту Алеша был почти счастлив.

Кто сказал, что звери боятся огня? Хотя пес Пятница и был потомком диких зверей, костер не испугал его. Он протиснулся между ребячьими ногами, которые, как живой забор, окружили костер, и все время норовил сунуть свой черный нос в самое пламя.

Пятница вдыхал в себя горьковатый дымок и жмурил глаза от блаженства. Он пожинал лавры своего друга.

Горел костер. Таяли снежинки. А вместе с ними таял лед недоверия. Алеша был признан полноправным гражданином станции Мальчики.

СТАРШИНА СИНЯК

Торжество не бывает вечным. Каждому торжеству приходит конец. Иногда торжество потухает постепенно, как свет в театре. Но порой оно гаснет неожиданно и мгновенно, как свет в квартире, когда перегорают пробки.

Именно так произошло и теперь. Торжество было неожиданно прервано появлением блюстителя порядка старшины Синяка. Он незаметно появился за спиной ребят, и верный Пятница не успел твякнуть, извещая о приближении опасности, а на улице уже зазвучал трубный голос старшины:

— Поселок хотите спалить?

Если бы над тихой станцией Мальчики грянул салют из сорока орудий, он произвел бы на мальчишек, столпившихся у костра, меньшее действие, чем спокойный голос старшины.

Оказалось, что каждый из ребят представляет собой сжатую пружину. Теперь все пружины мгновенно разжались, и огнепоклонники разлетелись в разные стороны.

У костра остались двое: Алеша и Марат. Первый — от неожиданности, второй — из солидарности.

— Поселок хотите спалить? — повторил старшина Синяк, и от его ледяного голоса костер сразу ослаб.

— Нет, не хотим, — сказал Алеша.

— «Не хотим»! — повторил старшина так, как будто записал каждое Алешино слово. — А для чего с огнем балуете?

— Мы не балуем, — сказал Марат.

— Помолчи, — растягивая буквы, произнес Синяк, — не тебя спрашиваю.

Он желал говорить только с Алешей, будто его профессиональная проницательность безошибочно определила, кто был создателем этого очага пожара.

Глубоко ошибается тот, кто считает, что ложь является лучшим средством спасения. Нет, чаще простая правда оказывается чудодейственной палочкой-выручалочкой.

— Пионеры в лагере учились костры разжигать, на время. Я тоже научился и показал ребятам, как это делается, — сказал Алеша.

Он думал, что это правдивое объяснение вряд ли поможет ему, что этим костром он нарушил какой-то неведомый закон станции Мальчики и должен за это держать ответ.

Но его слова произвели на старшину Синяка совершенно обратное действие. Во-первых, у старшины изменился голос: из трубного он стал простым, комнатным. Во-вторых, в ледяных глазах блюстителя порядка мелькнули веселые любопытные огоньки:

— Как на время, расскажи?

И Алеша рассказал про лагерь, про вожатого Костю, про состязание костровых.

— Вот здорово! — воскликнул Синяк. — А когда я был пионером, нас этому не учили. Другое время было. Слушай, а ты покажи мне, как это делается.

Красные погоны и красные петлицы делали участкового похожим на снегиря. Алеша, подумав об этом, улыбнулся и стал объяснять, как следует зажигать костер, а старшина слушал. И когда Алеша кончил свое объяснение, милиционер сказал:

— В жизни все может пригодиться... А ты приезжий, что ли?

Алеша умолк. Ему опять задали вопрос, на который так трудно было ответить. И тут Марат пришел к нему на помощь.

— Алеша ко мне приехал.

— Друг, значит?

— Друг!

— Ну, пока, — сказал старшина Синяк. — А костер вы погасите, неудобно в поселке огонь жечь. Пожарная инспекция мне всыплет.

Алеша и Марат не представляли себе, что есть на свете такая сила, которая может «всыпать» строгому старшине милиции. И от того, что она все же есть, старшина показался им еще более симпатичным.

Милиционер ушел. Костер догорал. Ребята не появлялись. Было время обеда, и все разошлись по домам.

— Мне пора, — сказал Марат.

— Я тебя подожду, — сказал Алеша.

И снова он остался один. Совсем один, если не считать летнего пса по прозвищу Пятница.

ОДИНОЧЕСТВО

Говорят, радость летит на крыльях. У горя нет крыльев. Оно движется медленно, как товарный поезд. Но рано или поздно и товарный поезд дойдет до станции назначения.

Горе отстало от стремительной электрички, на которой Алеша ехал на станцию Мальчики. Оно боялось приблизиться к мальчику, когда Алеша был в окружении ребят. Но теперь, улучив момент, когда Алеша остался один, оно явилось к нему. И снова защемило сердце. Напрасно Пятница с полной готовностью помочь заглядывал в глаза своему другу и повелителю: он не мог вцепиться зубами в горе, ведь оно ходит по свету в шапке-невидимке.

Алеша вспомнил маму, папу, утреннюю ссору. И снова возник неразрешимый вопрос: почему родные, любимые люди нарочно делают друг другу больно? Они считают, что все, что между ними происходит, не касается Алеши. Но это совсем не так.

Жизнь в представлении Алеши была разделена на две части: на детскую и взрослую. Детской жизнью была школа, утренние сеансы в кино, детские книжки, детские коньки, детские врачи. У взрослых все было свое — и книжки, и врачи, и кинофильмы. Детей не пускают во взрослую жизнь. На афишах пишут обидные слова: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещен». В библиотеках говорят: «Эта книга для взрослых». Почему же Алешино горе было не из детской жизни? Почему жизнь не защитила его от взрослого горя, ведь оно Алеше не под силу?

Неподалеку от снежного поля боя, мимо платформы станции Мальчики, с простуженным свистом пробежал паровоз. Он выдохнул огромную порцию черного дыма. Дым расплылся по голубому небу, вымазал сажей облака, закрыл солнце, и оно сразу стало тусклым и темным шариком, как в закоптелом стеклышке. Нет, это было не маленькое стеклышко, которое можно оторвать от глаз. Облако черного дыма расплзлось

по небу, закрывая собой полсвета. И Алеша смотрел на небо в надежде, что ветер развеет дым и солнышко снова прозреет. Но было безветренно. И дым застыл без движения.

Вы знаете, какое самое вкусное кушанье на свете? Печеная утка или котлеты с макаронами? Жареная картошка и сколько хочешь компоту? Нет. Самое вкусное — хлеб. Кусок черного хлеба, даже немного черствого. Это хорошо знает голодный человек. Алеша неожиданно почувствовал сильный голод. Он не ел с самого утра: ушел из дому, так и не позавтракав. Самое вкусное, самое лакомое, самое прекрасное — хлеб. Но хлеба не было. Как, впрочем, не было ничего: ни дома, ни тепла, ни скамейки, чтобы присесть.

Молча ходил Алеша по снежной крепости, по опустевшей площади, бывшей веселым бранным полем. И за ним по пятам шагал тоже голодный, но все же не такой несчастный пес Пятница. Оба они чувствовали себя, как на необитаемом острове.

Что будет дальше? Через час? Через день? Через год?

Надо куда-то идти, что-то делать. А может быть, просто заплакать? Нет, нет! Покуда есть силы, надо крепиться.

В сказках в такие минуты обычно появляются добрые феи. Фея не пришла к Алеше, потому что станция Мальчики была не сказочной страной, а самой обычной: с продмагом, со школой, с киоском, обросшим сосульками, и милиционером, по фамилии Синяк.

Но если на свете нет добрых фей, то доброго человека встретить не так уж трудно.

— Алеша!

Мальчик вздрогнул от неожиданности и оглянулся. К нему в пальто нараспашку бежал Марат.

— Алеша! Пойдем к нам, мама зовет.

Алеша забормотал было, что ему и здесь хорошо, но Марат уже тащил его за рукав. А глаза его так весело светились из-под стекол очков, что Алеша сдался и послушно пошел за Маратом.

ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЯТНИЦЫ

На крыльце на досках, очищенных от снега, сидел пес Пятница. Вид у него был унылый. Уши опущены. Короткий хвостик не вертелся, будто у невидимой пружинки кончился завод. Из-под двери в щелку веяло теплом. Пятница приблизился к этому теплему течению и лег. Он вытянул лапы, положил на них голову и закрыл глаза.

Но он не спал. Он думал.

«Неужели я ошибся в друге? Я его водил по всем знакомым мне тропкам, я не бросил его в трудную минуту, когда жестокие мальчишки (я-то хорошо знаю их нрав!) устроили ему испытание. А он оставил меня одного. Ему хорошо — он в тепле, а я дрожу в своей легкой шкурке. Он, наверное, грызет кости и ест теплую похлебку, в которую накрошены крупные куски хлеба. А я голоден. Может быть, он сейчас выйдет и вынесет мне лакомую мозговую косточку с хрящиками и остатками мяса или целую миску вкусной еды?»

На этом месте Пятница прервал свои мысли и открыл один глаз, чтобы посмотреть, не идет ли Алеша с костью или с миской. Но никто не шел. Тогда Пятница жалобно тявкнул: то ли хотел пристыдить друга, то ли позвать его. И снова он закрыл глаза. Он не уходил. Он верил в человека. И твердо решил окончить, но дождаться его. Таким был этот славный бездомный пес, получивший сегодня имя — Пятница.

ОБЕД

У взрослых есть нехорошая привычка расспрашивать. Стоит маленькому человеку переступить порог незнакомого дома, как ему тут же будет задано по меньшей мере пять вопросов: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? На кого ты похож, на папу или на маму? Как ты учишься? Кем ты собираешься стать — летчиком или поэтом?»

Большинство взрослых, обращаясь к маленькому человеку

с этими вопросами, порой даже не удосужатся выслушать ответы. Задав эти вопросы, они считают, что выполнили долг перед молодым поколением, проявили внимание, заботу и так далее и тому подобное.

Когда Алеша, подталкиваемый другом, красный от смущения, вошел в дом, мама Марата не задала ему ни одного вопроса. Она только внимательно посмотрела на него и просто, как будто Алеша каждый день бывает у них в доме, сказала:

— Раздевайся, Алеша. Мойте, ребята, руки, будем обедать.

Алеша покраснел еще больше и, запинаясь, сказал:

— Спасибо... я не хочу.

Он был человеком с характером и считал такой ответ достойным мужчины. Да у него и в самом деле в это мгновение от волнения пропал аппетит.

Но мама Марата с притворной строгостью сказала:

— Что?! Без разговоров.

И Алеша сдался.

Мама Марата была высокой, светловолосой. Она, как и Марат, носила очки. Держалась она так прямо, что казалось, ей никогда не приходилось нагибаться. Движения у нее были широкие, немного резкие. «Строгая»,—решил Алеша. Но в это время она сняла очки, и лицо ее сразу стало добродушным и даже немного беспомощным. Казалось, вся ее строгость была в этих очках, как сила Черномора — в бороде.

В это время из соседней комнаты вышел папа Марата — тоже высокий и тоже в очках. Лицо у него было такое моложавое, и глаза такие озорные, будто он был не мужчиной, а очень большим мальчиком. В одной руке он держал раскрытую книгу, в другой — карандаш. Он только что завершил занятия и, как каждый человек, окончивший дело, был в хорошем расположении духа.

— Поторапливайтесь, а то есть хочется! — сказал он. И, посмотрев на Алешу, кивнул головой: — Здравствуйте, Алеша!

Алеша открыл рот, чтобы ответить на приветствие, но Ма-

рат уже утащил его за рукав в другую комнату. Стягивая с него шубу-дубленку, он говорил:

— Ты не удивляйся, что у нас в семье все в очках. Мы, Карнаковы, все близорукие.

Алеше показалось, что он произнес эти слова с гордостью. А Марат уже тащил его к умывальнику, совал ему в руки мыло, полотенце, торопил, будто не хотел ему дать опомниться.

Когда человек маленький, у него всего одно имя. Когда он немного подрастает, к имени добавляется фамилия. А когда становится взрослым, появляется еще отчество. Говорят, в Европе у людей нет отчеств, а на Востоке есть даже старики, носящие одно лишь имя, без отчества и фамилии.

Алеша думал об этом, не решаясь спросить у Марата, как звать его маму и папу. Но Марат, хотя и не был человеком, умеющим читать чужие мысли, вдруг сказал сам:

— Мою маму зовут Ольга Ивановна, а папу — Сергей Владимирович. — И добавил: — Ты не стесняйся. Они хорошие.

Алеша почему-то вспомнил о своих папе и маме, и ему захотелось сказать: «Мои тоже хорошие», — будто кто-то ставил это под сомнение.

Хотя семья Карнаковых встретила незнакомого Алешу без обычных вопросов, мальчик понимал, что рано или поздно его спросят, кто он и откуда. И каждый раз, когда кто-нибудь во время обеда обращался к нему, сердце его обрывалось: «Сейчас спросят». Но речь шла о другом.

— Знаете ли вы, что такое ПЭС? — спросил Сергей Владимирович, обращаясь к мальчикам.

Мальчики молчали. Они не знали, что такое ПЭС.

— ПЭС — это приливная электростанция, — говорил папа Марата, и в глазах его вспыхивали огоньки. — Турбины ПЭС приводятся в движение морским приливом, а стало быть, вращением Земли, так как приливы — результат вращения Земли вокруг своей оси. Здорово?

— Здорово! — сказал Марат.

Алеша закивал головой: у него был полон рот.

Сергей Владимирович работал зоотехником в соседнем совхозе, но он был человеком увлекающимся, мечтательным. Порой создавалось впечатление, что он даже немного стеснялся своей обыденной специальности — вечно он говорил о плотинах, турбинах, реакторах и мечтал принять участие в строительстве плотины через Берингов пролив. Его планы казались бы несбыточными, если бы он по вечерам не сидел за книгами и учебниками: он вдруг стал студентом-заочником энергетического института. А утром он снова спешил к своим телкам, выслушивал их, взвешивал и трепал по холке.

Ольга Ивановна была учительницей. Она относилась к своему мужу немного покровительственно, как обычно относятся к мечтателям. Но где-то в глубине души верила, что рано или поздно он создаст что-то удивительное.

Обед шел полным ходом. Тарелки мелели, как моря во время отлива. В это время Алеша слышал тихий лай. «Пятница!» — подумал он, и ему стало стыдно, что он обедает в тепле, а его дружок голодает на морозе. И тогда, привозмогая неловкость, он спросил:

— Можно, я отнесу косточку Пятнице?

— Какой Пятнице? — спросил папа Марата и улыбнулся. — Что у тебя за Пятница, товарищ Робинзон?

— Это собачка такая, — сказал Алеша, — она голодная.

— Конечно, можно, — сказала Ольга Ивановна, — можешь прихватить и мою косточку.

И тут вмешался Марат:

— Мама, давай пустим пса на кухню!

Алеша даже не смел мечтать о таком счастье для Пятницы. А Ольга Ивановна посмотрела на него испытующе и сказала:

— Ладно. Только в комнату его не впускай.

Нет, в людей все-таки стоит верить! Недаром Пятница терпеливо поджидал своего друга на морозе. Его страдания вознаградились. И, похрустывая в теплой кухне косточками, он

со стыдом думал, что мог хоть на минуту усомниться в своем друге. Откуда только взялся завод у пружинки: хвостик махал легко и безостановочно. Глаза весело поблескивали. А челюсти двигались с такой силой, что могли бы без труда разгрызть даже железяку. И если на свете бывает седьмое небо, то маленький черноносый пес Пятница был именно там — на седьмом небе.

ПРИЗНАНИЕ

Обед кончился. Марат стал показывать другу коллекцию марок.

— Самые ценные марки — колониальные, — пояснял он Алеше, — вот марка Южно-Африканского Союза.

Марки мелькали перед Алешей. А вместе с ними перед его глазами проплывали пальмы и ливанские кедры, египетские пирамиды и индейские вигвамы. И Алеше казалось, что он бредет по этим далеким незнакомым странам и нет ему возврата домой.

И тревожные мысли снова вернулись к нему.

Что будет дальше? Ну, посидит он здесь полчасика, а потом надо будет уходить. Куда? Горе вышло из темного уголка и вплотную подошло к Алеше.

— У тебя что-нибудь случилось? — спросила Ольга Ивановна. — Ты провинился?

Алеша покачал головой.

И вдруг слезы одна за другой потекли по его широким скулам, по большим веснушкам.

— Они ссорятся... — говорил Алеша. — Все время ругаются из-за меня. Вот я и ушел куда глаза глядят...

И в комнате стало тихо. И было только слышно, как всхлипывает Алеша.

Любовь — это что-то незаметное и необходимое. Алеша очень любил своих родителей, но в обычные, хорошие дни он не замечал этой своей любви. Зато сейчас, далеко от дома, на

незнакомой станции Мальчики он почувствовал эту любовь. Но она не принесла ему радости, а, наоборот, причинила страдание. И он сквозь слезы сказал:

— Хочу домой!

Никто не знал, как трудно было ему произнести эти слова. Его гордость была унижена. Он почувствовал себя слабым и беспомощным. Он погибал. Но слова «хочу домой» стали для него тем спасательным кругом, который не дал ему пойти ко дну. Ольга Ивановна наклонилась к нему и сняла очки. И от этого она стала уютной и родной. И Алеша поднял на нее свои глаза, полные слез.

Ему нужно было сказать, что он знает дорогу, что ему нужно только тридцать пять копеек на билет, а от вокзала он дойдет сам. И что деньги он обязательно отдаст: пришлет по почте. Но почему-то он не мог произнести ни слова.

А Ольга Ивановна сказала:

— Собирайтесь, мы поедем провожать Алешу!

Она выпрямилась, надела очки и снова стала похожа на строгую полновластную хозяйку дома.

— Вот здорово! — сказал Марат. — В Москву поедем!

— Отлично, — сказал Сергей Владимирович, — иду натягивать ботинки.

И весь дом пришел в движение. Все собрались в дорогу дружно, без суеты, без споров, не мешая друг другу. Словно в доме, как на хорошем корабле, все знали, что кому надо делать.

Алеша сидел на стуле и наблюдал за приготовлением.

В это время он почувствовал, что кто-то трется о его ногу. Он наклонил голову и увидел Пятницу. Пес смотрел на него глазами, полными счастья, благодаря его за верность и за обед. «Не стоит унывать, — говорили его глаза. — Жизнь не так страшна, если смотреть на нее веселее. Слышишь, мой повелитель?»

И Алеша решил, что никогда не расстанется с Пятницей.

ПРОЩАЙ, СТАНЦИЯ МАЛЬЧИКИ!

Прощай, станция Мальчики!

До свидания, домики, ростом в один этаж, дорожки, проложенные в снегу, киоск с сосульками, похожими на неровную ледяную челку. До свидания, холодные угольки костра. До свидания, мальчишки, в честь которых названа станция, и старшина милиции со странной фамилией Синяк!

Было уже темно, когда Алеша с Маратом, Ольгой Ивановной, Сергеем Владимировичем и неизменным Пятницей поднялись на пустынную платформу станции Мальчики. Теперь все они, конечно исключая летнего пса, знали о том, что заставило Алешу пуститься в путь, и семья Карнаковых убедила его, что он не лишний человек в доме, что папа и мама, забыв обо всех своих ссорах и раздорах, наверняка сбились с ног, разыскивая сына. Они очень ждут его, и поэтому надо спешить.

Алеша шел впереди со своим новым другом, и они вели разговор.

— А у тебя есть марка со снежным человеком? — спрашивал Алеша.

И Марат отвечал:

— А разве такая марка есть?

— Должна быть! — убежденно говорил Алеша. — Ведь есть марка со спутником, с атомоходом. Все, что открывают люди, рисуют на марках. Мне бы очень хотелось повидать снежного человека, а тебе?

— Где его увидишь? — отвечал Марат.

И друг тут же уточнял:

— В Тибете. Вот бы попасть в Тибет!

— У меня есть тибетская марка, — говорил Марат.

— Я буду присылать тебе письма с красивыми марками, ладно? — откликнулся Алеша.

— Запиши мой адрес, — говорил Марат.

— Мне негде записать, я запомню.

— А не забудешь?

— Нет, никогда не забуду. Говори!

— Станция Мальчики, улица...

Но тут из-за спины послышался голос Сергея Владимировича:

— Поторапливайтесь! Скоро поезд.

На платформе горел фонарь. Он был похож на перевернутую тарелку. Ветер слегка раскачивал фонарь, и тень от столба ходила по снегу взад-вперед, как маятник. На платформе было несколько пассажиров и дежурный по станции в красной шапочке. На этот раз он оказался мужчиной с бородой. И Алеше показалось, что это утренняя дежурная ради шутки приклеила себе бороду.

— Четыре билета, — сказал папа Марата, склонившись к светящемуся окошечку кассы.

— Я один доеду, спасибо, — сказал Алеша.

Но Марат потянул его за рукав:

— Нет, нет, мы поедем вместе. Поговорим в поезде.

Вдалеке показались огни электрички. Алеша еще раз оглянулся на станцию. На белом щите крупными черными буквами было написано: «Мальчики». Еще утром это была незнакомая, чужая станция, а сейчас она навсегда вошла в Алешкину жизнь. Потому что любой уголок земли, где ты встречаешь друзей, становится родным.

Поезд был уже совсем близко, когда Алеша вспомнил о Пятнице. Пес ни на шаг не отходил от него, полностью доверив ему свою судьбу. Неужели сейчас они расстанутся навсегда?

Сергей Владимирович покачал головой. Ольга Ивановна сказала:

— Придется оставить его здесь. С собаками в поезд не пускают.

В это время поезд подошел к платформе и затормозил. Все сели в вагон. На перроне остался один только пес Пятница. Он стоял маленький, одинокий и несчастный. У Алеши сжалось сердце. Поезд тронулся.

И тут произошло нечто совсем неожиданное. Пятница побежал вслед за вагоном и с разбегу прыгнул на ходу на площадку электрички, где стоял Алеша со своими новыми друзьями.

— Пятница! — крикнул Алеша и, схватив пса, поднял его и прижал к своей бурой дубленке.

Пес, хотя с виду был невелик, но оказался тяжелым. Однако Алеша держал его на руках. А Пятница, воспользовавшись моментом, лизнул своего покровителя в щеку.

— Оказывается, пес сам распорядился своей судьбой, — сказал Сергей Владимирович, протирая очки.

— Придется его посадить на следующей станции, — сказала Ольга Ивановна.

Алеша забеспокоился. Но Марат, хорошо знавший свою маму, дернул его за рукав: мол, молчи, все будет в порядке. И действительно, через пять минут Ольга Ивановна уже сидела на корточках перед песиком и, приглаживая его, приговаривала:

— Ишь ты, паршивец! Как это тебя угораздило прыгнуть на ходу? Отвечай!

Но что мог ей ответить Пятница? Он только усиленно крутил своим коротким хвостиком и поглядывал на Алешу.

ДОМОЙ

Поезд домой всегда едет недостаточно быстро, тем более если кажется, что ты не был дома целую вечность. Еще сегодня утром Алеша был уверен, что вернется домой через много-много лет. Но пусть он возвращался в тот же день, возвращался не плечистым, высоким мужчиной, а все таким же Алешей — и старая шубка не стала ему мала, и ботинки не жмут, и варежки висят на тесемочках, как будто без них они могли убежать, — сегодня на станции Мальчики с ним, с Алешей, произошло что-то значительное. Это путешествие вернуло ему веру в хороших людей, веру в то, что черная копоть

не вечно застиляет солнце: проходит время, и оно вновь сияет в голубом небе без единого пятнышка, хотя кое-кто и говорит, что на солнце есть пятна.

Поезд мчался, подгоняемый Алешиным нетерпением. За окном ничего не было видно. Только огни — много огней — на земле и в небе светили, мерцали, указывали путь людям и поездам.

Алеша представил себе, как он взбежит по крутой лестнице на третий этаж, как, не снимая варежки, нажмет кнопку звонка. Как мама и папа будут обнимать его, тискать, словно желая убедиться, что это он, Алеша, живой и невредимый. И как они в честь счастливого возвращения разрешат ему оставить пса, по имени Пятница. Правда, в этой картине возвращения, нарисованной Алешиным воображением, не нашлось места для трех незнакомых жителей станции Мальчики. Но зачем было их включать в воображаемую картину, когда они сидели рядом с ним, спокойные, доброжелательные, все трое в очках. И оттого, что они были рядом, что они встретились в трудную минуту, Алеша почувствовал, как что-то теплое и покойное обволокло его сердце.

Папа с мамой никогда больше не будут ссориться, и он никогда больше не уйдет из дому. И все будет хорошо.

А поезд мчался вперед, оставляя во тьме мерцающие огоньки станции Мальчики.

СОДЕРЖАНИЕ

Всадник, скачущий над городом	3
Он убил мою собаку	14
Письмо с вулканического острова	20
Временный жилец	26
Рыцарь Вася	47
Письмо Марине	55
Сын летчика	62
«Подкидыш»	80
Полосатая палка	93
Последний фейерверк	99
Неотступный	112
Четвертый лишний	119
Собирающий облака	126
Мальчик с коньками	136
Жених и невеста	168
Разбуженный соловьями	183
Новый плакат	194
Когда уезжает друг	203
Пусть стоит старый солдат	208
Станция Мальчики	219

Для старшего возраста

Яковлев Юрий Яковлевич

Письмо с вулканического острова

Ответственный редактор *Е. М. Подкопаева*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*.
 Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *Э. Н. Сизова* и *М. Б. Шварц*.
 Сдано в набор 16/III 1965 г. Подп. к печ. 14/VI 1965 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 16.
 Усл. л. 14,61. Уч.-изд. л. 11,19. Тираж 75 000. А00643 ТП 1965 № 354. Цена 44 коп.
 Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
 Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
 Совета Министров РСФСР по печати, Москва Суцевский вал, 49. Заказ № 1925.

Цена 44 коп.